

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1889.

№ 10.

МАЙ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Очерки изъ исторіи Христіанской проповѣди. Представители нравственно-аскетическаго типа проповѣди на Востокѣ въ IV вѣкѣ (продолженіе). *Н. Барсова* 673—691

Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго Университета *В. Надлера* 692—716

Справедливы-ли обвиненія, возводимыя гр. Львомъ Толстымъ на Православную Церковь въ его сочиненіи «Церковь и государство» (окончаніе).
А. Рождествина 717—733

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Чѣмъ различается вѣра отъ знанія. Профессора Кіевской духовной Академіи *П. Липицкаго* 389—411

О сущности міра физическаго. Философско-критическій очеркъ. *Н. Страхова* 412—430

III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Положеніе о стипендіи имени Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архієпископа Харьковскаго и Ахтырскаго, при Сумскомъ духовномъ училищѣ.—Списокъ воспитанницъ приготовительнаго, 1-го, 2-го и 3-го классовъ Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища, составленный послѣ годовыхъ испытаній за 1888/89 учебный годъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Некрологи.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер. д. № 16.

1889.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ канонѣвъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ Мѣсяцѣ за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТЪ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Брюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Фералонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Мая 31 дня 1889 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

О Ч Е Р К И

ИЗЪ

ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОЙ ПРОПОВѢДИ.

Представители нравственно-аскетическаго типа проповѣди на Востоку

ВЪ IV ВѢКѢ.

(Продолженіе *).

Св. Макарій Великій ¹⁾.

Онъ былъ сынъ пастуха (род. въ 301 г. близъ Оивъ въ Египтѣ) и въ дѣтствѣ самъ пасъ стада. Съ малолѣтства преданный уединенію, благочестивымъ размышленіямъ и воздержанію, онъ въ молодыхъ годахъ покинулъ міръ и жилъ сначала

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 8.

¹⁾ Свѣдѣнія о немъ первоначальныя: у блаж. *Иеронима*—въ посланіи къ Евстахію (по русск. изд. твор. Иерон. т. I), *Руфина* (histor. ecclesiast. lib. II cap. IV, et VIII), *Палладія* (Лавсанкъ гл. 19 и 28), *Сократа* (Церк. Исторія кн. IV, гл. 23 и 24, по русск. изд. стр. 354, 362), *Созомена* (Церк. Истор. кн. III, гл. 14, VI, 20 по русск. изд. стр. 191 и слѣд. 413 и сл.), *Теодорита* (Церк. Ист. IV, 21, по русск. изд. стр. 272), *Евагрия* (capita practica ad Anatolium, — capp. LXVI, XCIII, XCIV, см. у Котельера eccles. graecae monum. t. III, p. 88 sq. 99—100): Изъ позднѣйшихъ патрологовъ и писателей: *Du-Pin*, biblioth. des auteurs ecclesiast. t. II, pag. 69 sq; *Tillemont*—memoir. t. VIII, p. 243 sq. p. 264 sq., p. 357 sq.; *Fabricius* bibl. graeca, VIII, p. 491 sq., *Cave* hist. litter. ed. Oton. t. I, p. 256, *Oudin* script. eccles. t. I, p. 474; *Pritii*, praefatio ad. Macarii opuscula; *Sam. Samleri* dissertationes duae descriptis S. Macarii (у Мивя); *Gallandi* bibl. Patrum t. VII, prolegomena c. 1, *Cothelerii* monumenta graecae eccles. t. I, Ros-

въ уединенной келіи близъ своего села, занимаясь псалмопѣніемъ, Богомысліемъ и молитвою, добывая себѣ пропитаніе плетеніемъ корзины, которыя одинъ изъ бывшихъ его односельчанъ продавалъ на рынкѣ, на вырученныя деньга покупая ему необходимое. Узнавъ о его подвигахъ, жители селенія избрали—было его въ клирики своего храма; но онъ скоро оставилъ эту должность и ушелъ въ болѣе уединенное мѣсто, а со временемъ, на тридцатомъ году жизни, поселился въ такъ называемой «скитской» пустынѣ, самой отдаленной отъ населенныхъ мѣстъ Египта, представлявшей, по словамъ Руфина, «море песчаное, гдѣ ходить можно было только по указанію звѣздъ». Дотогѣ обитаемая только звѣрями, со времени прибытія въ нее Макарія, она стала быстро населяться отшельниками. Своими подвигами и духовною мудростію Макарій стяжалъ себѣ здѣсь между отшельниками особенное уваженіе и любовь и на сороковомъ году жизни сдѣлался пресвитеромъ и главою всѣхъ собравшихся въ этомъ мѣстѣ монаховъ. Безмолвіе, всегдашнее самоуглубленіе, кротость и сосредоточенность духа—за которыя, по словамъ Палладія, его прозвали «отрокъ-старецъ» (παῖδαριοῦέρον) — были отличительныя черты его характера. Церковные историки—Сократъ, Созомень, Палладій, Кассіодоръ, Руфинъ съ благоговѣйнымъ удивленіемъ рассказываютъ о святости и высо-

wed, Veter. Patr. lib. 3, P. Possini—Thesaurus asceticus 1684 г. Assmanni, bibl. orientalis t. III, p. 34, Maii collect. veter. auctorum, t. IV, p. 191—192 (Romae, 1835). Schreck Kirchengeschichte, theil VIII; Tschirneri opuscula academica, Lipsiae 1829, p. 246—252; Henr. Floss de ss. Macariorum vitis quaestiones criticae et historicae (у Мипи); «Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцовъ», Москва, 1845, стр. 30, 36, 150, 153. II. С. Казанскаго «Св. Макарій Египетскій (въ Прибавл. къ твор. св. отцовъ, въ русск. перев., 1845 г., III, стр. 105). Г. П. Павскаго статья о св. Макаріи въ Христ. Чтеніи 1821 г. Изданія сочиненій Макарія:—ed. Morelii, Paris 1559,—ed. Zachii Palthenii, graece, et latine, Franctort, 1594 и 1604; S. Macarii Aegyptii homiliae atque opuscula, ed. a G. Pritio, Lips. 1699 и 1714; Gallandi bibl. veter. Patrum t. VII; S. Macarii Aegyptii epistolae et quaedam alia cum curis criticis ed. H. Floss, Coloniae 1850 г. Migne patrologiae s. s. ser. graeca t. XXXIV. На русскомъ языкѣ: въ Христіанскомъ Чтеніи переведено (Г. П. Павскимъ) четыре слова и тридцать пять бесѣдъ — за 1821, 1825, 1827, 1829, 1834—37, 1846 гг. Особою книгою на русскомъ языкѣ творенія Макарія изданы въ Москвѣ въ 1820 г. и вновь въ 1853 г. (Московскою Академіей).

тѣ его аскетической жизни, равно какъ о чрезвычайныхъ благодатныхъ дарованіяхъ, которыми онъ обладалъ—дары прозорливости и чудотвореній. По выраженію Сократа онъ исцѣлилъ столько больныхъ и столь многихъ освободилъ отъ власти злыхъ духовъ, что для описанія всѣхъ его чудесъ потребна цѣлая книга. Во время аріанскаго гоненія на православныхъ при Валентѣ онъ, вмѣстѣ съ Макаріемъ Александрійскимъ, былъ сосланъ на одинъ изъ острововъ Нила, гдѣ между жителями не было ни одного христіанина; исцѣливъ молитвою дочь мѣстнаго языческаго жреца, онъ обратилъ всѣхъ жителей острова ко Христу и вскорѣ послѣ того былъ возвращенъ въ свою обитель, гдѣ скончался въ 391 году, пробывъ въ непрерывныхъ аскетическихъ подвигахъ шестьдесятъ лѣтъ.

Подъ именемъ св. Макарія Египетскаго извѣстны слѣдующія сочиненія: 1) изданныя въ разное время пятьдесятъ «духовныхъ бесѣдъ» (ὁμιλῆαι πνευματικαί), семь «словъ» (λόγοι, libri), два посланія—краткое (сохранившееся лишь въ латинскихъ переводахъ) и обширное (въ греческомъ текстѣ) и одна «молитва» (εὐχὴ); 2) существующія доселѣ лишь въ рукописяхъ и не изданныя восемнадцать «бесѣдъ», изъ которыхъ одиннадцать въ арабскомъ переводѣ (въ одной изъ рукописей Ватиканской бібліотеки) и семь на греческомъ языкѣ; 3) изданныя въ разное время сохранившіяся въ записяхъ разныхъ лицъ (преимущественно Палладія и Руфина) многочисленныя «краткія изрѣченія» (apophigmata)¹⁾. Въ XVII столѣтіи возникло сомнѣніе въ принадлежности св. Макарію то всѣхъ, то нѣкоторыхъ исчисленныхъ его сочиненій, на томъ основаніи, что ни Сократъ, ни Иеронимъ, ни Геннадій, упоминая о жизни Макарія, ни единымъ словомъ не упоминаютъ о сочиненіяхъ его, а также принимая во вниманіе то обстоятельство, что въ сочиненіяхъ приписываемыхъ Макарію ученіе о благодати Божіей и о ея отношеніи къ свободѣ чело­вѣка раскрыто съ такою спеціальностію и подробностію, ко-

¹⁾ Apophigmata собраны у Миня patrologiae s. s. ser. graeca t. XXXIV. См. о прочихъ преосв. Филарета «историч. ученіе объ отцахъ Церкви». 1859, ч. II, § 162.

торыя могли имѣть мѣсто лишь въ періодѣ Пелагіанскихъ споровъ, что-де будто бы ясно указываетъ въ авторѣ этихъ сочиненій современника этихъ споровъ ¹⁾. Въ настоящее время принадлежность Макарію всѣхъ исчисленныхъ выше его сочиненій стоитъ въ наукѣ выше всякаго сомнѣнія. Во-первыхъ, то тѣ, то другія изъ этихъ сочиненій, въ древнихъ кодексахъ—арабскихъ, вирскихъ, греческихъ—звчатся съ именемъ Макарія Египетскаго, который и по другимъ историческимъ указаніямъ извѣстенъ былъ въ древности какъ духовный писатель. Такъ Исаакъ Сиринъ говоритъ о Макаріи, какъ «писавшемъ съ великою прозорливостію» и приводитъ мѣсто изъ его твореній (изъ слова «объ истинномъ вѣденіи и объ искушеніяхъ»); Тома Мергскій (IX в.) въ «исторіи монаховъ» также приводитъ мѣста изъ его твореній; Іоаннъ, патріархъ Антіохійскій, (XI в.) упоминаетъ о его «книгахъ». Во-вторыхъ, доказательство принадлежности Макарію приписываемыхъ ему сочиненій находятся въ самыхъ этихъ сочиненіяхъ. Такъ въ бесѣдѣ XXVII, §§ 15—16 авторъ ея представляется современникомъ мучениковъ (что можетъ означать время Діоклитіанова гоненія, когда уже жилъ Макарій); въ бесѣдѣ XVI, § 1 авторъ упоминаетъ о еретикахъ, утверждавшихъ, что матерія не имѣетъ начала, что она есть сила, равная силѣ Божіей и корень всѣхъ вещей; въ бесѣдѣ XLVI § 1 упоминается о еретикахъ, которые говорятъ, что человекъ совсѣмъ умеръ и никакъ не можетъ сдѣлать что либо благое. Эти упоминанія о ересяхъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, очевидно, указываютъ на время до-Никейскаго собора, какъ время жизни автора сочиненій или непосредственно ему предшествующее. Въ третьихъ, содержаніе всѣхъ исчисленныхъ сочиненій, приписываемыхъ Макарію, вполне соотвѣтствуетъ тому міросозерцанію, которое было господствующимъ между египетскими отшельниками въ IV вѣкѣ; нерѣдко въ бесѣдахъ рѣчь обра-

¹⁾ Нѣкто *Petitdidierius*, въ *remarques* на изданіе Дюпеля (см. Мизи, t. XXXIV col. 402). Позже въ подлинности сочиненій Макарія сомнѣвался *Sellier* — въ *histoire generale des auteurs ecclesiastiques*, *Уденъ*—въ *commentarii de scriptor. ecclesiast.* t. I, p. 475 и др.

щена прямо къ этимъ отшельникамъ. Наконецъ на принадлежность этихъ сочиненій великому аввѣ Макарію указываетъ та свобода, съ какою ведется въ ней разсужденіе о предметахъ христіанскаго ученія, — свобода, съ одной стороны несомнѣнно свойственная болѣе или менѣе всѣмъ отцамъ Церкви до-Никейскаго времени (напримѣръ Діонисію Великому), когда еще не было общеобязательныхъ для всей Церкви формулъ ученія Христіанскаго — символовъ и вѣроизложеній соборныхъ, канонически ограничившихъ эту свободу въ IV вѣкѣ, — съ другой стороны вполне естественная въ устахъ великаго аввы, который, стоя вдали отъ общаго хода церковной мысли и жизни, износить свое религіозное разумѣніе и разсужденіе непосредственно изъ глубинъ собственнаго личнаго Богомудраго и Богопросвѣщеннаго разума. Большею частію та или другая истина въ его ученіи выясняется методомъ вполне аналитическимъ, являясь въ началѣ рѣчи какъ неизвѣстное искомое, что именно указываетъ на эпоху, когда отсутствовали еще ограничительныя постановленія относительно предѣловъ личнаго богословствованія вѣрующаго.

Св. Макарій, несомнѣнно, не получилъ никакого методическаго образованія — школьнаго: всю жизнь свою онъ провелъ въ пустынѣ, вдали отъ тогдашнихъ центровъ образованія. Тѣмъ не менѣе въ его сочиненіяхъ видно несомнѣнное и отнюдь не поверхностное знакомство съ наукой и литературой его времени. Онъ упоминаетъ о мнѣніяхъ мірскихъ мудрецовъ вообще и критикуетъ ихъ (напримѣръ въ бесѣдѣ XIV, § 7), о Сократѣ, Платонѣ и Аристотелѣ, къ которымъ относится съ уваженіемъ, сравнивая ихъ съ большими городами (бес. XLII, стр. 367 по изд. Оптиной пустыни), говоритъ о грамматикахъ, риторкахъ, софистахъ, витіяхъ, стихотворцахъ, о принятыхъ въ наукѣ правилахъ написанія исторіи о художникахъ, о горномъ промыслѣ (бес. XLV, § 2). Не чуждъ онъ также знаній космологическихъ (бес. XIV, 6—7). Множество сравненій изъ жизни природы, изъ области искусства, общежитія и гражданственности свидѣтельствуютъ о знакомствѣ его съ науками естественными, съ условіями жизни общественной, съ учрежденіями жизни гражданской и поли-

тической. Сочиненія его дошли до насъ на греческомъ языкѣ, и если они на этомъ языкѣ имъ самимъ написаны, то это служитъ доказательствомъ его образованности. Изучая подлинный греческій текстъ его твореній, мы даже встрѣчаемся съ вещью, по-истинѣ изумительною, доказывающею не только полное знакомство его съ психологіей великихъ греческихъ философовъ, но и воздѣйствіе этой психологіи на его христіанскую психологію. Еще со времени св. ап. Павла эта послѣдняя, говоря о природѣ человѣка, находила въ ней тройственный составъ: тѣло, душа, духъ (σῶμα, ψυχή, πνεῦμα). Макарій, принимая ту же тройственность состава человѣческой природы, ставилъ, однако, для обозначенія высшей стороны человѣческой природы на мѣсто πνεῦμα апостола Павла δαίμων, заимствуя, очевидно, этотъ терминъ, а можетъ быть и самое понятіе, имъ выражаемое, отъ Сократа и въ своей своеобразной психологіи развиваетъ это понятіе совершенно самобытно. Смыслъ его ученія о δαίμωνъ будетъ намъ ясенъ при нижеслѣдующемъ изложеніи ¹⁾. Здѣсь достаточно отмѣтить это обстоятельство, какъ доказательство несомнѣнно высокаго его философскаго развитія, составляющаго отчасти плодъ его самообразованія (изученія наукъ чрезъ чтеніе сочиненій), отчасти результатъ пребыванія въ египетскихъ монастыряхъ многихъ пришедшихъ туда изъ міра, между прочимъ — изъ Александріи, христіанскихъ ученыхъ (каковъ былъ на примѣръ Макарій Александрійскій, въ продолженіе десяти лѣтъ стоявшій во главѣ знаменитаго Александрійскаго огласительнаго училища), отчасти какъ плодъ непосредственнаго общенія съ языческими философи, приходившими къ нему спеціально для знакомства и препирательства съ своеобразнымъ христіанскимъ мышленіемъ.

¹⁾ При чтеніи прекрасной диссертации іеромонаха Антонія («психологическія данныя въ пользу свободы воли и нравственной отвѣтственности». Слб. 1888 г.) мы отъ души пожалѣли, что авторъ ни однимъ словомъ не коснулся разсужденій о томъ же предметѣ перваго, по нашему мнѣнію, христіанскаго психолога, отмѣчающаго, послѣ ученія Св. Писанія, новую эру въ развитіи психологіи христіанской.

II.

Не получилъ Макарій какого-либо образованія и ораторскаго въ какой-либо изъ школъ, подобно Василию Великому или Златоусту. Но онъ былъ богато одаренъ отъ природы тѣми душевными качествами, которыя особенно способны образовать истиннаго христіанскаго оратора: глубокою сердечностію, живымъ и сильнымъ воображеніемъ, высоко-благочестивымъ энтузіазмомъ, развивавшимся въ немъ въ теченіе его продолжительной жизни въ Богѣ и для Бога до необычайной, истинно пророчесвенной силы и интенсивности. Его рѣчи—плодъ глубокаго размышленія, усиленной и напряженной духовной жизни. Разнообразные психическіе процессы, переживаемые христіаниномъ на пути его къ нравственному совершенству, безчисленные виды душевныхъ состояній, состояній праведности и грѣховности, дознаны имъ опытомъ собственной личной внутренней жизни, анализомъ и наблюденіемъ; знаніе и постиженіе «внутренняго человѣка» доходить въ немъ до истиннаго сердцевѣдѣнія и ясновидѣнія. *Паниль* ¹⁾ замѣчаетъ справедливо, что если бы Св. Макарію пришлось быть проповѣдникомъ въ мірѣ, среди измѣнчивой и подвижной житейской обстановки, онъ былъ бы, вѣроятно, не только однимъ изъ самыхъ задушевныхъ и глубоко-чувствующихъ ораторовъ, но въ то же время практическимъ по содержанію и однимъ изъ самыхъ ясныхъ по изложенію. Поставленный условіями своего призванія въ необходимость имѣть дѣло съ отшельниками, съ людьми, для которыхъ совершенно чужды были, хотя и не невѣдомы, нравственно-практическія условія и нужды жизни мірской съ ея разнообразными отправлениями, онъ направляетъ силу своего чувства и воображенія главнымъ образомъ въ область отвлеченныхъ созерцаній и жизни внутренней духовной, разсуждая о законахъ этой жизни не только съ компетентностію лучшаго, перваго по степени достоинства, христіанскаго психолога, но и съ тѣмъ же энтузіазмомъ и паэсомъ, какіе свойственны лучшимъ учи-

¹⁾ Geschichte der christlichen Bereisamkeit, 1839, § 125.

телямъ церковнымъ, тракующимъ духовно-нравственныя потребности и законы жизни мірской. Эта духовная жизнь, о которой съ такимъ глубокимъ пониманіемъ ея явленій и законовъ разсуждаетъ св. авва, не есть однако жизнь исключительно монашеская, — это духовная жизнь человѣка — христіанина вообще: святымъ аввой чрезъ размышленіе, наблюденіе и изученіе слова Божія наиболѣе постигнутая. Не смотря на созерцательно-мистическое содержаніе проповѣдей Макарія, ему присуща полная ясность представленія, вся естественная свѣжесть и живость рѣчи.

И по внѣшней своей формѣ проповѣди Макарія представляютъ явленіе замѣчательное для IV-го вѣка. Въ строгомъ смыслѣ они не могутъ быть отнесены ни къ тому, ни къ другому изъ двухъ разившихся къ его времени и господствовавшихъ въ IV вѣкѣ главныхъ типовъ восточной проповѣди, ни къ гомиліи (ὁμιλία) ни къ слову (λόγος) въ терминологическомъ смыслѣ этихъ названій. Гомиліями они не могутъ быть названы потому, что отнюдь не представляютъ послѣдовательнаго объясненія, слово за словомъ, какого либо текста. Св. Писанія, какъ это свойственно было гомиліи уже со времени Оригена, хотя въ содержаніи его проповѣдей библейскіе тексты встрѣчаются въ избыткѣ, иногда даже въ излишествѣ, — больше, чѣмъ сколько нужно для доказательства и объясненія мысли проповѣдника, — и хотя вообще въ его проповѣдяхъ безусловно господствуетъ библейскій духъ и внѣшній обликъ рѣчи библейскій. *Словами* (λόγοι) въ томъ терминологическомъ смыслѣ, какой установленъ для этого названія въ IV вѣкѣ, онѣ также названы быть не могутъ, по причинѣ полного отсутствія какой-либо искусственной конструкціи, какой-либо степени тематизаціи (ни въ одной проповѣди заглавіе ея не опредѣляетъ вполне и не исчерпываетъ его содержанія), а равно и по отсутствію какого-бы то ни было признака искусственности ораторской, составляющей проявленіе риторическаго и діалектическаго образованія. Проповѣди Макарія представляютъ типъ вполне своеобразный, носящій на себѣ ясныя признаки того вида проповѣди, какой она можетъ быть имѣла во вѣкѣ апостольскій или во время непосредственно слѣдовавшее за апо-

столами ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе разговорная (діалогическая) структура нѣкоторой части бесѣдъ (ὀμιλαί), именно бесѣды VI, VII, VIII, XII, XV, XXVI, XXVII, XXXVII, XL. — Какъ въ первобытной Церкви предметъ учительной рѣчи указывался нерѣдко предложеннымъ кѣмъ-либо учащему вопросомъ, и затѣмъ раскрывался и изъяснялся въ своихъ подробностяхъ не безъ участія слушателей, прерывавшихъ рѣчь учителя новыми вопросами и возраженіями, — отчего проповѣдь получала характеръ бесѣды въ собственномъ смыслѣ этого слова, — такъ, повидимому, велось дѣло проповѣдыванія своей «братіи» и Макаріемъ. По крайней мѣрѣ указанныя девять бесѣдъ, имѣя обыкновенно монологическое начало, представляютъ затѣмъ рядъ вопросовъ (ἐρωτήσεις — interrogatio) и отвѣтовъ (ἀποκρίσεις — responsio) на нихъ, такъ что бесѣда иногда представляетъ видъ настоящаго разговора (бес. XII, XXVII и др.). Иногда вопросъ, прерывающій монологическое начало проповѣди, вызывается тою или другою изъ высказанныхъ въ началѣ проповѣди проповѣдникомъ мыслей, иногда же онъ не имѣетъ никакого отношенія къ содержанію начала проповѣди. Поэтому нельзя съ полною рѣшительностію сказать, предлагались ли эти вопросы проповѣднику слушателями экспромтомъ, *во время самой бесѣды*, или были предъявляемы ему до ея начала, и въ этомъ случаѣ непосредственно ли предъ началомъ проповѣди, или болѣе или менѣе заранѣе. Повидимому имѣло мѣсто и то и другое. Въ однихъ случаяхъ, можетъ быть въ началѣ проповѣднической дѣятельности Макарія, предлагались вопросы и возраженія *во время самой рѣчи*, въ церковномъ собраніи, какъ можно предполагать по крайней мѣрѣ относительно тѣхъ вопросовъ, которые относятся непосредственно къ только что высказанной проповѣдникомъ мысли. Напримѣръ (бес. XXVII) проповѣдникъ начинаетъ проповѣдь словами: «нынѣ Христіане иначе обогащаются, — восхищаются къ Божеству, но и имѣя такую ревность и утѣшеніе, находятся въ страхѣ и тре-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ нашей «исторіи первобытной Христіанской проповѣди» Спб. 1885 г.

петѣ (ὄπρὸ φόβου καὶ τρόμου εἶσιν)», — слушатель прерываетъ рѣчь проповѣдника, едва онъ произнесъ эти слова, вопросомъ: «въ какомъ страхѣ и трепетѣ (ὄπρὸ ποῦου φόβου καὶ τρόμου εἶσιν)? Въ бесѣдѣ VIII (§ 2) проповѣдникъ начинаетъ разсуждать о внутреннемъ состояніи Христіанина во время молитвы. Рѣчь его прерывается вопросомъ: всегда ли человѣкъ находится въ такомъ состояніи? Еще: «Ты говоришь (εἶπες...)... а что значить сіе? (XXXVIII, 8). Въ другихъ случаяхъ предлагаемый вопросъ не имѣетъ никакого отношенія или отношеніе отдаленное къ непосредственно—предшествующимъ мыслямъ (напримѣръ бес. VI, §§ 5—6, VII, 3, 5, 6, XII, 3, 15, XL, 3 и др.). О такихъ вопросахъ можно предположить, что они ради большаго порядка и удобства для учителя предъявлялись ему ранѣе, чѣмъ началась бесѣда, и уже самимъ проповѣдникомъ ставились въ бесѣдѣ по окончаніи рѣчи о томъ, что сказать предположилъ онъ самъ (напр. бес. XV, § 13). Предлагались вопросы и отдѣльными лицами изъ присутствующихъ (XXXVII, 5: ἀλλ' ἐγὼ τοῦτο θαύμαστον ἐπερωτήσω... XII, 10: ἕκαστος γὰρ ἄραεται ἐπερωτᾶν... XXII, 9: ἐγὼ σε σοὶ λέγω) и коллективно, многими (XXVI, 21: διακρίνον ἡμῖν, πῶς ἐστὶ τὰ πνευματικὰ... VIII, 6: εἰπὲ ἡμῖν συ и др.).

Проповѣди Макарія часто начинаются безъ всякаго вступленія и даже текста, прямо тѣмъ вопросомъ или предметомъ, которымъ по своему внутреннему побужденію или по внѣшнему вызову хочетъ заняться въ своей рѣчи проповѣдникъ. Онъ разсматриваетъ этотъ вопросъ или предметъ до тѣхъ поръ, пока или исчерпаетъ его, или, часто не отдавая самъ яснаго отчета—почему, не перейдетъ къ другому ряду мыслей, часто совершенно отличному отъ предъидущаго. Не болѣе, какъ двѣ—три бесѣды, самыя краткія, представляютъ во всемъ своемъ составѣ одно упорядоченное цѣлое. Богатый умъ и живое воображеніе оратора по природѣ св. Макарія почти вовсе чужды той склонности къ логическому упорядоченію мыслей и сужденій, какою характеризуется какъ своимъ существеннымъ признакомъ рѣчь оратора *по образованію*. Не смотря на высоту и отвлеченно-мистическій характеръ предметовъ, о которыхъ учитъ Макарій, рѣчь его всегда ясна и отчетлива, какъ

ясно и отчетливо самое пониманіе проповѣдникомъ своей продуманной и вполне понятой и усвоенной мысли. Но эта рѣчь развивается отнюдь не въ порядкѣ строго—логической послѣдовательности, а въ порядкѣ вполне безыскусственномъ, указываемомъ непосредственной ассоціаціей идей самого проповѣдника или собесѣдовательнымъ теченіемъ его рѣчи. Во всякомъ случаѣ о методическомъ развитіи одной и той же мысли въ проповѣдяхъ Макарія не можетъ быть и рѣчи. Даже въ томъ случаѣ, если бы проповѣдникъ отъ природы былъ болѣе склоненъ, чѣмъ какъ было въ дѣйствительности, во всемъ разсужденіи, отъ его начала и до конца, непрерывно развивать одну мысль, церковный обычай того времени и порядокъ монастырскихъ отношеній настоятеля къ братіи ему не дозволили бы такой методичности и послѣдовательности. Но, кромѣ того, что такой склонности въ Макаріѣ не замѣчается, мы находимъ у него сознательное стремленіе осуществлять въ своей проповѣднической методѣ порядокъ проповѣди древне-церковный, т. е. порядокъ вполне безыскусственной непосредственной ассоціаціи мыслей. Въ томъ случаѣ, когда не слышится прерывающаго его рѣчь возраженія или вопроса со стороны слушателей, проповѣдникъ самъ указываетъ предусматриваемое имъ возраженіе (напримѣръ въ бес. XII, § 10, бес. XV, § 14: но ты говоришь... ἀλλὰ λέγεις...). Во всѣхъ тѣхъ девяти бесѣдахъ, въ которыхъ встрѣчается форма діалога, проповѣдникъ держится порядка вопросовъ слушателей, а не порядка предмета или текста имъ самимъ избраннаго. Что касается прочихъ «бесѣдъ», изложенныхъ не въ разговорной формѣ, то онѣ, хотя и имѣютъ монологическую форму, но отнюдь не всѣмъ своимъ содержаніемъ относятся къ предмету или тексту, обозначенному въ заглавіи, совершенно чужды какого бы то ни было вида тематизаціи. На ряду съ предметомъ, обозначеннымъ въ заглавіи, въ нихъ часто говорится о такихъ предметахъ, которые съ нимъ не имѣютъ ничего общаго и связываются съ нимъ чисто механически. Такъ въ XI бесѣдѣ сначала говорится о силѣ дѣйствія Св. Духа въ сердцѣ Христіанина, далѣе о томъ, какъ распознавать самые сокровенные помыслы и движенія сердца, а затѣмъ—о мѣдномъ

зміѣ Моисея, какъ прообразѣ распятія І. Христа, о спорѣ І. Христа съ сатаной, о спорѣ вѣрующихъ съ сатаной. XIV бесѣда трактуетъ сначала объ освященіи сердца человѣка, отдающаго себя на служеніе Богу, затѣмъ о способахъ достиженія небесныхъ благъ, далѣе апостолы и пророки сравниваются съ солнечными лучами, проникающими во мракъ, а заканчивается слово разсужденіемъ объ отечествѣ сатаны (ἡ καὶ πατρίς σατανῆς), и мѣстѣ обитанія блаженныхъ духовъ. На эту черту бесѣдъ Макарія указываютъ какъ на недостатокъ. Если въ бесѣдахъ, представляющихъ слѣды діалогическаго происхожденія, отсутствіе методическаго развитія мысли вполнѣ естественно, то, говорятъ, въ бесѣдахъ, не имѣющихъ такого происхожденія, проповѣднику, намѣтивши разъ въ началѣ предметъ рѣчи, не было надобности уклоняться отъ него въ дальнѣйшемъ изложеніи и обращаться къ другимъ предметамъ, не имѣющимъ къ нимъ никакого отношенія. Съ точки зрѣнія строгой гомилетической теоріи это замѣчаніе, конечно, справедливо; но слѣдуетъ помнитъ, что проповѣдникъ—авва руководился отнюдь не какою-либо теорію, а слѣдовалъ въ своихъ импровизаціяхъ ходу непосредственной ассоціаціи своихъ идей. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ большей части прочихъ бесѣдъ св. аввы соблюдается необходимая связность и послѣдовательность въ ходѣ мыслей. Вообще же по построенію бесѣды св. Макарія представляютъ тотъ же типъ безыскусственныхъ рѣчей, образцы которыхъ мы видѣли уже въ поученіяхъ учителя Макарія, св. Антонія. Отъ семи «словъ» (λόγοι, libri), которыя суть не что иное, какъ болѣе или менѣе уже тематизованныя проповѣдническія разсужденія (имѣющія иногда и проповѣдническое заключеніе, какъ въ словѣ «о храненіи сердца», состоящее изъ «славословія» и слова аминь), «бесѣды» отличаются большею краткостію. Такъ бесѣды XIII («о томъ, какого плода Богъ требуетъ отъ Христіанъ»), XXII («о двоякомъ состояніи отходящихъ изъ сей жизни») и XXXIX («для чего дано Св. Писаніе») до того кратки, что состоятъ каждая всего лишь изъ нѣсколькихъ предложений, хотя, съ другой стороны, есть одна бесѣда—XV столь длинная, что по объему равняется самымъ большимъ проповѣдямъ

проповѣдниковъ—ораторовъ IV вѣка (занимаетъ девятнадцать столбцовъ петита въ изданіи Миня).

Что касается изложенія въ бесѣдахъ св. Макарія, то, хотя отвлеченность и возвышенность предметовъ рѣчи могли бы повлечь за собою большую или меньшую неясность и темноту, тѣмъ не менѣе ни той, ни другой въ нихъ не замѣчается, — мысли проповѣдника всегда выражаются ясно и отчетливо, общепонятно. Риторической декламациі и изысканныхъ украшеній у него совсѣмъ нѣтъ, много примѣровъ и сравненій, вторыхъ даже нерѣдко встрѣчается больше, чѣмъ сколько требуется, но они всегда хорошо объясняютъ и освѣщаютъ мысль проповѣдника. Очень часто встрѣчаются у Св. Макарія аллегоріи—отчасти, можетъ быть, какъ дань характеру времени, главнымъ же образомъ какъ спеціальная принадлежность его личнаго богословскаго міросозерцанія.

Такъ *пять словесъ* апостола (1 Кор. XIV, 19) означаютъ по Макарію пять добродѣтелей—молитва, воздержаніе, долготерпѣніе, милосердіе и вольное убожество (б. XXXVII, 8). Слова апостола о женѣ, съ непокровенною главою молящейся, кромѣ буквального смысла, имѣютъ смыслъ аллегорическій, именно относятся къ Церкви, — «жена есть образъ Церкви» (б. XII, 15). Двѣ бесѣды—I и XLVII суть въ цѣломъ своемъ составѣ аллегоріи. Какъ животные, изображаемые у Іезекіиля въ первой главѣ (б. I), полны глазъ, такъ душа, въ которой обитаетъ Богъ, вся содѣлывается свѣтомъ, вся лицомъ, вся окомъ, и нѣтъ въ ней ни единой части, неисполненной очами свѣта. Четыре животныхъ, изъ которыхъ орелъ господствуетъ надъ птицами, волъ—надъ стадами, левъ—надъ живыми звѣрями, человекъ—надъ всѣми твореніями, суть образы четырехъ силъ, господствующихъ въ душѣ, —воли, совѣсти, разума и любви. Какъ эти звѣри въ видѣніи Іезекіиля идутъ не туда, куда хотѣли, а туда, куда хотѣлъ направить ихъ сидящій на нихъ: такъ и душою самъ Богъ управляетъ своею премудростію. Какъ жертву въ Иерихонѣ Завѣтѣ священникъ закалать, разрѣзывать, посыпалъ солью и затѣмъ клалъ на огонь; такъ и душа, приближаясь къ истинному Архіерею, должна быть умерщвлена имъ для

всѣхъ дурныхъ пожеланій. Какъ тѣло, по разлученіи съ душою, мертво, такъ и душа, отдавшаяся Христу, должна умереть для порочной жизни, и т. д.

Нижеслѣдующія краткія извлеченія знакомятъ насъ съ способами объясненія своихъ мыслей, какихъ держится св. авва, а отчасти и съ самымъ его образомъ мыслей. «Какъ невозможно рыбѣ жить безъ воды, какъ нельзя безъ ногъ ходить, безъ языка говорить, безъ ушей слышать: такъ безъ Господа Іисуса и безъ содѣйствія благодати нельзя познать тайнъ премудрости Божіей или быть добродѣтельнымъ и христіаниномъ» (XVII, 10). «Какъ конь, пока въ лѣсахъ пасется, не покоренъ человѣку бываетъ, а когда уловляется, то надѣвается на него узда, потомъ пріучается къ вооруженію и шуму, чтобы быть способнымъ къ войнѣ, и, когда бываетъ обученъ, на войнѣ однимъ ржаніемъ наводитъ страхъ на враговъ; такъ и душа по грѣхопаденіи бываетъ непокоривою, и живетъ съ злыми духами; а когда услышитъ слово Божіе, укрощается отъ Св. Духа, отлагаетъ свирѣпый нравъ и плотскія мудрованія» (XXIV, 2). «Какъ на пергаменѣ, изготовленномъ для писанія, различно, что хочешь—напишешь и снова сотрешь, ибо пергамень удобенъ для всякаго письма: такъ и жестокосердый можетъ покорять волю свою Богу, и обратившись ко благому, пріемлется отъ Бога» (XXVI, 6). «Какъ трудно углію горящему отъ огня избавиться, такъ и душѣ свободиться отъ огня смерти (— 12). Какъ земледѣлецъ не получаетъ пользы отъ обработыванія земли и сѣянія, если свыше облака не оросятъ нивы: такъ и въ вещахъ духовныхъ (— 19, 21). «Какъ земля, хотя сама по себѣ одинакова, но одна камениста, другая плодородна, одна способна къ насажденію винограда, другая — къ сѣянію жита или ячменя: такъ различны сердца и намѣренія человѣческія» (XXVI, 4). «Какъ поселянину, намѣревающемуся воздѣлывать землю, надлежитъ взять орудія и одѣяніе, къ земледѣлію пригодныя: такъ и Христъ, Царь небесный, пришедъ къ запустѣвшему отъ золь человѣческому естеству, принявъ тѣло и вмѣсто орудія нося крестъ, воздѣлалъ душу запустѣвшую и истребилъ въ ней тернія и волчцы духовъ лукавыхъ» (XXVIII, 3). «Какъ

земледѣлецъ воздѣлываетъ землю впрягая пару воловъ: такъ Господь Иисусъ по два апостола сопрягая посылалъ ихъ воздѣлывать сердца людей» (XXVIII, 7). «Какъ въ мѣрѣ художники и архитекторы, будучи преданы своей наукѣ тѣломъ, и умъ свой ей же посвящаютъ денно и ношно: такъ разсуди о себѣ самомъ и ты, имущій тѣло устранившееся отъ сего мѣра—имѣешь ли и мысль, удалившуюся отъ сего вѣка» (XXVII, 18). «Какъ при встрѣчѣ войскъ персидскаго и римскаго выходятъ впередъ изъ того и другого храбрые юноши, равно сильные для сраженія: такъ душа и супротивная ей сила встрѣчаются въ борьбѣ одна съ другою» (— 22). «Какъ живописецъ, снимающій портретъ царя,—если лице царя обращено къ нему, точно и вѣрно изображаетъ его образъ; а если царь лицо отвратитъ, то и живописецъ точно изобразить его не можетъ: такъ и великій оный живописецъ Христосъ въ вѣрующихъ въ Него и прилежно на него взирающихъ скоро изобразуетъ небснаго человѣка по Своему образу» (XXX, 4) ¹⁾. «Какъ человѣкъ имѣетъ два глаза, двѣ руки, двѣ ноги,—однорукой, одноглазый и т. д. считаются уродами;—какъ птица, имѣющая одно крыло, летать не можетъ; такъ и естество чело-вѣческое, если будетъ само себѣ оставлено и не соединится съ естествомъ небснымъ, ничего похвальнаго предпринять и исполнить не можетъ...» (XXXII, 6). «Какъ жена, обручен-ная мужу, все свое приданое отдаетъ ему—я ничего для себя не оставляю, все имѣніе мое твое также, какъ душа моя и тѣло твои, говорить она: такъ и цѣломудренная душа есть невѣста Господня и во всемъ причастница Св. Духу» (— 9). «Какъ очи тѣлесныя ясно видятъ предметы, на которые смотрятъ: такъ душамъ святыхъ явны и видимы красоты Божества» (XXXIV, 1). «Какъ желѣзо, копя, паша, самодѣйствуетъ, но есть другой, его движущій, острящій и возобновляющій его, когда притупится: такъ хотя человѣкъ и самъ трудится для добродѣтели, однако самъ Господь тайно дѣйствуетъ въ немъ, и когда видитъ утрудившагося и изнемогшаго, утѣшаетъ и обновляетъ его сердце своею помощію» (XXXVII, 11).

¹⁾ Подобное сравненіе есть у Оригена.

«Какъ на ристалищахъ люди, управляя колесницами, стараются побѣдить и превзойти противника: такъ бываетъ въ сердцѣ духовно-подвизающихся, гдѣ нечистые духи сражаются съ душою» (XL, 6). «Какъ огонь около сосуда, — если подложить дровъ, возгарается, и находящееся внутри сосуда кипить и варится; если вознерадѣть о томъ, то огонь ослабѣваетъ и гаснетъ: такъ и благодать—онъ небесный огонь...» (XL, 7). «Какъ глазъ, хотя всѣхъ членовъ меньше, великъ сосудъ; ибо въ одно мгновение обзрѣваетъ небо, звѣзды, солнце, грады и пр., и всѣ зримыя вещи въ едино мгновение въ малой зеницѣ изображаются: такъ дѣйствуетъ и умъ человѣческій въ сердцѣ» (XLIII, 7). «Какъ овца овцу лечить не можетъ: такъ и разумная овца—человѣкъ, если не будетъ исцѣленъ врачомъ небеснымъ, не увидитъ въ церковь Господа» (XLIV, 4). «Какъ дѣвица, обрученная съ женихомъ, какія ни получаетъ отъ него подарки, украшенія, имѣнія, одежды до бракосочетанія, не успокаивается ими, пока не совершится самый бракъ и не вступить съ мужемъ въ соединеніе: такъ и душа, избранная въ невѣсту небесному жениху, пріемлетъ залогъ отъ Св. Духа, — даръ исцѣленія или разума или откровенія, но не успокаивается ими, пока не достигнетъ полнаго соединенія со Христомъ» (б. XLV, 8). «Въ мірѣ жена богатая, если не имѣетъ помощи и покровительства, подвергается опасности лишиться своего достоянія и потому ищетъ себѣ мужа сильнаго, достойнаго и во всемъ искуснаго, — и когда найдетъ такого мужа, радуется о немъ и имѣетъ его вмѣсто крѣпкой ограды: такъ и душа... Яко вдова за преступленіе отъ небеснаго жениха оставленная» (XIV, 4). «Какъ въ апрѣлѣ, корни, сокрытые въ землѣ, начинаютъ производить цвѣты и плоды: такъ и въ день оный (судный) все, что ни творилъ человѣкъ, покажется и явятся дѣла злыя и благія» (б. XII, § 14). «Какъ ѣздящіе во градъ для посѣщенія друзей, хотя со многими встрѣчаются на пути, однако для нихъ не останавливаются, и какъ скоро постучатся у вратъ и скажутся, то съ радостію отверзаютъ имъ двери друзья ихъ; а если медлятъ на распутіяхъ, забавляются и останавливаются съ встрѣчающимися, то закрываются двери и никто имъ не отверзаетъ:

такъ и къ Господу І. Христу шествующіе все прочее должны оставить» (б. XV, 17). «Какъ зачатый во утробѣ плодъ не вдругъ становится человѣкомъ, но по малу образъ пріемлетъ и рождается, и не скоро дѣлается настоящимъ человѣкомъ; какъ сѣмена ячменя или пшеницы въ землю посѣянная, не вдругъ укореняются и плодотворятъ, но по прошествіи зимы и вѣтровъ во время удобное класы произрастаютъ: такъ и въ духовныхъ вещахъ... человѣкъ мало по-малу приходитъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста а не такъ, какъ нѣкоторые говорятъ, будто стоитъ только совлещися и облещися (бесѣд. XV, 39)».

Изъ этихъ и подобныхъ сравненій, которыми изобилуютъ проповѣди Макарія, видно, что этотъ аскетъ, никогда нежившій въ мірѣ, прекрасно знакомъ съ условіями житейскаго быта, со всею его обстановкой, нравами и обычаями, не только съ бытомъ земледѣльца, сравненія и примѣры изъ котораго, по сознанию самого проповѣдника—самыя любимыя и на болѣе употребительныя, но также изъ быта купечества (XXXIII, 2) и торговаго мореплаванія (XLIII, XV, 8), изъ устройства городовъ и крѣпостей (XXXVI, 2, XLII, 1), изъ области хозяйства и домоводства, большаго и меньшаго (XLV, 4), пчеловодства, сребродѣля (XVI, 7), изъ жизни супружеской и семейной (выборъ мужа вдовою XLV, 8), свадебные обряды и порядки (XVI, 2), процессъ рожденія ребенка благополучнаго и при неудачной помощи акушеровъ—(ἀνάγκη λασκὸν τοὺς εἰς τοῦτο τεταγμένους ἰατροὺς ξίφει χρῆσασθαι—XLIII, 5), порядковъ и обычаевъ жизни военной (XXVII), придворной (XXVI, 14, XXVII, 37) и т. д. Не менѣе часты у него сравненія изъ жизни природы—рыбъ, птицъ, звѣрей, гадовъ (наприм. XXXII) и т. д. Всѣ эти удачно-выбранныя сравненія, изложенныя нерѣдко въ видѣ цѣлыхъ картинъ, придаютъ бесѣдамъ Макарія ту общепонятность и ясность, которая всегда составляютъ одно изъ высшихъ достоинствъ проповѣдническаго изложенія и которая въ настоящемъ случаѣ имѣютъ тѣмъ болѣе цѣны, чѣмъ возвышеннѣе и отвлеченнѣе предметы проповѣди св. аввы и чѣмъ больше требовалось отъ него остроумія и изобрѣтательности при объясненіи аналогій сравниваемыхъ пред-

метовъ и явленій изъ жизни внѣшней и изъ внутренняго міра души. Не невѣдома была бывшему пастуху и область науки и литературы мірской, къ которой онъ не относится безусловно-отрицательно, не находя лишь возможнымъ сдѣлать изъ нея непосредственнаго употребленія въ той сферѣ, которой посвящены его бесѣды—къ сферѣ жизни нравственно-духовной христіанской (XV, 46). О чтеніи писаній братіями проповѣдникъ говоритъ какъ о дѣлѣ обыкновенномъ (III, 1). Въ высшей степени заслуживаютъ вниманія его увѣщанія объ отпущеніи рабовъ на свободу, которое онъ понимаетъ какъ дѣло христіанской благотворительности (XXXIX, 3). Можно даже сказать, что бесѣды Макарія въ цѣломъ своемъ составѣ есть не что иное, какъ одна сплошная, хотя и не систематизованная параллель жизни природы и человѣческаго общества съ одной стороны, и внутренней духовной жизни христіанина съ другой, при чемъ ни къ природѣ мірозданія, ни къ общественному строю, какъ онъ существуетъ самъ въ себѣ, проповѣдникъ—аскетъ отнюдь не относится отрицательно.

Извѣстныя нынѣ подъ именемъ словъ (λόγοι) семь твореній Макарія (opuscula), изданныя въ первый разъ съ именемъ Макарія Посейномъ въ 1683 году, перепечатанныя затѣмъ въ 1814 году Преціемъ въ числѣ другихъ твореній Макарія, затѣмъ изданныя Галланди и Минемъ, въ средніе вѣка извѣстны были подъ именемъ *посланій* Макарія: *Глика* въ своей лѣтописи приводитъ такія слова изъ «посланій» (ἐν ἐπιστολαῖς) Макарія, которыя буквально читаются въ § 2 нынѣшняго IV «слова» Макарія (περὶ ὑπομονῆς καὶ διακρίσεως λόγος). Съ другой стороны по мнѣнію Миня ¹⁾ эти «слова» не суть подлинныя сочиненія Макарія, имъ самимъ составленныя въ томъ видѣ, въ какомъ существуютъ нынѣ, а суть компиляціи изъ его гомилій отчасти тѣхъ, которыя извѣстны и уже изданы, что доказывается сравненіемъ ихъ (папримѣръ сличи изъ слова «о возвышеніи ума» § 6 съ § 4 IV бесѣды—классическое мѣсто о тѣлесности ангеловъ и душъ человѣческихъ).

¹⁾ Migne, patrologiae cursus compl. ser. graeca t. XXXIV, col. См. также прибавл. къ твореніямъ Св. Отцевъ въ русскомъ перев. т. III (1845 г.) стр. 118.

Компиляція эта сдѣлана Симеономъ Логофетомъ († 1152), если вѣрить одному кодексу, въ которомъ она озаглавляется: κεφαλαία τοῦ ἁγίου Μακαρίου μεταφρασφέντα (transcripta) παρὰ Συμεῶν τοῦ Λογοφέτου ρυ. Это предположеніе Миня намъ кажется не безосновательнымъ, такъ какъ эти λόγοι, болѣе точно обозначенные латинскими переводчиками ихъ словомъ libri, за исключеніемъ перваго слова «о храненіи сердца» περιφυλακῆς καρδίας, оканчивающагося совершенно по проповѣднически—словами: «слава Отцу и Сыну и Св. Духу во вѣки вѣковъ, аминь», не имѣютъ внѣшнихъ признаковъ проповѣди, и хотя имѣютъ тотъ же одушевленно-лирическій профитійный складъ рѣчи, нравоучительно-аскетическую тенденцію, какъ и бесѣды (ὁμιλαί), но могутъ быть отнесены къ области проповѣдничества лишь въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы относимъ къ ней трактаты (tractatus) Кипріяна ¹⁾ т. е. въ смыслѣ литературной переработки проповѣдей, сохранившей проповѣдническое содержаніе и проповѣдническую концепцію предмета, но уже утратившей внѣшніе признаки проповѣдническаго изложенія и проповѣдническую форму. Но если при обзорѣ латинской проповѣди III вѣка нельзя обойтись безъ изученія твореній Кипріяна, по отсутствію всякихъ другихъ данныхъ для опредѣленія характера западной проповѣди той эпохи, то въ настоящемъ случаѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ проповѣдію восточною IV вѣка, послѣ изученія въ строгомъ смыслѣ гомилетическихъ произведеній Макарія, мы можемъ ограничиться указаніемъ на полное тождество этихъ «словъ» Макарія по содержанію съ его «бесѣдами», и полную однородность ихъ по строю мысли и способу ея раскрытія.

Н. Барсовъ.

1) См. нашу «исторію первобытной проповѣди» Спб. 1885, стр. 329.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Все было, повидимому, готово, но отъездъ откладывался со дня на день. Наполеону было тяжело расставаться съ Фонтенебло и съ послѣдними призрачными надеждами на внезапный поворотъ счастія. Онъ былъ неистощимъ въ изобрѣтеніи все новыхъ и новыхъ предлоговъ, только бы отложить ненавистное ему путешествіе. Онъ вдругъ началъ настаивать на свиданіи съ Маріею-Луизою, хотя и зналъ хорошо, что изъ этихъ настояній не можетъ выйти ровно ничего, такъ какъ безхарактерная императрица находилась уже въ это время всецѣло подъ вліяніемъ своего отца. Потомъ онъ начиналъ спорить съ комиссарами о маршрутѣ и заявлялъ при этомъ такія требованія, на которыя ни коимъ образомъ не могли согласиться союзные государи. При этомъ Наполеонъ видимо сторонился отъ комиссаровъ и старался избѣжать всякой встрѣчи и объясненій съ ними. По цѣлымъ днямъ онъ не выходилъ изъ замка и даже изъ своего кабинета. Почти ежедневно прибывали къ нему офицеры и ординарцы изъ арміи, изъ Парижа, изъ Рамбулье. Наполеонъ принималъ лично ка-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 8.

ждаго изъ нихъ, выслушивалъ ихъ донесенія и отпускалъ ихъ съ своими отвѣтами и порученіями. Привыкнувъ къ неутомимой дѣятельности, онъ и теперь старался найти себѣ какъ можно больше дѣла. У него явилось понятное желаніе надѣлать каждаго изъ своихъ приближенныхъ и довѣренныхъ лицъ на память какою-нибудь вещью и онъ всецѣло предался этому занятію. По цѣлымъ днямъ онъ упаковывалъ и разсылалъ во всѣ стороны: книги, манускрипты, сабли, пистолеты, монеты, медали ¹⁾. Съ жадностью вчитывался онъ въ многочисленныя заявленія преданности и вѣрности, получаемыя имъ отъ разныхъ лицъ, преимущественно военныхъ. Какъ истый сангвиникъ, онъ принималъ за звонкую монету каждое громкое слово, въ выраженіяхъ вѣжливости и личной пріязни онъ усматривалъ симптомы самоотверженія и готовности содѣйствовать его возстановленію. Онъ началъ вновь строить воздушныя замки и увлекаться несбыточными мечтами. Ему показалось, что онъ готовъ совершить величайшую ошибку своей жизни, и онъ сдѣлалъ еще одну безсильную попытку возстать противъ своей судьбы.

Уже отъѣздъ назначенъ былъ окончательно на 20 апрѣля, въ девять часовъ утра, когда Наполеонъ потребовалъ къ себѣ австрійскаго комиссара Ф. Коллера и объявилъ ему, что онъ не поѣдетъ. Императоръ былъ при этомъ въ страшно возбужденномъ состояніи. «Я не могу ѣхать», говорилъ онъ, «союзники не сдержали данныхъ мнѣ обѣщаній, они дали мнѣ этимъ право взять назадъ мое отреченіе. Я получилъ въ эту ночь болѣе тысячи депешъ. Всѣ умоляютъ меня взять въ мои руки бразды правленія. Я обращусь къ моей старой гвардіи и тогда увидите, что значуть старые солдаты. Меня хотятъ замануть въ ловушку, моей женѣ мѣшаютъ ѣхать со мною. Императоръ австрійскій человѣкъ безчестный: онъ хочетъ расторгнуть бракъ своей дочери. Императоръ Александръ отнялъ у императрицы регентство, а потомъ, какъ бы въ насмѣшку, сдѣлалъ ей визитъ въ Рамбулье, да еще потащилъ

¹⁾ См. Гельфертъ, стр. 11—12.

съ собою короля прусскаго»¹⁾. Наполеонъ горячился все болѣе и болѣе, онъ началъ вспоминать о прошломъ и горько жаловался на свою судьбу. Коллеръ напомнилъ ему, что еще три четверти года тому назадъ онъ могъ иначе устроить свою судьбу, что ему стоило лишь принять предложенія, сдѣланныя ему въ Прагѣ. Наполеонъ задумался. «Да! сказалъ онъ, я убаюкивалъ себя тогда мечтами. Развѣ, нельзя, хотя разъ въ жизни увлечься мечтами? Теперь я далекъ отъ нихъ. Къ тому же мнѣ дали тогда всего лишь 12 дней времени». Коллеръ возразилъ, что опытъ прежнихъ временъ наглядно показалъ союзникамъ, что Наполеонъ пользовался переговорами лишь для того, чтобы собрать новыя силы для продолженія войны. «Если хитрость допускается на войнѣ», прервалъ его Наполеонъ, «то почему же нельзя пользоваться ею при переговорахъ? Впрочемъ, что касается пражскаго конгресса, то сознаюсь, что я обманулся на счетъ васъ. Я считалъ васъ такими же, какими зналъ васъ прежде, но вы перемѣнились между тѣмъ въ вашу пользу».

Мало по-малу Наполеонъ началъ успокаиваться. Онъ понималъ бесплодность дальнѣйшей борьбы. «Хорошо», сказалъ онъ, «я останусь еще разъ вѣренъ моему обществу. Но если мнѣ подадутъ опять поводъ къ жалобамъ, то я буду считать себя свободнымъ отъ всѣхъ обязательствъ».

Въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ флигель-адъютантъ, графъ Буши, онъ доложилъ отъ имени гофмаршала, что все готово къ отъѣзду и что скоро будетъ 11 часовъ. Наполеонъ вспыхнулъ. «Ого!» закричалъ онъ. «Развѣ господинъ маршалъ не знаетъ меня. Съ которыхъ это поръ долженъ я жить по его часамъ? Я поѣду, когда мнѣ будетъ угодно, а можетъ быть, мнѣ не будетъ угодно и вовсе ѣхать!»²⁾. Не обращая

¹⁾ Къ этимъ грубымъ словамъ Наполеонъ добавилъ еще нѣсколько другихъ: «Pourquoi l'Empereur à-t-il amené le Roi de Prusse? Est-ce pour avoir un roi à sa suite? Que est que le roi peut avoir dit à ma femme? De grossieretes? Ce n'est que l'homme d'esprit qui a le droit de dire puis—qu'il sait choisir le moment. Moi je me sens encore trop de dignite pour avoir le reçu, ce roi la s'il avait voulu venir me voir». См. Гельфертъ примѣчаніе 12, стр. 76.

²⁾ См. Гельфертъ, стр. 19.

затѣмъ вниманія на адъютанта, Наполеонъ продолжалъ прерванный разговоръ. Онъ старался доказать Коллеру, что Австрія поставила себя въ крайне опасное положеніе, заключивъ союзъ съ Россією и Пруссією. «Франція», замѣтилъ онъ, «вотъ естественный союзникъ Австріи, тогда какъ Россія задушитъ ее въ своихъ объятіяхъ». «Государь», прервалъ его при этихъ словахъ Коллеръ, «всегда болѣе имѣются въ виду непосредственныя опасности, нежели отдаленныя опасенія». Наполеонъ былъ озадаченъ этимъ замѣчаніемъ. «Я уважаю васъ за свободу вашей рѣчи», сказалъ онъ Коллеру. «Если вы говорите также откровенно и смѣло съ вашимъ монархомъ, то онъ имѣетъ въ васъ неоцѣненнаго слугу. Я не былъ на столько счастливъ!»

Наполеонъ началъ говорить о переговорахъ во Франкфуртѣ и Шатильонѣ, о Бурбонахъ. Коснувшись этой послѣдней темы, онъ вновь пришелъ въ сильное возбужденіе.

«Графъ Артуа присвоилъ себѣ отнятыя у меня милліоны», сказалъ онъ. Этимъ страшно недовольны войска, особенно гвардія; они были убѣждены, что я опредѣлилъ эти деньги на жалованье имъ. А теперь графъ захватываетъ ихъ, даже противъ воли временнаго правительства. Говорю вамъ, что при такомъ образѣ дѣйствія, Бурбоны долго не продержатся»¹⁾.

Разговоръ продолжался около полутора часа. Наполеонъ, по своему обыкновенію, говорилъ почти самъ все время, лишь изрѣдка позволяя своему собесѣднику вставлять свои замѣчанія; онъ переходилъ отъ одного предмета къ другому, онъ неоднократно давалъ понять, что все зависитъ и теперь отъ его личнаго усмотрѣнія, что онъ можетъ ѣхать или не ѣхать, какъ ему вздумается. Коллеръ предостерегалъ его, онъ напоминалъ ему печальные опыты Шатильона и Праги. «Если вы будете упорствовать, государь, если вы будете откладывать вашу отѣздъ подъ разными предлогами», сказалъ онъ ему наконецъ въ рѣшительномъ тонѣ, «то вы можете погубить все. Союзники не будутъ считать себя связанными дан-

¹⁾ «Vous verrez, qu'avec ces dispositions la, les Bourbons ne se soutiendront pas!». Гельфертъ, стр. 20.

ными обѣщаніями; вы лишитесь всѣхъ выгодъ, приобретенныхъ вами по договору 11 апрѣля». Смѣлая рѣчь комиссара произвела на Наполеона желанное дѣйствіе. «Вы знаете», сказалъ онъ, «что я никогда не нарушалъ даннаго мною слова».

Отпустивъ Коллера, Наполеонъ приказалъ позвать полковника Кемпелея. «Если державы начнутъ поступать со мною слишкомъ круто», сказалъ онъ британскому комиссару, «то имѣйте въ виду, что я брошусь въ объятія Англій. Вы великая нація! Я ѣду на Эльбу лишь потому, что буду чувствовать себя тамъ, какъ бы въ предмѣстіи Лондона». Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ велѣлъ пригласить Шувалова и Вальдбурга; онъ сказалъ каждому изъ нихъ по нѣсколько ласковыхъ фразъ, изъявилъ свое полное довѣріе союзнымъ комиссарамъ и окончилъ словами, что онъ готовъ ѣхать.

Наступила послѣдняя, торжественная минута. Наполеону предстояло сказать послѣднее прости своей старой гвардіи. Онъ сумѣлъ придать этому моменту незабвенное, глубоко потрясшее всѣхъ очевидцевъ, впечатлѣніе. Пробыло 12 часовъ дня, когда императоръ, сопровождаемый немногими лицами своей свиты, спустился по большой мраморной лѣстницѣ дворца въ обширный дворъ Фонтенеблоскаго замка. Тутъ все было готово въ ожиданіи его. Вся старая гвардія выстроена была на дворѣ въ боевомъ порядкѣ; всѣ ворота и выходы заняты были толпами народа, сбѣжавшагося изъ окрестностей. Императоръ приказалъ ударить сборъ. Всѣ генералы и офицеры выступили впередъ, и стали полукругомъ вокругъ него. Наполеонъ началъ говорить и его голосъ дрожалъ отъ волненія:

«Солдаты моей старой гвардіи, я говорю вамъ мое прости! Въ теченіи двадцати лѣтъ я неизмѣнно видѣлъ васъ на пути чести и славы. И послѣднее несчастное время, какъ и во времена счастья, вы не переставали служить образцами мужества и вѣрности. Съ такими людьми, какъ вы, дѣло наше не было бы проиграно никогда! Но часть арміи оказалась невѣрна своему долгу, союзники вооружили противъ меня всю Европу, освобожденіе столицы сдѣлалось невозможнымъ. Правда я могъ бы продолжать войну еще цѣлыхъ три года съ войска-

ми, оставшимися вѣрными мнѣ; но война эта превратила бы въ пустыню наше прекрасное отечество; да и эту цѣною нельзя было надѣяться устоять противъ соединенной Европы. Тогда, принимая къ сердцу благо Франціи, я рѣшился принести всѣ мои права и личные интересы въ жертву на алтарь отечества, счастье и слава котораго составляли всю цѣль моей жизни. Я могъ бы покончить съ своею жизнью, но я хочу жить и жить для васъ. Я хочу увѣковѣчить на скрижаляхъ исторіи все то, что совершено нами! Я оставляю васъ! А вы, мои дѣти, продолжайте служить Франціи!»

Сказавъ эти послѣднія слова, Наполеонъ подзываетъ къ себѣ генерала Жанъ-Мартина Пти, и велѣлъ поднести къ себѣ всѣ орлы гвардіи. «Я не могу обнять васъ всѣхъ», вскричалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, «Но я цѣлую вашего генерала и прижимаю къ сердцу орлы, водившіе васъ въ дни опасности и славы!» Говоря эти слова, Наполеонъ поцѣловалъ въ обѣ щеки генерала Мартина и горячо прижималъ къ сердцу поданныя ему знамена. «Прощайте всѣ! закончилъ онъ свою рѣчь. Мои лучшія пожеланія будутъ всегда сопровождать васъ. Храните меня въ вашемъ воспоминаніи!»¹⁾

Рѣчь Наполеона произвела потрясающее впечатлѣніе. Неизгладимыми чертами врѣзалась эта сцена въ воспоминанія всѣхъ присутствовавшихъ. Старые, закаленные ветераны рыдали какъ дѣти; генералы, офицеры тѣснились вокругъ импе-

1) Текстъ знаменитой прощальной рѣчи Наполеона, сохранился въ нѣсколькихъ отаичныхъ одна отъ другой, редакціяхъ. Одна изъ этихъ редакцій, помѣщенная у Фена въ его *Manuscrit de l'année 1814*, считается у французовъ какъ бы официальной, и была перепечатана буквально въ *Correspondance de Napoleon I*; но въ дѣйствительности она не можетъ заслуживать никакого предпочтенія передъ тремя другими редакціями, сохранившимися въ донесеніи Коллера, и въ разсказахъ Вальдбурга и Кемпбеля. Дѣло въ томъ, что Наполеонъ говорилъ свою рѣчь ex proptri и что всѣ свидѣтели, передавшіе намъ ея текстъ, записали ее по памяти, при чемъ, разумѣется, получилась значительная разница, если и не по существу дѣла, то по формѣ, и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Принимая во вниманіе это обстоятельство, мы старались воспользоваться всѣми дошедшими до насъ редакціями и удержать изъ всѣхъ ихъ то, что кажется намъ наиболѣе соответствующимъ и характеру Наполеона, и тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ пришлось ему говорить свою рѣчь.

ратора; каждый изъ нихъ старался пожать его руку, поцѣловать край его одежды. Союзные комиссары были тронуты до слезъ. «Какая трогательная сцена», воскликнулъ полковникъ Кемпобель, «и какъ достойна она такого великаго человѣка».

Наполеонъ покончилъ дѣла свои во Франціи, и печальный кортежъ его тронулся въ изгнаніе. Поѣздъ императора носилъ на себѣ торжественный характеръ. Впереди ѣхалъ небольшой отрядъ гвардейской кавалеріи. За нимъ слѣдовалъ генералъ Друо въ четырехъ-мѣстной закрытой каретѣ съ своими офицерами. Затѣмъ ѣхалъ самъ Наполеонъ съ маршаломъ Бертрамомъ, также въ закрытой каретѣ. За императоромъ слѣдовалъ второй отрядъ гвардейской кавалеріи, далѣе ѣхали Шуваловъ, Коллеръ, Кемпобель, Вальдбургъ, адъютантъ Шувалова, каждый въ особой каретѣ, затѣмъ потянулась свита императора.

Офицеры старой гвардіи сопровождали нѣкоторое время отъѣзжающихъ. Многіе изъ нихъ обращались къ союзнымъ комиссарамъ съ трогательными словами, въ которыхъ высказывалась вся ихъ привязанность къ падшему властелину. «Прощайте товарищи!»¹⁾ кричали они имъ. «Заботьтесь о нашемъ дорогомъ императорѣ! Проводите его благополучно въ изгнаніе! Мы вѣчно будемъ за это благодарны!» Преданность этихъ людей бросалась тѣмъ болѣе въ глаза, что лица, самыя близкія къ Наполеону, думали лишь о самихъ себѣ и о своемъ благополучіи. Министръ Маре, генералы Белляръ, Корсаковскій, Орнано, полковники Буши-де-ла-Пласъ, камергеръ Тюрень, попрощавшись съ императоромъ, спѣшили, сломя голову въ Парижъ, чтобы обдѣлать тамъ поскорѣе свои дѣла. Даже мамлюкъ Наполеона, Рустанъ, даже личный его камердинеръ, Констанъ, отказались сопровождать его въ изгнаніе. Они потребовали себѣ уплаты всего слѣдующаго имъ жалованья, и съ туго набитыми карманами поскакали въ Парижъ въ тотъ самый моментъ, когда императорскій поѣздъ выѣхалъ со двора Фонтенеблоскаго замка²⁾.

1) Съ этими словами французскіе офицеры обращались, главнымъ образомъ, къ Коллеру; его, какъ земляка своей императрицы, они называли товарищемъ, по преимуществу. См. Гельфертъ, стр. 22.

2) См. Гельфертъ, стр. 22.

Первые дни путешествія прошли совершенно благополучно. Наполеонъ ѣхалъ подъ прикрытіемъ своей конной гвардіи, и населеніе по пути встрѣчало его не только привѣтливо, но даже восторженно. Въ Бриарѣ, Неверѣ и другихъ городкахъ и мѣстечкахъ, толпа, собиравшаяся на дорогѣ, встрѣчала Наполеона громкими криками: да здравствуетъ императоръ! и осыпала насмѣшками и ругательствомъ союзныхъ офицеровъ. Наполеонъ былъ видимо доволенъ этими шумными оваціями. Его прежняя надменность возвратилась къ нему. Онъ началъ вести себя не какъ изгнанникъ, а какъ повелитель. Онъ держалъ себя вдали отъ союзныхъ комиссаровъ, обѣдалъ и ужиналъ одинъ и дѣлалъ при каждомъ удобномъ случаѣ колкія замѣчанія на счетъ своихъ спутниковъ. Въ Неверѣ, когда толпы народа неумолкаемо кричали подъ окнами квартиры, занятой Наполеонъ, «да здравствуетъ императоръ!» и когда нѣкоторые изъ горожанъ обращались даже съ рѣчами къ нему, въ которыхъ жаловались, что непріатели силою навязываютъ имъ короля, увозятъ ихъ любимаго императора и силою отдѣляютъ отъ него императрицу и сына, Наполеонъ обратился съ злорадствомъ къ Коллеру: «А что? Слышите, какъ высказывается желаніе націи. Что-жь, и теперь будете повторять фразы официальныхъ газетъ, что французы ненавидятъ меня?»¹⁾ Коллеръ возразилъ съ обычною своею смѣлостью. «Государь, не придавайте этому шуму большого значенія. Не далѣе какъ двадцать дней тому назадъ, вся страна вопила противъ васъ. Теперь настроеніе измѣнилось, тѣмъ болѣе, что вы ѣдете въ сопровожденіи вашей гвардіи. Но будьте увѣрены, эти люди будутъ встрѣчать черезъ недѣлю и своего новаго короля съ такимъ-же восторгомъ». Наполеонъ былъ видимо пораженъ вѣрностью этого замѣчанія. «Вы правы», сказалъ онъ Коллеру. «Французы легкомысленный, безхарактерный и капризный народъ».

Какъ много значили въ глазахъ толпы внѣшняя pompa и конвой изъ императорской гвардіи, не замедлило обнаружиться

1) «Vous voyez comme la volonte de la nation se prononce. Suis-je aussi abhorre en France que les papiers publics le font à croire?» Гельфертъ, стр. 25.

вскорѣ во-очію. За Неверомъ Наполеонъ долженъ былъ распрощаться съ своимъ военнымъ конвоемъ и вслѣдъ затѣмъ измѣнилось, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, настроеніе населенія. Не слышно было болѣе восторженныхъ восклицаній; повсюду, встрѣчались молчаливыя, иногда даже угрюмыя лица, вездѣ красовались бѣлыя коварды и знамена. Въ Муленѣ Наполеона ожидала большая толпа народа, но она держала себя такъ холодно, почти враждебно, что императоръ не рѣшился остановиться здѣсь и нespѣшно проѣхалъ далѣе въ Ла-Покадьеръ. И тутъ ожидалъ его такой же пріемъ. Повсюду, бѣлыя коварды, вездѣ мрачныя, нахмуренныя лица. Наполеонъ не отважился обѣдать въ городкѣ, какъ предполагалось это по маршруту. Онъ началъ трепетать за свою безопасность и приказалъ ѣхать далѣе въ Роаннъ. Поѣздъ прибылъ сюда къ 12 часамъ ночи. Наполеонъ вздохнулъ свободнѣе. Онъ видѣлъ, что городъ занятъ отрядомъ австрійскихъ войскъ и спокойно расположился на ночлегъ подъ прикрытіемъ вражескихъ штыковъ. Любовь и преданность французской націи начали представляться ему теперь въ своемъ настоящемъ видѣ.

На слѣдующій день поѣздъ началъ приближаться къ Ліону, и вмѣстѣ съ тѣмъ стало возрастать безпокойство Наполеона. Съ изумленіемъ замѣчали союзные комиссары, что императоръ всецѣло поглощенъ теперь лишь одною мыслью о сохраненіи своей особы ¹⁾. Они перестали теперь вѣрить разсказамъ о покушеніи Наполеона на самоубійство и съ разу поняли, что задача ихъ теперь значительно облегчается, что имъ нѣтъ надобности наблюдать за самимъ императоромъ, а заботиться лишь объ огражденіи его особы отъ насилій со стороны черни. Впрочемъ, эта послѣдняя задача становилась съ каждымъ днемъ и часомъ все затруднительнѣе. 23 апрѣля поѣздъ выѣхалъ изъ Роанна. Въ Тарарѣ, промышленномъ городкѣ, Наполеона ожидали послѣднія сочувственныя оваціи. Толпы народа привѣтствовали его криками: да здравствуетъ

¹⁾ «Die Besorgnis für seine Selbsterhaltung ist jetzt gewiss das einzige und herrschende Motiv aller Handlungen des Kaisers», писалъ въ этотъ день Колюеръ Меттерниху, см. Гельфертъ, стр. 26.

императоръ! «Что будетъ съ нами!» раздавались отдѣльные голоса, «подъ властью правительства, находящагося подъ вліяніемъ Англіи!»¹⁾. Призракъ свободной торговли видимо пугалъ этихъ буржуа, разжирѣвшихъ, благодаря покровительственной системѣ Наполеона. Они питали надежды на возвращеніе императора. «Берегите себя для насъ»; кричали они ему. «Не пройдетъ и года, и вы возвратитесь во Францію». Эти привѣтливныя манифестаціи не могли, однакоже, успокоить Наполеона. Онъ ни за что не хотѣлъ проѣзжать черезъ Ліонъ днемъ и остановился обѣдать за два часа пути отъ него въ небольшомъ деревенскомъ трактирѣ. Наполеонъ обѣдалъ на этотъ разъ не одинъ, а вмѣстѣ съ союзными комиссарами и всею своею свитою. Его поведеніе совершенно измѣнилось. О недавней надменной гордости не было и помину. Онъ сдѣлался крайне любезенъ со всѣми и особенно съ союзными комиссарами.

Была уже темная ночь, когда путники достигли Ліона. Принцъ Гессенъ Гомбургскій, командиръ австрійскихъ войскъ въ южной Франціи, заранее принялъ всѣ мѣры для обезпеченія безопасности Наполеона. Весь австрійскій гарнизонъ стоялъ подъ ружьемъ; сильныя патрули ходили по улицамъ, гдѣ долженъ былъ проѣзжать поѣздъ. Безъ скандала дѣло, однакоже, не обошлось. На пути собрались порядочныя толпы народа. Едва только показался экипажъ Наполеона, какъ раздались яростныя крики; «да здравствуетъ король! Долой Наполеона!» Лишь изрѣдка раздавались отдѣльные возгласы «да здравствуетъ императоръ!» Экипажи поспѣшно проѣхали черезъ городъ. Наполеонъ требовалъ ускорить путешествіе черезъ эти опасныя мѣста, и комиссары спѣшили исполнить его желаніе. Всю ночь ѣхали, не останавливаясь, перемѣняя только лошадей. Утромъ 24 апрѣля сдѣланъ былъ короткій роздыхъ въ деревушкѣ Пеажъ-де-Руссильонъ. Въ теченіе все-

¹⁾ Это извѣстіе встрѣчается, впрочемъ, лишь въ Мемуарахъ de st. Helene, источникъ, крайне сомнительной вѣрности. Ни Колмеръ, ни Вальдбургъ, ни Кемпбель, не говорятъ ни слова объ этихъ дружественныхъ Наполеону манифестаціяхъ. См. Гельфертъ, примѣч. 21, стр. 77.

го слѣдующаго дня путешествіе продолжалось непрерывно. Наполеонъ былъ все еще въ возбужденномъ состояніи. Онъ не могъ оставаться одинъ съ Бертраномъ и приглашалъ въ свою карету то одного, то другого изъ союзныхъ комиссаровъ. Онъ обращался съ ними теперь просто, какъ съ товарищами. Онъ бесѣдовалъ съ ними по цѣлымъ часамъ, а иногда даже шутилъ. Однажды онъ началъ припоминать важнѣйшіе моменты своей жизни и, смѣясь, замѣтилъ: «Въ концѣ концовъ я вышелъ изъ всей этой исторіи не дурно. Я началъ партію, имѣя въ карманѣ всего лишь шесть франковъ, а теперь я ухожу со сцены съ порядочнымъ купемъ»¹⁾.

Неподалеку отъ Изеры падшаго императора ожидала оригинальная встрѣча. Маршалъ Ожеро, главнокомандующій южной французской арміи, заблагоразсудилъ полюбоваться на бывшаго своего властелина и выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ великолѣпномъ экипажѣ, запряженномъ шестернею и съ двумя фореиторами. Ожеро принадлежалъ къ числу самыхъ безнравственныхъ и грязныхъ креатуръ Наполеона. Не обладая выдающимися военными талантами, онъ достигъ, однако же, благодаря крайней снисходительности Наполеона къ бывшему товарищу, высшихъ военныхъ чиновъ и герцогскаго титула. Всю свою жизнь Ожеро думалъ только о личномъ обогащеніи; въ развратѣ и пьянствѣ усматривалъ онъ высшее наслажденіе жизни. Въ послѣднюю кампанію Ожеро держалъ себя крайне двусмысленно. Видя неизбежность паденія Наполеона, онъ старался компрометировать себя какъ можно менѣе въ глазахъ будущихъ правителей Франціи, и намѣренно избѣгалъ всякихъ серьезныхъ встрѣчъ съ непріателемъ. Повсюду отступалъ онъ безъ боя передъ австрійцами и, узнавъ о паденіи Парижа и учрежденіи временнаго правительства, заключилъ съ ними договоръ, въ силу котораго предоставилъ въ ихъ распоряженіе Лионъ со всею его областью.

¹⁾ Этотъ, во всякомъ случаѣ, весьма характерный для Наполеона анекдотъ находится въ французскомъ переводѣ брошюры графа Вальдбурга. Онъ былъ сообщенъ переводчику, равно какъ и многіе другіе факты, самимъ графомъ. Гельфертъ прим. 23, стр. 77.

Не дожидаясь извѣстія объ отреченіи Наполеона, Ожеро спѣшилъ самъ отречься отъ императора и увлечь за собою свою армію. Онъ имѣлъ безстыдство обратиться къ своимъ солдатамъ съ прокламаціею, въ которой были между прочимъ слѣдующія фразы: «Солдаты, вы свободны отъ вашей присяги, вы освобождены отъ нея самою націею, которой присуща самодержавная власть; вы освобождены отъ нея, наконецъ, и отреченіемъ чловѣка, который, принеся въ жертву своему честолюбію столько милліоновъ жизней, не сумѣлъ умереть самъ, какъ солдатъ».

Наполеонъ, хорошо знавшій Ожеро и негодовавшій столько разъ по поводу его послѣднихъ военныхъ операцій, не слышалъ, однако же, ничего о послѣднихъ выходкахъ маршала и объ его пресловутой прокламаціи. Онъ вообразилъ, что Ожеро поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, какъ бывшій другъ и товарищъ, влекомый чувствами преданности и сожалѣнія. Завидѣвъ карету маршала, Наполеонъ приказалъ остановить свой экипажъ, вышелъ на дорогу, дружески поздоровался съ Ожеро, взялъ его подъ руку и отвелъ въ сторону. «Куда это ты ѣдешь, спросилъ онъ бывшаго товарища, не ко двору ли?» «Нѣтъ, пока только въ Ліонъ!» отвѣчалъ маршалъ, давая понять Наполеону, что онъ вовсе не думалъ выѣзжать къ нему на встрѣчу ¹⁾. Въ теченіи четверти часа императоръ и маршалъ прогуливались рука объ руку по шоссе. Коммиссары наблюдали за ними, но они не могли разслышать ихъ бесѣды. Они замѣтили только, что Наполеонъ говорилъ много и горячо, тогда какъ маршалъ изрѣдка отвѣчалъ ему отрывистыми фразами. Ожеро держалъ себя надменно и холодно, тогда какъ

¹⁾ О встрѣчѣ Наполеона съ Ожеро всѣ наши источники свидѣтельствуютъ почти тождественно. Полковникъ Кемпбелъ рассказываетъ, что Ожеро, встрѣтившись съ нимъ, не подалеку отъ Валанса, сначала нѣсколько смутился, узнавъ, что ему предстоитъ встрѣча съ Наполеономъ, но затѣмъ, прійди очень скоро въ себя, распространился о ненасытномъ честолюбіи и кровожадности императора, порицалъ въ самыхъ рѣзкихъ словахъ поведеніе Наполеона за послѣднее время и замѣтилъ между прочимъ: *C'est un lâche! Je l'ai cru toujours tel. Il aurait du marche sur une batterie et se faire tuer.* Въ заключеніе, Ожеро объявилъ, что онъ выскажетъ это свое мнѣніе въ глаза самому Наполеону, если представится къ этому случай. См. Campbell, стр. 189.

Наполеонъ чуть не заискивалъ у своего бывшего слуги. Наконецъ разговоръ окончился. Наполеонъ шелъ уже къ своему экипажу, но вдругъ обернулся назадъ, какъ бы увлекаемый невольнымъ порывомъ чувства, обнялъ крѣпко маршала, снялъ шляпу и сѣлъ въ свой экипажъ. Ожеро, заложивъ назадъ руки, даже не прикоснулся рукою къ околышу своей фуражки. Онъ подошелъ къ каретѣ Наполеона, когда тотъ уже сѣлъ въ нее, и какъ бы не хотя, подаль ему руку. Вслѣдъ затѣмъ маршалъ вѣжливо раскланялся съ комиссарами и отправился по дорогѣ въ Ліонъ.

Коммиссары были страшно возмущены поведеніемъ Ожеро. Когда спустя четверть часа экипажи остановились на берегу Изеры, баронъ Ф. Коллеръ подошелъ къ Наполеону и выразилъ ему свое крайнее удивленіе, по поводу его сердечнаго отношенія къ маршалу, отрекшемуся отъ него такимъ постыднымъ образомъ. При этомъ Ф. Коллеръ вынулъ изъ кармана экземпляръ прокламаціи Ожеро и подаль ее Наполеону. Императоръ, пробѣжавъ бумагу, замѣтилъ съ горечью: «Да, люди дурны, но я могу выдать себѣ свидѣтельство, что я поступалъ съ ними, какъ съ таковыми» ¹⁾.

Наполеона ожидали еще болѣе тяжелыя испытанія. По мѣрѣ приближенія къ Авиньону настроеніе населенія становилось все враждебнѣе. Уже въ первой провансальской деревушкѣ, Морна, толпа встрѣтила императорскій поѣздъ криками: «долой тирана! да здравствуетъ король!» Такая же встрѣча приготовлена была изгнаннику во всѣхъ другихъ мѣстечкахъ и деревняхъ по пути. Въ шесть часовъ утра, 25 апрѣля, путешественники прибыли къ Авиньону. Почтовые лошади стояли наготовѣ за полъ-версты отъ города, но вокругъ нихъ успѣли уже собраться большія толпы народа. Едва только показали экипажи, какъ толпа разразилась дикими, неистовыми криками: «Долой тирана! долой разбойника, долой сволочь!» ревѣли тысячи голосовъ ²⁾. «Да здравствуетъ король! да здрав-

1) См. Гельфертъ, стр. 31.

2) Среди приведенныхъ въ текстѣ возгласовъ раздавались еще крики: à bas Napoléon. Этимъ послѣднимъ эпитетомъ Наполеонъ былъ обязанъ изобрѣтательной

ствують союзники, наши освободители», вторили имъ тысячи другихъ голосовъ. Разъяренная толпа, впереди всѣхъ пьяныя бѣшенныя бабы, хлынула къ экипажу Наполеона. Многіе лѣзли на подножки, гровили императору кулаками, кричали ему въ уши самыя площадныя ругательства. Другіе бросали камнями въ карету. Особенно жестоко досталось императорскому егерю, сидѣвшему на козлахъ. Толпа хотѣла заставить его кричать: да здравствуетъ король! одинъ безумецъ бросился на него съ саблею. Нѣсколько человекъ изъ свиты Наполеона успѣли, однако же, схватить его за руки. Между тѣмъ лошади были запряжены и экипажи понеслись по объѣздной дорогѣ вокругъ города, сопровождаемые крикомъ, ругательствами и свистками толпы.

И на большой дорогѣ Наполеону не давали покою. Всѣ прохожіе считали своимъ долгомъ послать ему въ слѣдъ какое-нибудь площадное ругательство, или громовое виагать Людовику XVIII. Въ Оргонѣ, небольшой деревушкѣ, гдѣ надо было перемѣнить лошадей, Наполеона ожидала пьяная и буйная толпа мужиковъ. Подлѣ самой почтовой станціи висѣло на висилицѣ соломенное чучело, забрызганное кровью и грязью. Чучело долженствовало изображать императора, сама висилица покрыта была всевозможными ругательными надписями. Вокругъ станціи стояло около сотни мужиковъ и бабъ, украшенныхъ бѣлыми кокардами. Долой вора! долой убійцу! заревѣла толпа при видѣ кареты Наполеона. Мгновенно крестьяне окружили экипажъ; они лѣзли другъ другу на плечи, совались въ карету, осыпали Наполеона грубою бранью и плевами. Императоръ, блѣдный, полумертвый отъ страха, прижался въ уголъ кареты, пытаясь спрятаться за Бертрана. То была страшная минута для изгнанника. Сотни рукъ готовились вытащить его изъ экипажа и разорвать на клочки. Коммиссары спѣшили на помощь къ несчастному. Шуваловъ, одинъ изъ первыхъ, протѣснился черезъ бѣснующуюся толпу, и стоя у самого экипажа, грудью своею старался прикрыть Наполеона. Другіе

коммиссары и свита Наполеона послѣдовала его примѣру. Шуваловъ пытался успокоить народъ. Онъ взывалъ къ чувству великодушія и жалости; онъ говорилъ, что стыдно и позорно оскорблять беззащитнаго плѣнника. Его слова, произнесенныя на чистомъ французскомъ языкѣ, не произвели особеннаго впечатлѣнія на мужиковъ, понимавшихъ только свой мѣстный жаргонъ; но за то его рѣшительный видъ, а болѣе его русскій мундиръ образумили, хотя нѣсколько, разгулявшуюся толпу ¹⁾. Всеобщее вниманіе обратилось на смѣлаго русскаго офицера, а тѣмъ временемъ ямщики успѣли заложить лошадей въ карету Наполеона и умчали его во весь карьеръ изъ деревни.

Наполеонъ далеко опередилъ своихъ спутниковъ. Страшно взволнованный, онъ пытливо всматривался въ даль и спрашивалъ cadaго путника, попадавшагося ему по дорогѣ. Отъ одного изъ нихъ онъ узналъ, что вездѣ по пути, въ Марсели, Э, Ламбекѣ народъ страшно раздраженъ противъ него, что агенты, разосланные временнымъ правительствомъ, намѣренно волнуютъ населеніе, что многіе фанатики поклялись не выпустить его живого изъ Франціи. Наполеонъ былъ пораженъ страхомъ. Онъ не полагался уже болѣе на защиту коммиссаровъ и рѣшился искать спасенія въ другихъ средствахъ. Онъ снялъ съ себя свой обычный костюмъ, надѣлъ простую синюю блузу и круглую шляпу, украшенную большою бѣлою кокардою ²⁾, сѣлъ на отпряженную почтовую лошадь и по скакалъ впередъ въ сопровожденіи одного изъ фрейторовъ. Не давая себѣ ни минуты отдыха, онъ доскакалъ до города Э, но не рѣшился вѣхтать въ него, вернулся назадъ и остановился въ дрянномъ деревенскомъ трактирѣ, въ небольшомъ селеніи Ла-Каладѣ. Тутъ Наполеона нагналъ его вѣрный камердинеръ Целаръ. Посовѣтовавшись другъ съ другомъ, они порѣшили, что Наполеонъ будетъ выдавать себя за полковника

¹⁾ См. Тьеръ, т. XVII, стр. 835.

²⁾ Что Наполеонъ искалъ спасенія въ бѣлой кокардѣ объ этомъ свидѣлствуютъ единогласно и Коллеръ, и Вальдбургъ, и Кемпбель. Въ виду такого единогласія теряютъ всякое значеніе слова извѣстнаго бонапартистскаго автора, Бурьена утверждающаго, что: «On voulait y mettre une cocarde blanche, Napoleon n'en voulait pas». См. Гельфертъ, примѣчаніе 28, стр. 78.

Кемпбеля, уѣхавшаго за два дня передъ тѣмъ впередъ въ морскому берегу, чтобы приготовить все къ переѣзду Наполеона на Эльбу. Войдя въ корчму ¹⁾, Наполеонъ заказалъ обѣдъ для себя и для ѣдущихъ вслѣдъ за нимъ и разговаривался съ хозяевами. Трактирщикъ оказался человѣкомъ спокойнымъ, умѣреннымъ, даже расположеннымъ къ падшему императору, но за то его жена, очевидно ворочавшая всѣмъ домомъ, маленькая, живая болтливая, любопытная провансалька, не могла слышать равнодушно даже имени Наполеона. Она тотчасъ же вступила въ бесѣду съ господиномъ полковникомъ. «Я знаю, что вы принадлежите къ свитѣ императора», сказала она ему въ довѣрчивомъ тонѣ. «Вчера обѣдали у насъ нѣсколько господъ, они не могли надивиться, какъ это могли отдать Наполеону островъ, столь близкій къ берегамъ Франціи. Я сама точно такого же мнѣнія. Не даромъ же говорятъ про него, что у него больше ума, нежели у всей Европы. Надо надѣяться, что народъ покончитъ съ нимъ, прежде нежели онъ успѣетъ добраться до моря. Если же этотъ проклятый доберется съ цѣлою шкурою до берега, то совѣтую вамъ, господинъ полковникъ, не ѣхать съ нимъ на корабль; я твердо убѣждена, что найдутъ средства утопить его въ морѣ. Не правда ли?» приставала неотвязчивая провансалька, глядя прямо въ глаза Наполеону. «Правда, правда!» отвѣчалъ ей императоръ, стараясь по возможности выдержать свою роль.

Болтливая ховяйка отправилась, наконецъ, въ кухню. На смѣну ей явился трактирщикъ. Видимо недовольный болтовнею жены, онъ подсѣлъ къ Наполеону и старался успокоить его. «Моя жена вовсе не такъ зла, какъ можетъ показаться

¹⁾ Всѣ послѣдующія, странныя сцены въ корчмѣ изложены въ текстѣ, по Гальферту (стр. 35—41), который исчерпалъ въ данномъ случаѣ весь существующій матеріалъ. Онъ сообщаетъ между прочимъ слѣдующую весьма характерную выписку изъ донесенія Клама: «Ihm selbst liess die Angst die ungereimtesten Vorschläge ersinnen... Er war bleich und entstellt von Schrecken, seine Stimme war gebrochen er halte nicht Haltung genug, um auch nur einen Tunken von Energie von Kraft, auch nur einen Schern von Verachtung der gefahr blicken zu lassen. Er war so zu Boden gedrückt, das er nicht einmal vor seiner Dienerschaft, nicht vor dem Adjutanten des Grafen Schuwalow, den er nie gekannt hatte, auch nur ruhig scheinen konnte». Helfert, стр. 79, примѣч. 30.

на первый взглядъ», говорилъ онъ мнимому полковнику. «Въ сущности, она добрая женщина, только немножко взбаломощная. На бѣду, она побывала на дняхъ въ Э, и тамъ ей вскружили окончательно голову. Будьте увѣрены, что если императоръ дѣйствительно пріѣдетъ сюда, то никто не тронетъ его». Слова трактирщика не могли, однако же, успокоить Наполеона; онъ вѣрилъ больше рассказамъ его жены. Терзаемый страхомъ, измученный голодомъ и бессонницею, онъ потерялъ способность спокойно обсудить свое положеніе. Какъ ребенокъ, искалъ онъ убѣжища у своего камердинера и задремалъ, наконецъ, склонившись къ нему на плечо. Минуть черезъ пять онъ проснулся и прежній ужасъ овладѣлъ имъ. Онъ проклиналъ все свое прошлое, онъ давалъ обѣтъ никогда не увлекаться впередъ честолюбивыми мечтами. «Я навсегда откажусь отъ политической жизни», говорилъ онъ со слезами на глазахъ, «я не буду заботиться ни о чемъ. Я буду счастливъ на Эльбѣ, счастливѣе нежели когда либо прежде; я буду заниматься наукою. Пусть предлагаютъ мнѣ корону Европы, я отвергну ее. Ты видѣлъ, что такое этотъ народъ? Да, я имѣлъ право презирать людей. И, однако же, эта Франція! Какая неблагодарность! Мнѣ противно мое властолюбіе, я не хочу болѣе царствовать!»

Въ этотъ моментъ раздался стукъ подъѣзжавшихъ экипажей. Наполеонъ вздрогнулъ; ему казалось, что пріѣхали его убійцы. Но то были комиссары, успѣвшіе нагнать, наконецъ, бѣглеца. На дорогѣ въ Сенъ-Кана, гдѣ мѣняли лошадей, съ ними чуть не произошла катастрофа. Едва только остановились экипажи, какъ градъ камней посыпался на карету, гдѣ за отсутствіемъ Наполеона сидѣлъ лишь одинъ несчастный Бертранъ! Комиссары, ничего не знавшіе о бѣгствѣ Наполеона, тщетно пытались успокоить толпу. Женщины, какъ и вездѣ, отличались особенною яростью. Какъ безумныя лѣзли они къ экипажу Наполеона. «Ради милосердія Божія, выдайте его намъ, кричали они комиссарамъ. Вѣдь и вамъ онъ надѣлалъ не меньше зла, какъ намъ. Предоставьте же его нашей мести!» Съ трудомъ удалось, наконецъ, ускакать со станціи. Теперь, по пріѣздѣ въ Ла-Каладъ, комиссары уз-

нали, наконецъ, что Наполеонъ находится въ трактирѣ. Пеларъ выбѣжалъ къ нимъ на встрѣчу. Онъ просилъ ихъ не выдавать инкогнито его господина и обращаться съ нимъ какъ съ полковникомъ Кемпбелемъ.

Графъ Вальдбургъ, первый, вошелъ въ трактиръ. Онъ замѣтилъ въ углу комнаты челоуѣка въ простой синей блузѣ. Онъ сидѣлъ за столомъ, оперши голову на руки, погруженный, повидимому, въ глубокія думы. Графъ быстро подошелъ къ нему. Шумъ его шаговъ пробудилъ незнакомца. Онъ поднялъ голову и быстро, испуганно, взглянулъ на вошедшаго. Лицо его было искажено страхомъ и скорбью; по щекамъ его текли слезы. Вальдбургъ взглянулъ на него и сразу узналъ въ немъ императора. Наполеонъ далъ ему знакъ не выдавать его, такъ какъ въ эту самую минуту въ комнату вошла хозяйка. Вальдбургъ усѣлся рядомъ съ императоромъ и заговорилъ съ нимъ о постороннихъ предметахъ. Между тѣмъ вошли остальные комиссары. Замѣтивъ, что Наполеонъ впадалъ въ глубокое раздумье, тотчасъ же какъ хозяйка вышла изъ комнаты, они хотѣли оставить его одного, но онъ упрашивалъ ихъ не дѣлать этого, вести себя совершенно свободно, входить и выходить и держать себя какъ съ равнымъ. Онъ сообщилъ имъ о принятой на себя роли полковника Кемпбеля, но комиссары замѣтили ему, что люди могутъ узнать, что Кемпбель проѣхалъ уже давно и совѣтовали ему выдавать себя за лорда Боргерша. Наполеонъ согласился. Подъ вліяніемъ страха за свою жизнь, онъ готовъ былъ надѣть какую угодно маску, играть какую угодно роль.

Подали обѣдъ. Хозяйка разливала кушанье. Наполеонъ усѣлся вмѣстѣ съ другими, но онъ не могъ ѣсть. Ему казалось, что кушанья отравлены и онъ не рѣшался проглотить ни кусочка. Видя, что его товарищи ѣдятъ съ аппетитомъ и опасаясь возбудить подозрѣніе, онъ накладывалъ себѣ на тарелку изъ каждаго блюда, бралъ даже въ ротъ, но затѣмъ выплевывалъ все незамѣтно на полъ. За все это время онъ питался однимъ хлѣбомъ и виномъ, которые тайкомъ приносили ему изъ экипажа вѣрный Пеларъ. Первымъ и самымъ страшнымъ лицомъ была теперь для Наполеона болтливая

хозяйка. Бывшій властелинъ Европы дрожалъ теперь, какъ рабъ передъ простою провансальскою кабатчицею. Она управляла всѣми его движеніями, отъ нея зависѣло его настроеніе. Она входила въ комнату,—и Наполеонъ вдругъ дѣлался живымъ и веселымъ. Онъ начиналъ болтать, шутить и смѣяться съ своими спутниками. Она уходила,—и онъ погружался въ прежнее апатическое состояніе. Послѣ обѣда Наполеонъ началъ ломать голову, какъ бы спастись имъ изъ этой берлоги. Онъ освѣдомлялся, нѣтъ ли въ корчмѣ задней двери, черезъ которую можно бы было ускользнуть въ случаѣ опасности. Онъ велѣлъ посмотрѣть высоко ли отъ окошка до земли и можно ли будетъ выпрыгнуть изъ него въ случаѣ надобности. Коммиссары исполняли всѣ его желанія. Узнавъ отъ нихъ, что окошко задѣлано рѣшеткою, онъ поблѣднѣлъ какъ полотно. При малѣйшемъ шумѣ, даже шорохѣ, онъ вздрагивалъ и измѣнялся въ лицѣ. Если коммиссары оставляли его случайно одного, хотя на нѣсколько минутъ, то онъ всецѣло предавался своему отчаянію и плакалъ какъ ребенокъ.

Между тѣмъ въ другихъ комнатахъ трактира собралось довольно много посѣтителей. Коммиссары вступили въ разговоръ съ нѣкоторыми изъ нихъ, надѣясь вывѣдать отъ нихъ что нибудь о настроеніи мѣстнаго населенія. Они пытались увѣрить поселянъ, что императоръ уѣхалъ уже далеко впередъ, но никто не хотѣлъ вѣрить имъ. «Вѣдь мы не хотимъ его жизни», говорили трактирные гости, «мы даже не прикоснемся къ нему; мы только желаемъ взглянуть на него, посмотрѣть каковъ онъ въ несчастіи и высказать ему нѣсколько истинъ, которыхъ онъ никогда не хотѣлъ слушать прежде». Въ числѣ гостей были нѣкоторые, только что возвратившіеся изъ Э; они передали коммиссарамъ самыя тревожныя свѣдѣнія о настроеніи городского населенія. Коммиссары, посоветовавшись между собою и съ Наполеономъ, рѣшили отправить въ городъ графа Клама, адъютанта Ф. Коллера, съ открытымъ приказомъ, въ которомъ начальство города и выдающіеся горожане приглашались именемъ правительства принять мѣры, дабы императоръ могъ безопасно и спокойно прослѣдовать черезъ Э. Кламъ отправился тотчасъ же. Уже за

полчаса пути онъ встрѣтилъ большія толпы народа. Не смотря на наступившую темноту, почти все городское населеніе было на ногахъ. Возбужденное состояніе народа, рѣчи и возгласы, слышавшіеся среди толпы, должны были вызывать самую живѣйшія опасенія. Нѣкоторые изъ жителей приняли австрійскаго маіора за гонца Наполеона, но узнавъ свою ошибку, тотчасъ же пропустили его. Кламъ отправился прямо къ меру, собралъ тамъ знатнѣйшихъ жителей, предъявилъ имъ свое полномочіе и требовалъ, чтобы къ 11 часамъ ночи заперты были городскіе ворота и чтобы на дорогѣ были выставлены для охраненія порядка жандармы и національная гвардія. Послѣ долгихъ переговоровъ ему удалось добиться своей цѣли. Городскія власти и горожане обязались выполнить его требованія.

Кламъ возвратился немедленно въ Ла-Каладъ съ донесеніемъ, что путь свободенъ, но Наполеонъ, въ своемъ страхѣ, считалъ всѣ принятыя мѣры недостаточными и рѣшился обезпечить себя на всякій случай новымъ переодеваніемъ. По его просьбѣ, адъютантъ графа Шувалова долженъ былъ облечься въ костюмъ Наполеона, «дабы», какъ замѣчаетъ Ф. Коллеръ, «въ случаѣ опасности быть принятымъ за императора подвергнуться оскорбленіямъ, быть можетъ, даже смерти». Самъ Наполеонъ надѣлъ на себя австрійскій генеральскій мундиръ Ф. Коллера съ крестомъ Маріи-Терезіи, накрылъ голову полевою фуражкой графа Вальдбурга и накинулъ на плечи шинель Шувалова. Окончивъ благополучно этотъ маскарадъ, Наполеонъ занялся установленіемъ порядка, въ которомъ должно было двинуться шествіе черезъ трактиръ. Послѣ долгихъ совѣщаній и нѣсколькихъ пробъ, принять былъ такой порядокъ: впереди всѣхъ Друо, за тѣмъ мнимый Наполеонъ, потомъ Ф. Коллеръ, потомъ Наполеонъ настоящій, Шуваловъ, Вальдбургъ и свита. Шествіе совершилось благополучно. Народъ, тѣснившійся вокругъ трактира и наполнявшій всѣ переднія комнаты, никоимъ образомъ не могъ догадаться, — кто изъ проходившихъ былъ настоящій Наполеонъ. Тщетно прибѣгали нѣкоторые къ помощи пятифранковыхъ монетъ, стараясь сличить находившееся на нихъ изображе-

ніе съ фізіономіями проходившихъ мимо нихъ путешественниковъ. Къ тому же изъ Э явились, какъ-разъ во-время, нѣсколько жандармовъ и успѣли оттѣснить черезчуръ любопытныхъ отъ экипажей. Кареты тронулись и Наполеонъ ускользнулъ, наконецъ, изъ ненавистнаго трактира, гдѣ онъ провелъ столько мучительныхъ часовъ.

Была уже глубокая ночь, когда путешественники приблизились къ Э, но на старинныхъ городскихъ валахъ оказалось еще достаточно публики. Обычные крики: долой тирана! да здравствуетъ король! встрѣтили и здѣсь Наполеона. Блѣдный отъ страха, сидѣлъ онъ въ углу своей кареты, но все обошлось на этотъ разъ одними ругательствами, проклятіями и свистками. Мѣра, принятая комиссарами, оказалась вполне цѣлесообразною. Жандармы и національная гвардія удержала чернь отъ явнаго и открытаго насилія. Съ этихъ поръ комиссары посылали въ каждый городъ и мѣстечко по пути майора Клама съ открытымъ приказомъ, и повсюду появленіе австрійскаго графа съ его «ордеромъ» имѣло однѣ и тѣ же умиротворяющія послѣдствія. Наполеонъ не могъ, однако же, успокоиться и неутомимо изощрялъ свою находчивость въ изобрѣтеніи все новыхъ и новыхъ фокусовъ, только бы скрыть отъ взоровъ толпы свою особу. Онъ оставилъ свою карету и переселился окончательно въ экипажъ Ф. Коллера. Онъ распорядился, чтобы камердинеръ Ф. Коллера, сидѣвшій на козлахъ, курилъ постоянно простой табакъ и окружалъ карету цѣлыми облаками дыма. Онъ просилъ, чтобы самъ Ф. Коллеръ напѣвалъ какую-нибудь пѣсенку, при вѣздѣ въ деревни и мѣстечки. Баронъ замѣтилъ, что, къ сожалѣнію, онъ совершенно незнакомъ съ искусствомъ пѣнія. «Ну въ такомъ случаѣ, насвистывайте чтонибудь», упрашивалъ его Наполеонъ. Комиссаръ долженъ былъ согласиться, и съ этихъ поръ карета Наполеона вѣзжала въ селенія и города, окутанная клубами табачнаго дыма и оглашаемая громкимъ посвистываніемъ австрійскаго генерала ¹⁾.

Постыдная трусость Наполеона переходила, впрочемъ, при

¹⁾ См. Helfert, стр. 42.

первомъ же удобномъ случаѣ, въ столь свойственный его натурѣ высокомерный и повелительный тонъ. Коммиссары могли убѣдиться въ этомъ наглядно уже 26 апрѣля, по прибытіи въ городокъ Сень-Максиминъ. За завтракомъ Наполеонъ узналъ случайно, что въ городѣ находится подпрефектъ изъ Э, и тотчасъ распорядился позвать его къ себѣ. «Вы вѣроятно покрашите», обратился онъ къ входящему чиновнику, «увидѣвъ меня въ австрійскомъ мундирѣ, но я долженъ былъ надѣть его, чтобы оградить себя отъ насилій и оскорбленій этихъ провансаловъ. Я предпринималъ съ довѣріемъ мое путешествіе, я могъ бы взять для моей защиты конвой изъ 6000 человекъ, но я пренебрегъ этою предосторожностью. О эти провансалы, они способны ко всякой низости, тамъ, гдѣ не грозитъ имъ опасность, а если дѣло дойдетъ до боя, то за нихъ нельзя дать и заряда пороха». Бѣдный чиновникъ не зналъ, что ему отвѣчать, смущенный грознымъ тономъ императора и присутствіемъ иностранныхъ офицеровъ. Подъ конецъ онъ попробовалъ было раскрыть ротъ, но Наполеонъ не далъ ему говорить, разразился новыми укоризнами на неблагодарность провансаловъ и отпустилъ подпрефекта крайне не милостиво. «Я хорошо знаю этихъ провансаловъ», обратился онъ затѣмъ къ своимъ спутникамъ. «Лѣтъ 18 тому назадъ я былъ посланъ въ эту самую мѣстность съ небольшимъ вооруженнымъ отрядомъ, чтобы спасти двухъ роялистовъ, повѣсить которыхъ собиралась толпа за то, что они надѣли бѣлую кокарду. Съ большими усиліями вырвалъ я тогда несчастныхъ изъ рукъ этихъ бѣшеныхъ, а теперь эти же самые люди устраиваютъ охоту на меня. О французское легкомысліе!»¹⁾

Испытанія Наполеона приближались къ концу. Берегъ моря былъ уже недалеко. 26 апрѣля, въ три часа по-полудни, путники прибыли въ Ле-Люкъ, гдѣ Наполеона ожидала любимая сестра его Полина. Она хотѣла сопровождать брата на Эльбу и нарочно поспѣшила къ нему на встрѣчу, подъ прикрытіемъ двухъ эскадроновъ австрійскихъ гусаръ. Свиданіе было трогательное²⁾. Сердце Наполеона раскрылось при видѣ любя-

¹⁾ См. Helfert, стр. 43.

²⁾ Свиданіе Наполеона съ сестрою происходило въ загородномъ домѣ, отсто-

мой сестры, убитой горемъ, измученной опасною болѣзнью. Полина схватила его за руки и покрывала ихъ поцѣлуями и слезами: Наполеонъ прослезился. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ, что сестра хочетъ раздѣлять съ нимъ изгнаніе, но надеждамъ его не суждено было осуществиться. Уже въ слѣдующую ночь страданія принцессы такъ усилились, что она принуждена была отказаться на-время отъ поѣздки и остановиться на нѣсколько дней въ Ле-Люкѣ.

Наполеонъ продолжалъ свой путь къ морю полъ прикрытіемъ австрійскихъ гусаръ. Онъ былъ крайне до этимъ конвоемъ ¹⁾, и его тревожно настроеніе разсѣял. кончательно. Въ Фрежюсѣ Наполеонъ увидѣлъ, наконецъ, море. То было мѣсто, хорошо знакомое и памятное для него. Здѣсь увидѣлъ онъ 14 лѣтъ тому назадъ Францію, по возвращеніи своемъ изъ Египта. Тогда онъ стоялъ лишь въ началѣ своей баснословной карьеры, теперь онъ явился сюда въ качествѣ изгнанника. И тогда, и теперь, онъ прибылъ въ сопровожденіи немногихъ лицъ, но тогда его окружали вѣрные товарищи и слуги, а теперь онъ вѣхалъ, какъ арестантъ, подъ защитою иностранныхъ комиссаровъ, представителей, сокрушившихъ его могущество, европейскихъ державъ. Наполеонъ, казалось, не тяготился этими воспоминаніями. Съ намѣреніемъ остановился онъ въ той самой маленькой гостинницѣ, гдѣ пріютился онъ, по возвращеніи изъ Египта. Мысли о славномъ прошломъ и темномъ ожидающемъ его будущемъ были одинаково далеки отъ него. Онъ весь былъ поглощенъ настоящимъ, своимъ удобствомъ, безопасностью, охраненіемъ своего достоинства. Его прежнее высокомеріе вернулось къ нему во всей силѣ. Императору донесли, что въ гавани находятся англійскій фрегатъ *Undaunted* (Неукротимый), французскій фрегатъ *La Dryade* и бригъ *l'Inconstant*. вмѣстѣ съ

льшемъ около мѣ отъ Ле-Люка. Владѣлецъ этого дома, по однимъ свидѣтельствамъ, г. Шарль, членъ законодательнаго корпуса, а по другимъ, М. Аппе, самъ пригласилъ къ себѣ принцессу. См. Гельфертъ, стр. 79.

1) Впослѣдствіи на островѣ Св. Елены, диктуя свои мемуары, Наполеонъ считъ за нужное передѣлать этихъ гусаровъ въ «*compagnie des vétérans, tous vieux soldats*», разумѣется, французовъ.

тѣмъ ему сообщили, что для переѣзда его на островъ Эльбу французское правительство назначило бригъ L'Inconstant. Наполеонъ усмотрѣлъ въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве личное оскорбленіе. «Что это означаетъ?» воскликнулъ онъ съ досадою. «Мнѣ присылаютъ какой то жалкій бригъ? Они должны были дать мнѣ линейный корабль! Я создалъ для Франціи военный флотъ, а правительство присылаетъ мнѣ маленькій жалкій бригъ! Это низость! C'est cochon ça!» Императоръ приказалъ подать себѣ какую то большую книгу и прочелъ изъ нея комиссарамъ всѣ подробности, касавшіяся злополучнаго брига. «Англичане», замѣтилъ онъ съ самодовольствомъ, «дали бы милліоны за эти книги, таблицы и свѣдѣнія, находящіяся въ моемъ распоряженіи; въ нихъ заключается вся Франція!»

Досада Наполеона по поводу брига была, впрочемъ, болѣе притворная, нежели дѣйствительная. Онъ глубоко не довѣрялъ всему французскому, начиная отъ правительства и оканчивая капитанами и матросами. Онъ воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы отклонить услуги французовъ и имѣть возможность отправиться на англійскомъ кораблѣ. Комиссары не только не противорѣчили Наполеону, но старались, напротивъ, утвердить его въ его намѣреніи. Они сами не довѣряли французамъ и предпочитали перевести Наполеона на островъ на англійскомъ фрегатѣ ¹⁾. Дѣло было улажено безъ всякихъ затрудненій. Уже вечеромъ въ тотъ же день, капитанъ Undaunted'a Ушеръ лично представился Наполеону и предложилъ къ его услугамъ свой фрегатъ.

Наполеонъ принялъ капитана какъ настоящій повелитель. Въ эти немногіе послѣдніе часы онъ преобразился совершенно. Онъ забылъ совершенно печальныя событія только что минувшихъ дней, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго стѣсненія при видѣ людей, бывшихъ свидѣтелями его постыдной

¹⁾ Кохлеръ доносилъ по этому поводу Меттерниху: «Ich erweckte einige Besorgnisse über den Geist des französischen Schiffvolkes bei Ihno, und da der um vier Uhr von Sain-Tropez eingelangte Major Clam dies noch bestärkte und der Kaiser überdies beleidigt war, dass man Ihm nur eine schlechte Brigg zur Fahst angewiesen hatte, so entschloss. Er sich sogleich die englische Fregatte zu wählen und sich von der französischen begleiten zu lassen». Гальфертъ, стр. 48.

трусости, его недостойнаго поведенія. «Какъ только миновала опасность, какъ только достигъ онъ гавани, какъ онъ опять принялъ на себя тонъ правителя» ¹⁾. Наполеонъ пригласилъ къ обѣду всѣхъ комиссаровъ и англійскаго капитана, онъ держалъ себя за столомъ весело, развязно, но давалъ въ то же время чувствовать всѣмъ и каждому свое превосходство. Съ жаромъ и увлеченіемъ говорилъ онъ о своихъ планахъ, объяснялъ, какъ много великаго хотѣлъ онъ сдѣлать для Франціи, и что въ концѣ концовъ онъ успѣлъ бы покорить и Англію. Онъ принялъ такой положительный, не терпящій возраженій тонъ, что его собесѣдникамъ казалось, что передъ ними стоитъ дѣйствительный и настоящій, а не свергнутый императоръ Франціи. Въ пылу бесѣды онъ говорилъ «о своихъ» флотахъ въ Тулонѣ, Брестѣ, Антверпенѣ, «о своей» арміи въ Гамбургѣ, «о своихъ» мортирахъ въ Герѣ, какъ бы забывая, что все это не принадлежитъ ему уже теперь.

Капитанъ французскаго фрегата, *la Dryade*, чувствовалъ себя оскорбленнымъ предпочтеніемъ, отданнымъ Наполеономъ британскому флагу. Онъ испросилъ аудіенцію у императора и предложилъ къ его услугамъ свой корабль. «Безъ сомнѣнія, я предпочелъ бы французское судно», отвѣчалъ ему Наполеонъ въ тонѣ оскорбленнаго самолюбія, «но не могутъ же требовать отъ меня, чтобы я ѣхалъ на кораблѣ, вывѣсившемъ бѣлый флагъ, хотя я и убѣжденъ, что какъ капитанъ, такъ и экипажъ носятъ въ сердцѣ трехъ-цвѣтное знамя». «Но, государь, препятствіе это легко устранить. Я пойду безъ всякаго флага и ваше величество можете быть увѣрены, что вы будете приняты на фрегатъ со всѣми подобающими вамъ почестями». «Не могу», отвѣчалъ Наполеонъ сухо. «Я далъ вчера слово капитану Ушеру и не могу взять его назадъ, не оскорбивъ его!» Оскорбленный капитанъ ушелъ отъ императора. Въ тотъ же день онъ вышелъ въ море съ своимъ фрегатомъ и бригаомъ.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Изъ донесенія Кошера у Гельферта, стр. 48.

Справедливы-ли обвинения, возводимыя гр. Львомъ Толстымъ на Православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“.

(Окончаніе *).

IV.

Связь христіанскаго правоученія съ вѣроученіемъ. Важность христіанскихъ догматовъ. Что располагаетъ христіанъ вести нравственно-возвышенную жизнь? Можно ли сдѣлать людей истинно нравственными путемъ преподаванія имъ одного только нравственнаго ученія христіанской религіи? Опытъ англійскихъ филантроповъ. Ихъ безуспѣшность. Культъ теофилантропіи въ Парижѣ въ 1796 году. Печальный конецъ этого культа. Правъ ли Толстой, утверждая, что догматы христіанской религіи не принесли людямъ ничего, кромѣ зла?—Заключеніе.

Указавши причины, способствовавшія мнимому извращенію христіанской религіи, Толстой переходитъ къ разсмотрѣнію самой религіи, какъ она исповѣдуется всѣми христіанами. «Чему, спрашиваетъ себя Толстой, учить христіанство, понимая его, какъ ученіе какой бы то ни было церкви или всѣхъ церквей? Какъ хотите разбирайте, смѣшивая или подраздѣляя, но тотчасъ же все ученіе христіанское распадается на два рѣзкіе отдѣла: ученіе о догматахъ, начиная съ божественнаго Сына, Духа, отношенія этихъ лицъ, до евхаристіи съ виномъ или безъ вина, прѣснаго или кислаго хлѣба ¹⁾, и на нравственное ученіе: смиренія, нестяжательности, чистоты тѣлесной и духовной, неосужденія и освобожденія отъ неволи узъ и миролюбія. Какъ ни старались учителя церкви смѣ-

*) См. жур. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 6.

¹⁾ Какъ видимъ, Толстой путается въ изложеніи догматовъ.

шивать эти двѣ стороны ученія, онѣ никогда не смѣшивались и, какъ масло отъ воды, всегда были врозь каплями большими или малыми». Замѣтите, читатель, раньше Толстой утверждалъ, что христіанская Церковь съ тѣхъ поръ, какъ она вступила въ союзъ съ властію, «не требуетъ ничего, чтобы обязательно долженъ былъ дѣлать христіанинъ и отъ чего онъ долженъ бы былъ обязательно воздерживаться, если не считать постовъ и молитвъ самую церковью признаваемыхъ необязательными». Теперь же, какъ видимъ, онъ говорить совершенно другое: въ христіанской Церкви есть ученіе не объ однихъ только догматахъ, но и о томъ, какъ нужно жить. Какъ нужно смотрѣть на подобныя противорѣчія Толстого, объ этомъ пусть судить самъ читатель. Мы съ своей стороны займемся разборомъ той мысли Толстого, будто въ христіанской религіи ученіе о догматахъ и ученіе нравственное представляютъ изъ себя двѣ совершенно отдѣльныя стороны и не имѣютъ никакой между собой связи. По словамъ Толстого христіанскія церква хотя и употребляли всѣ усилія, чтобы соединить догматическую сторону съ нравственной, однако не могли этого сдѣлать. Такое утвержденіе Толстого есть явная ложь. Нравственное ученіе христіанской религіи было бы совершенно непонятно безъ догматическаго. Возьмемъ основной принципъ христіанской нравственности именно: ученіе о безконечномъ духовномъ усовершенствованіи человѣческой личности. Имѣло ли бы это ученіе смыслъ, если бы христіанская религія не учила о личномъ Богѣ и личномъ безсмертіи. Какое значеніе имѣли бы тогда слова Спасителя: «Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть?» Какъ можетъ безличное существо, какимъ Толстой представляетъ Бога, служить примѣромъ нравственнаго совершенства? Какъ возможно вѣровать въ безконечное усовершенствованіе, если жизнь человѣка прекращается вмѣстѣ съ его смертію?...

Заповѣдь о любви къ ближнимъ Спаситель, какъ извѣстно, также излагаетъ въ связи съ любовію Бога къ людямъ. «Да будете сынами Отца вашего Небеснаго, ибо Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ

дождь на праведныхъ и неправедныхъ» (Мѡ. 5, 36). А такъ какъ любовь Бога къ людямъ проявилась болѣе всего въ актѣ искупленія (Іоан. 3, 16; I Іоан. 4, 9—10; Рим. 8, 3; I Кор. I, 9; 2 Кор. 5, 18—19; Ефес. I, 3—10; Колос. I, 12—13), то послѣднее христіанская Церковь выставляетъ какъ самую главную основу христіанскаго ученія о любви ближнимъ. Въ первомъ соборномъ посланіи Іоанна Богослова мы читаемъ: «Въ томъ любовь, что не мы возлюбили Бога, но Онъ возлюбилъ насъ, и послалъ Сына Своего въ умилоствленіе за грѣхи наши. Возлюбленные! Если такъ возлюбилъ насъ Богъ, то и мы должны любить другъ друга». (I Іоан. 4, 10—11). Апостоль Петръ въ своемъ первомъ посланіи пишетъ: «Христосъ пострадалъ за насъ, оставивъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его». (I Петр. 3, 21). Въ посланіи къ Римлянамъ Ап. Павелъ говоритъ: «Каждый изъ насъ долженъ угождать ближнему, во благо, къ назиданію, ибо и Христосъ не Себѣ угождалъ, но какъ написано: злословія злословящихъ Тебя пали на Меня» (Рим. 15, 2—3). А въ посланіи къ Ефесянамъ тотъ же Апостоль пишетъ: «Не оскорбляйте Святаго Духа Божія, которымъ вы запечатлѣны въ день искупленія. Всякое раздраженіе, и ярость, и гнѣвъ, и крикъ, и злорѣчіе со всякою злобою да будутъ удалены отъ васъ; но будьте другъ къ другу добры, сострадательны, прощайте другъ друга, какъ и Богъ во Христѣ простилъ васъ». (Ефес. 4, 30—32).

Рѣшившись утверждать, что догматическое и нравственное ученіе христіанской религіи не имѣютъ между собою связи, и что всѣ христіане могутъ исповѣдывать только одно какое нибудь ученіе, Толстой старается рѣшить какое же ученіе болѣе важно для христіанъ. «По плодамъ, говоритъ онъ, можно заключить о томъ, какая сторона болѣе важная и, если можно сказать: «болѣе истинная», то какая болѣе истинна? Посмотришь на исторію христіанства, и ужасъ нападаетъ на тебя. Безъ исключенія съ самаго начала и до самаго конца, до насъ, куда ни посмотришь, на какой ни взглянешь догматъ, хоть съ самаго начала, — догматъ божественнаго Христа, — и до сложенія перстовъ, до причастія съ виномъ или безъ вина, плоды всѣхъ этихъ умственныхъ трудовъ, направлен-

ныхъ на разъясненіе догматовъ—злоба, ненависть, казни, изгнанія, побоища женъ и дѣтей, костры, пытки. Посмотришь на другую сторону нравственнаго ученія, — отъ удаленія въ пустыню для общенія съ Богомъ до обычая подавать калачи въ острогѣ, и плоды этого—всѣ наши понятія добра, все то радостное, утѣшительное, служащее намъ свѣточемъ въ исторіи».... Итакъ, исходя изъ того, что ученіе о догматахъ вызвало вражду между людьми и даже кровопролитія, Толстой заключаетъ, что догматы не только бесполезны для христіанина, но они даже вредны ¹⁾. Но логиченъ ли такой выводъ Толстого? Можно ли заключить, что догматы бесполезны и вредны на основаніи того, что споры о нихъ соединялись съ пытками и кострами? По нашему искреннему убѣжденію, Толстой, если бы рассуждалъ безпристрастно, долженъ былъ бы прійти къ выводу совершенно противоположному. Готовность людей принять смерть изъ за догматовъ ясно говоритъ намъ, что догматы не только не излишни, но дороги человѣку. Желаніе Толстого уничтожить всѣ христіанскіе догматы есть желаніе фантастическое, неисполнимое. Оно вытекаетъ изъ крайне поверхностнаго взгляда Толстого на религію. Людей подобныхъ Толстому ученіе о догматахъ всегда соблазняло. «Но кто знаетъ, говоритъ профессоръ Чичеринъ, связь отвлеченныхъ понятій съ самыми конкретными явленіями жизни, кому извѣстно вліяніе того, что не посвященнымъ умамъ представляется метафизическими тонкостями, на все міросозерпаніе человѣка, тотъ понимаетъ безконечную важность богословской науки. Примѣръ докажетъ это яснѣе всякихъ разсужденій. Въ своей исторіи паденія Римской имперіи Гиббонъ, рассказывая о спорахъ между православными и еретиками IV вѣка на счетъ естества Иисуса Христа, котораго одни признавали Единосущнымъ, а другіе — подобосущнымъ Богу Отцу, — выраженія отличающіяся на греческомъ языкѣ только одною буквою <i>i</i> (ὁμοούσιος и ὁμοιούσιος), говоритъ, что профанамъ всѣхъ вѣковъ казались нелѣпыми эти жесто-

¹⁾ Какъ нужно смотрѣть на пытки и костры, которыми сопровождалась иногда споры людей изъ-за догматовъ, объ этомъ мы говорили раньше.

ченныя и нерѣдко кровавыя распри изъ за одной буквы. И точно онѣ должны казаться какимъ то безуміемъ всякому, кто въ богословіи и метафизикѣ видитъ только пустыя отвлеченности. Но кому понятенъ смыслъ этого вопроса, тотъ знаетъ, что отъ одной этой буквы зависѣло все дальнѣйшее развитіе человѣчества. Признаніе Слова пободосущнымъ Силѣ означало подчиненное значеніе Разума въ міросозданіи и въ человѣкѣ; напротивъ признаніе Бога Сына единосущнымъ Отцу означало самобытное значеніе Разума, какъ Божественнаго Начала, въ мірѣ и въ жизни. Это послѣднее воззрѣніе было источникомъ совершенно новаго міросозерцанія, невѣдомаго древнему міру, міросозерцанія, которое влекло за собою неизчислимыя послѣдствія не только для религіи, но и для философіи, для нравственности, для права, для политики, однимъ словомъ, для всей совокупности человѣческой жизни. То, что выражается здѣсь одною буквою, обозначаетъ переломъ во всемірной исторіи» ¹⁾.

Не менѣе поверхностно сужденіе Толстого и о нравственной сторонѣ христіанской религіи. Выставляя удаленіе въ пустыню и подачу калачей въ остроги, какъ явленія, служащія свѣточемъ въ исторіи, Толстой опускаетъ изъ виду, что какъ удаленіе въ пустыню, такъ и подача калачей въ остроги вытекаютъ непосредственно изъ исповѣданія людьми догматовъ христіанской религіи. Такъ, ближайшимъ побужденіемъ, располагающимъ людей удалаться въ пустыню, служитъ безъ сомнѣнія любовь ихъ къ Богу какъ къ личному Существому. Уходя въ пустыню, аскеты тѣмъ самымъ хотѣли постоянно, такъ сказать, находиться въ единеніи съ Богомъ и въ духовной бесѣдѣ съ Нимъ. Давіиль, монахъ Радоскій, описывая жизнь преподобнаго Іоанна Лѣствичника, говоритъ о немъ: «По истеченіи девятнадцатаго года онъ исходитъ на поприще безмолвія. Избравъ для своего подвига, въ пяти поприщахъ отъ храма Господня, уединенное мѣсто, именованное Ола, сорокъ лѣтъ проводитъ тамъ въ трудахъ и возгорается божественною любовію, непрестанно расплаемый

¹⁾ «Наука и религія». Стр. 216—217.

ея огнемъ»¹⁾. Закончивъ свое краткое описаніе преподобнаго, Даніилъ говоритъ о немъ: «Да и вся жизнь его была непрестанная молитва и безпримѣрная любовь къ Богу; ибо днемъ и ночью созерцая Его, какъ въ зеркалѣ, въ чистотѣ, непорочности, не хотѣлъ, или точнѣе скажу, не могъ онъ насытиться симъ созерцаніемъ»²⁾.

Нашъ великій іерархъ Филаретъ на предполагаемое возраженіе противъ удаленія въ пустыню: не на всякомъ ли мѣстѣ можно поставлять Богу обитель въ душѣ и поклоняться Ему духомъ и истиною?» отвѣчаетъ: «На всякомъ мѣстѣ владычества Его благослові, душе моя, Господа (Псал. 102, 22). Но что же дѣлать, если сіе благословенное приглашеніе всюду и всегда благословлять Господа неуспѣшно повторяю въ душѣ моей, отъ того, что міръ въ то же время не переставая оглашаетъ и оглушаетъ ее своими разнообразными гласами требованій, прещеній, прельщеній, смущенія, развлеченія, нужды, заботъ, страстей, похотей, и она не находитъ довольно силы противоборствовать сему или утомленная противоборствомъ, жаждетъ приближаться къ Богу, безъ препятствій со стороны тварей, служить Ему безъ развлеченія?»³⁾. Сознаніе постояннаго единенія съ Богомъ миритъ аскетовъ и съ тѣми лишеніями, среди которыхъ имъ приходится проводить жизнь. Извѣстный нашъ писатель-беллетристъ В. И. Немировичъ-Данченко, посѣтивши въ 1882 г. Валаамскую пустынь, былъ пораженъ слишкомъ уединенною жизнію монаховъ. «Тишина какая то мертвящая, говоритъ онъ⁴⁾, охватывала меня кругомъ, когда я изъ одного пустыннаго двора переходилъ въ другой. Жутко становилось здѣсь⁵⁾, такъ жутко, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что совершенно понимаешь того аѳон-

1) Преподобнаго Іоанна игумена Синайской горы Лѣствица. Москва. 1857 г. «Житіе Іоанна», стр. V.

2) Ibid. стр. VIII.

3) Слова и рѣчи. Ч. I, стр. 270.

4) Впечатлѣнія свои Немировичъ-Данченко описалъ въ очеркахъ, подъ заглавіемъ «Крестьянское царство». Эти очерки онъ помѣщалъ въ «Русской Мысли» за 1882 г.

5) «Русская Мысль». 1882 г. Янв. Стр. 204.

скаго монаха, который какъ то попалъ сюда, думая остаться, и не выдержавъ — бѣжалъ, чуть не помѣшавшись, въ Угрѣшскій монастырь». Но когда Немировичъ-Данченко сказалъ одному монаху: «мрачно у васъ. Скучно», то послѣдній отвѣтилъ: «Съ Богомъ и въ лѣсу жизнь, а безъ Бога и въ раю соскучишься» ¹⁾.

Но любовь къ Богу ²⁾ не единственное побужденіе располагавшее аскетовъ удалиться въ пустыни. «Всѣ, охотно оставившіе міръ, говоритъ Іоаннъ Лѣствичникъ, безъ сомнѣнія сдѣлали сіе ради будущаго царствія» ³⁾. И дѣйствительно, если бы аскеты не вѣрили въ загробную жизнь, и не надѣялись получить царство небесное, то удаленіе въ пустыню и борьба со страстями были бы совершенно безцѣльны. Къ чему нужно было бы имъ измощать свое тѣло, къ чему нужно было бы претерпѣвать всѣ лишенія, еслибы они думали, подобно Толстому, что все прекращается съ земною жизнью?

Подача калачей въ остроги, приводящая Толстого въ умиленіе, имѣетъ въ своей основѣ съ одной стороны вѣру людей во Христа, какъ въ Бога, а съ другой — надежду на будущую загробную жизнь. Нѣтъ сомнѣнія, что такъ называемая благотворительность есть дѣло чисто христіанское. Она стоитъ въ тѣсной связи съ слѣдующими словами Спасителя: «Такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ». (Мѡ. 25, 40). Доказывать эту непреложную истину едва ли нужно. Прошеніе нищими милостыни «ради Христа» — лучше всякихъ логическихъ доказательствъ. Но могли ли бы слова Спасителя быть для христіанъ убѣдительными, еслибы они не вѣрили въ Него, какъ въ Бога? Мы думаемъ, едва ли бы Толстой и всякій вообще моралистъ расположилъ людей къ благотворительности, если бы сказалъ

¹⁾ «Русская Мысль». 1882 г. Февр. Стр. 84.

²⁾ Внутренніе мотивы, побуждавшіе людей удалиться въ пустыню и вести вообще аскетическій образъ жизни, прекрасно выясняются въ статьѣ О. О. Гусева «Изложеніе и критическій разборъ нравственнаго ученія Шопенгауэра, основателя современнаго философскаго пессимизма». Гл. IV.—«Прав. Обзоръ» 1877 г. Декабрь.

³⁾ Лѣствица. Стр. 4.

имъ, что подаваемъ, которое они будутъ дѣлать нищимъ, они окажутъ услугу ему—простому человѣку.

Но и одна вѣра во Христа, какъ въ Бога, не можетъ еще вполне расположить людей къ благотворительности. Подача калачей въ остроги, прославляемая Толстымъ, какъ одинъ изъ свѣточей исторіи, совершается людьми часто далеко не нравственными. Ожидать отъ нихъ совершенно безкорыстной милостыни было бы излишне. Если они дѣлаютъ добро, то дѣлаютъ и изъ желанія получить прощеніе грѣховъ и удостоиться царствія Божія. Не будь въ христіанской религіи ученія о личномъ бессмертіи число благотворителей значительно бы сократилось ¹⁾).

Мысль Толстого сдѣлать людей нравственными путемъ преподаванія имъ одного только нравственнаго ученія Іисуса Христа есть не болѣе, какъ пустая мечта. Эту мечту имѣли многіе гораздо раньше его, но она никогда не приводила ни къ чему. «Когда дѣлаютъ христіанство, говоритъ Александръ Вине, болѣе раціональнымъ на видъ, уничтожая ученіе объ искупленіи, то у него отнимаютъ его силу». Это положеніе знаменитаго ученаго оправдано фактами. Англійскіе филантропы подъ руководствомъ Вильберфорса пробовали цивилизовать туземцевъ Западной Африки, не употребляя прямого религіознаго вліянія; опытъ не удался. Одинъ губернаторъ Канады точно также поступалъ съ индѣйцами; онъ не достигъ никакого результата. Опыты цивилизаціи безъ религіознаго элемента оказались безуспѣшными ²⁾).

¹⁾ Дѣланіе добра изъ желанія только получить царство небесное, повидимому, носитъ на себѣ характеръ эгоистическій. Нѣкоторые моралисты, исходя изъ этого, и считаютъ мораль христіанской религіи эгоистическою. Но подобный взглядъ не выдерживаетъ критики. Изъ того, что между христіанами есть люди, дѣлающіе добро единственно только изъ желанія получить блаженство, нельзя заключить, что и сама мораль христіанской религіи эгоистична. На ученіе Іисуса Христа о вѣчномъ блаженствѣ и вѣчномъ мученіи нужно смотрѣть не только какъ на побужденіе къ добру, а главнымъ образомъ какъ на указаніе конечной цѣли человѣческаго бытія. Было бы странно, если бы Іисусъ Христосъ, научая людей истинной жизни, не сказалъ имъ, къ чему приведетъ ихъ эта истинная жизнь. Впослѣдствіи въ своемъ сочиненіи «Основы христіанской этики» мы выяснимъ этотъ вопросъ подробно.

²⁾ Христосъ Э. Навияи. Чтеніе четвертое.

Другіе возымѣли мысль употребить въ дѣло религію, но при этомъ начинали доктринами такъ называемой естественной религіи, намѣренно умалчивая о христіанскихъ догматахъ. Предпріятіе было начато въ Америкѣ учениками Вильяма и Пенна; оно приводилось въ исполненіе въ теченіе полутора столѣтія, но совершенно безуспѣшно. Одинъ миссіонеръ рассказывалъ, что онъ хотѣлъ слѣдовать тому же методу. Онъ говорилъ одному язычнику о Богѣ, о провидѣвіи и не достигъ никакого результата. По внезапному вдохновенію онъ открываетъ Новый Завѣтъ и читаетъ повѣствованіе о страданіяхъ Господа. Изъ глазъ дикаря полилась слезы, и онъ былъ пріобрѣтенъ для христіанства ¹⁾.

Точно также были неудачны и другіе опыты. Въ 1796 году въ Парижѣ появился культъ теофилантроповъ, который сводилъ свои предписанія къ двумъ слѣдующимъ правиламъ: «почитать Бога, любить людей», и который устранялъ Евангеліе въ собственномъ смыслѣ слова. Въ 1830 году основана была аббатомъ Шатель французская церковь, которая имѣла своимъ девизомъ: «законъ естественный, ничего кромѣ закона естественнаго; во всемъ законъ естественный», и которая была полной реакціей противъ христіанства. Въ 1834 году появилась церковь нѣмецкихъ католиковъ, въ которой самымъ выдающимся представителемъ былъ Жанъ Ронге. — котораго могли считать нѣкоторое время новымъ Лютеромъ, но который шелъ по дорогѣ, быстро приведшей его къ пантеизму. Всѣ эти опыты новыхъ культовъ имѣли одинаковую участь. Они удаляли изъ религіи идею промыслительнаго и искупительнаго дѣйствія Божества въ спасеніи людей. Вслѣдствіе этого за кратковременнымъ ихъ блескомъ послѣдовалъ быстрый упадокъ. Наконецъ они повели къ политическимъ волненіямъ. Вотъ, между прочимъ, какія подробности сообщаетъ Э. Навиль о культѣ теофилантроповъ.

«26 Нивоза ²⁾ V года (т. е. въ декабрѣ 1796) пять отцевъ

¹⁾ Ibid.

²⁾ Нивозъ (nivose отъ лат. nix, nivis—снѣгъ) четвертый мѣсяць по календарю, первый мѣсяць французской республики начинался съ 21 декабря.

семействъ собрались въ Парижѣ, въ улицѣ Сень-Дени № 34, и послѣ конференціи обнародовали манифестъ, въ которомъ читаемъ слѣдующее:

«Нѣкоторые отцы семействъ, убѣдившись, что религіозныя начала составляютъ единственное прочное основаніе хорошаго воспитанія, единственную узду для тайныхъ преступленій, лучшее утѣшеніе въ несчастіи и самое дѣйствительное поощреніе къ исполненію обязанностей, — соединились для того, чтобы отыскать средства спасти своихъ дѣтей отъ опасности иррелигіозности. Они разсудили, что таинственные культы имѣютъ много противниковъ, что большая часть молодыхъ людей, воспитанныхъ въ культѣ подобнаго рода, находясь въ свѣтѣ, не могутъ устоять противъ многочисленныхъ аргументовъ, которые на нихъ направляются, и что часто, отрекаясь отъ таинствъ, они въ то же время забываютъ религію и нравственность.

«Посему они рѣшили, что самое вѣрное средство противъ этого зла — внушить своимъ дѣтямъ принципы естественной религіи, которыхъ ни одинъ человѣкъ не можетъ отвергать, по крайней мѣрѣ, если онъ не безсмысленъ и не совсѣмъ испорченъ; что разъ они привыкнутъ вести себя по принципамъ этой религіи, которую уважаютъ всѣ народы, и которая есть основаніе всѣхъ культовъ, существующихъ на землѣ; то вѣроятно они никогда отъ нея не откажутся и будутъ такимъ образомъ честными людьми до послѣдняго издыханія».

Таковы свойства и цѣль этого предпріятія, изложенныя самымъ яснымъ образомъ. Дѣло шло о томъ, чтобы держаться символа (Credo) Робеспьера, который, по мнѣнію Руссо, былъ чистымъ продуктомъ разума, признаннаго всѣми народами! Такимъ образомъ надѣялись удержать въ области вѣры и возвратить въ нее тѣхъ, которыхъ таинства удаляютъ отъ религіи. Опытъ былъ добросовѣстный. Теофилантропы считали въ своей средѣ нѣсколько избранныхъ натуръ: Дюпона-де-Немуръ — этого мужественнаго человѣка, которому Людовикъ XVI въ мрачныя дни революціи сказалъ слѣдующее: «Дюпонъ, васъ находятъ всюду, гдѣ въ васъ вуждаются», а также въ числѣ теофилантроповъ былъ достойный сочувствія авторъ «Павла

и Варгини» Бернардень-де-Сень-Пьеръ. Секта эта находилась подъ покровительствомъ правительства. Ей позволили раздѣлять съ католиками пользованіе нѣсколькими парижскими церквами, а особенно Notre Dame (соборъ парижской Богоматери). Точно также въ ея пользу было назначено нѣсколько денежныхъ субсидій, какъ кажется, очень небольшихъ. Сначала въ новомъ культѣ было много членовъ. Но скоро усердіе ослабѣло; храмы опустѣли; въ деньгахъ оказался недостатокъ; обнаружались внутренніе раздоры, и главный основатель этого учрежденія Шемень въ мемуарѣ, опубликованномъ имъ, съ грустію объявилъ слѣдующее: «Теофилантропія была исповѣдуема людьми, которыхъ не одушевляли ни любовь къ истинѣ, ни ревность къ добродѣтели, и которые оставили эту секту, какъ только убѣдились, что тамъ нельзя ни приобрѣсть денегъ, ни получить выгодныхъ мѣстъ» ¹⁾. Вотъ, такимъ образомъ, чѣмъ кончилась мечта теофилантроповъ. Когда однажды Ла-Ревельеръ спросилъ Таллейрана, какими средствами можно было бы распространить культъ теофилантропіи, то этотъ послѣдній сказалъ: «Иисусъ Христосъ для того, чтобы утвердить свою религію, былъ распятъ и воскресъ; попробуйте и вы сдѣлать что-нибудь подобное!...» ²⁾. Эти слова Таллейрана мы можемъ сказать и нашему новому богослову—Толстому.

Толстой, впрочемъ, не ограничивается тѣмъ только, что самъ лично отвергаетъ догматы христіанской религіи; онъ по своему обыкновенію старается доказать, что и Христосъ отрицалъ догматы. «Заблуждаться тѣмъ, предъ глазами которыхъ не выразились еще ясно плоды того и другаго, читаемъ мы, можно было, и пельзя было не заблуждаться. Можно было заблуждаться и тѣмъ, которые искренно вовлечены были въ эти споры о догматахъ, не замѣтивъ того, что они этими догматами служатъ дьяволу, а не Богу; не замѣтивъ того, что Хри-

¹⁾ Gochon, Histoire de la theophilantropie. Paris. 1870 г. p. 26. «Христосъ.» Э. Навиля. Чтеніе четвертое.

²⁾ Первая французская революція и церковь. «Православн. Обзоръ.» 1878 г. Апрель. Стр. 656—657.

стось прямо говорилъ, что Онъ пришелъ разрушить всѣ догматы; можно было заблуждаться и тѣмъ, которые, унаслѣдовавъ преданіе важности этихъ догматовъ, получили такое превратное воспитаніе умственное, что не могутъ видѣть своей ошибки; можно и тѣмъ темнымъ людямъ, для которыхъ догматы эти не представляютъ ничего, кромѣ словъ, или фантастическихъ представлений». Прежде чѣмъ разбирать взглядъ Толстого на отношеніе Іисуса Христа къ догматамъ, мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателя съ тѣми сужденіями, которыя Толстой высказалъ объ ученіи Христа въ своемъ сочиненіи «Въ чемъ моя вѣра?» Вотъ эти сужденія: «Ученіе Христа, какъ и всякое религіозное ученіе, заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: 1) ученіе о жизни людей—о томъ, какъ надо жить каждому отдѣльно и всѣмъ вмѣстѣ—этическое, и 2) объясненіе почему людямъ надо жить именно такъ, а не иначе—метафизическое ученіе. Одно есть слѣдствіе и вмѣстѣ причина другого. Человѣкъ долженъ жить такъ потому, что таково его назначеніе, или назначеніе человѣка таково, и потому онъ долженъ жить такъ. Эти двѣ стороны всякаго ученія находятся во всѣхъ религіяхъ міра. Такова религія Браминъ, Конфуція, Будды, Моисея, такова же и религія Христа. Она учитъ жизни, какъ жить, и даетъ объясненіе, почему именно надо такъ жить. Но какъ было со всѣми ученіями: браманизмомъ, іудеизмомъ, буддизмомъ, такъ было и съ ученіемъ Христа. Люди отступаютъ отъ ученія о жизни, и изъ числа людей являются такіе, которые берутся оправдать это отступленіе; люди эти, сядящіяся, по выраженію Христа, на сѣдалище Моисея, разъясняютъ метафизическую сторону ученія, такъ что этическія требованія ученія становятся необязательными и затемняются внѣшнимъ богопочитаніемъ—обрядами. Это явленіе обще всѣмъ религіямъ, но никогда, мнѣ кажется, это явленіе не выразилось съ такою рѣзкостью, какъ въ христіанствѣ. Оно выразилось особенно рѣзко потому, что ученіе Христа есть самое высшее ученіе; а самое высшее оно потому, что метафизика и этика ученія до такой степени неразрывно связаны и опредѣляются одна другою, что отдѣлить одну отъ другой нельзя, не лишивъ

все ученіе его смысла и еще потому, что Христово ученіе есть само по себѣ протестантизмъ, то есть, отрицаніе не только обрядовыхъ постановленій іудаизма, но и всякаго внѣшняго богопочитанія. И потому въ христіанствѣ разрывъ этотъ долженъ былъ уже совершенно извратить ученіе и лишить его всякаго смысла. Такъ оно и было». Какъ видимъ, здѣсь Толстой не только не отрицаетъ догматической стороны въ ученіи Христа, хотя и называетъ ее метафизикой, а напротивъ считаетъ ихъ одну безъ другой немислимыми ¹⁾. Въ «Новомъ Евангеліи» онъ перечисляетъ и догматы, которые, будто бы преподавалъ Іисусъ Христосъ. Эти догматы слѣдующіе: Въ основѣ всего лежитъ духъ безначальный и безконечный ²⁾. Сущность его есть разумѣніе вообще, и въ частности разумѣніе жизни ³⁾. Какъ разумѣніе онъ есть свѣтъ истины, какъ разумѣніе жизни, онъ основа и начало всякой жизни и источникъ жизни истинной ⁴⁾. Отношеніе безконечнаго духа къ міру нельзя представлять отдѣльнымъ отъ міра, находящимся внѣ и выше его. Онъ не отдѣленъ отъ міра, міръ свой для него, и онъ всегда былъ въ немъ, какъ свѣтъ разумѣнія; міръ потому только и существуетъ, потому только и живетъ, что всегда имѣлъ и имѣетъ въ себѣ духа безконечнаго ⁵⁾. Точно такое же отношеніе безконечнаго духа къ человѣку; онъ не внѣ человѣка, а въ немъ ⁶⁾. То, что мы называемъ душою, и есть духъ безконечный или что то же Богъ ⁷⁾. Такимъ образомъ души людей тождественны съ Богомъ. Тождественны онѣ и между собою. Люди представляютъ себя отдѣльными существами; каждый считаетъ себя отдѣльной единицей съ своей особенной волей жизни; но это только обманъ. Та есть истинная жизнь, которая признаетъ началомъ жизни

1) Здѣсь мы попросимъ читателя припомнить еще слѣдующее, недавно приведенное сужденіе Толстого объ ученіи Христа: «Какъ хотите, разбирайте, смѣшивая или подраздѣляя, но тотчасъ же все ученіе христіанское распадается на два рѣзкіе отдѣла: ученіе о догматахъ и нравственное ученіе. Какъ ни старались учителя Церкви смѣшивать эти двѣ стороны ученія, онѣ никогда не смѣшивались и какъ масло отъ воды всегда были врозь каплями большими или малыми.

2) «Новое евангеліе», гл. III.

3) Ibid. гл. VII. 4) гл. VII, XI и др. 5) гл. III. 6) гл. I, III и др. 7) гл. III.

волю безконечнаго духа. Жизнь представляетъ изъ себя не отдѣльные побѣги, а единое дерево, на которомъ растутъ всѣ побѣги ¹⁾. Будучи по плоти сынами человѣческими, люди въ то же время могутъ быть названы сынами Божиими по духу ²⁾. Сынство свое съ безконечнымъ духомъ, или другими словами, тождество съ нимъ чувствуютъ всѣ люди, но не всѣ ясно сознаютъ ³⁾. Задача жизни человѣка состоитъ въ томъ, чтобы сознать, подобно Конфуцію, Буддѣ и др., свое тождество съ Богомъ, возвысить свой духъ надъ плотію, подчинить свое животное «я» «я» разумному ⁴⁾.

Такимъ образомъ, Толстой, утверждая, что Иисусъ Христосъ уничтожилъ всѣ догматы, говоритъ самъ противъ себя. Толстому слѣдовало бы сказать такъ: Христосъ отмѣнилъ всѣ догматы ветхозавѣтной религіи и ввелъ вмѣсто нихъ свои догматы. Но справедливо ли Толстой утверждаетъ, что Иисусъ Христосъ разрушилъ всѣ ветхозавѣтные догматы? Изъ Евангелія мы узнаемъ совершенно иное. Выступая на проповѣдь, онъ ясно объявилъ Иудеямъ, что Онъ пришелъ не разрушить законъ Мойсеевъ, но исполнить его. «Не думайте, что я пришелъ нарушить законъ или пророковъ; не нарушить пришелъ я, но исполнить. Ибо истинно говорю вамъ: доколѣ не пройдетъ небо и земля, ни одна іота или ни одна черта не пройдетъ изъ закона, пока не исполнится все» (Мѡ. 5, 17—18). И мы, дѣйствительно, видимъ, что Иисусъ Христосъ постоянно училъ о личномъ Богѣ, о Божіемъ промыслѣ, о безсмертіи души и личномъ воскресеніи, о бытіи ангеловъ, о дѣйствіи злыхъ духовъ и пр. Всѣ эти догматы суть догматы еврейской религіи. Мало того, Иисусъ Христосъ исполнялъ, какъ мы видѣли равьше, и ветхозавѣтные обряды. Говорить поэтому, что Иисусъ Христосъ низвергъ ветхозавѣтные догматы и установилъ догматы пантеистической религіи, это значитъ говорить явную ложь. Такой лжи не осмѣливался еще произносить ни одинъ врагъ христіанской религіи.

Какія основанія Толстой представляетъ въ доказательство

¹⁾ Ibid. гл. XI. ²⁾ гл. VII. ³⁾ гл. III. ⁴⁾ гл. VIII, а также «Понятіе жизни» — «Русск. Вѣд.» 1887 г. № 78 и «Нов. Время» № 3973.

того, что догматы христіанской религіи вредны для людей, мы уже говорили. И дальнѣйшія слова его, которыя представляютъ изъ себя не что иное, какъ повтореніе стараго, мы могли бы смѣло опустить. Но вѣрные своему обѣщанію выставявъ все доводы, какіе только выставявъ Толстой, противъ церкви, мы приведемъ и эти слова. «Но намъ, говоритъ Толстой, для которыхъ открытъ смыслъ Евангелія, отрицающаго всякіе догматы, намъ, имѣющимъ предъ глазами плодъ въ исторіи этихъ догматовъ, намъ нельзя уже ошибаться. Исторія для насъ провѣрка истинности ученія, провѣрка даже механическая. Догматъ непорочнаго зачатія Богородицы, нуженъ онъ или нѣтъ? ¹⁾ Что отъ него произошло? Злоба, ругательства, насмѣшки. А польза была? Никакой. Ученіе о томъ, что не надо казнить блудницу, — нужно оно, или нѣтъ? Что отъ него произошло? Тысячи и тысячи разъ люди были смягчены этимъ напоминаніемъ». Итакъ Толстой признаетъ пользу за нравственнымъ ученіемъ Христа, но опускаетъ изъ вниманія то обстоятельство, что нравственное ученіе Спасителя вытекаетъ изъ догматическаго, и что безъ послѣдняго Евангельская проповѣдь никогда бы не сдѣлала благотворнаго переворота въ мірѣ. Толстой въ данномъ случаѣ уподобляется дитяти, которое, любуясь во время лѣта зеленью луговъ и красотою цвѣтовъ, выражаетъ въ то же время желаніе, чтобы не было солнца, которое такъ сильно печетъ, и дождей, которые служатъ причиною того, что его заставляють сидѣть дома. Разсуждая по законамъ Толстовской же логики, и нашъ темный людъ такъ сильно нападаетъ на науку и въ то же время хвалить нѣкоторыя полезныя для него научныя открытія, какъ напримѣръ пароходы, желѣзныя дороги и проч.

Совершенно неправильно Толстой доказываетъ и ту мысль, будто съ догматами христіанской религіи никто изъ христіанъ несогласенъ, между тѣмъ какъ съ нравственнымъ ученіемъ все согласны. Вотъ подлинныя слова Толстого: «Другое: въ догматахъ, какихъ бы то ни было, все согласны? Нѣтъ. Въ

¹⁾ Догмату о непорочномъ зачатіи Богородицы не придаетъ слишкомъ большаго значенія и сама православная Церковь.

томъ, чтобы просящему дать? Всѣ. И вотъ первое—догматы, въ чемъ никто не согласенъ, что никому не нужно, что губить людей, это то, іерархія выдавала и выдаетъ за вѣру,—а второе, то, въ чемъ всѣ согласны, что всѣмъ нужно и что спасаетъ людей, этого, хотя и не смѣла отрицать іерархія, но не смѣла и выставить, какъ ученіе, ибо это ученіе отрицало ее самое». По нашему мнѣнію, между христіанами можно найти болѣе согласныхъ въ догматахъ исповѣдуемой ими религіи, чѣмъ въ нравственномъ ученіи. Такъ въ догматахъ о троичности лицъ въ Богѣ, о Божествѣ Іисуса Христа, о воскресеніи Его изъ мертвыхъ сомнѣваются только немногіе; ученіе же о томъ, что не надо казнить блудницу, что не надо отплачивать врагу, что не надо отказывать никакому просящему очень многими оспаривается. Да и не самъ ли Толстой въ одномъ изъ своихъ сочиненій ¹⁾ доказывалъ бесполезность частной благотворительности? Не самъ ли онъ утверждалъ, что частною благотворительностью можно испортить нравственность людей, а не исправить? Правда, Толстой можетъ выставить въ свое оправданіе то, что онъ ратуетъ только противъ формы благотворительности, а не противъ самой благотворительности. Но мы скажемъ на это слѣдующее: если Толстой желаетъ поставить христіанскую мораль на научную почву, и хочетъ выяснить христіанамъ духъ нравственнаго ученія Спасителя, то онъ долженъ быть всегда послѣдовательнымъ себѣ. Вѣдь подача калачей—то же частная благотворительность, а между тѣмъ онъ считаетъ ее свѣточемъ исторіи и видитъ въ ней одно изъ условій,—способствовавшихъ смягченію нравовъ...

Мы кончили разборъ сочиненія Толстого.

Предоставляемъ читателю судить о томъ, насколько наша критика основательна. Мы же съ своей стороны не можемъ не высказать тѣхъ мыслей, на которыя навело насъ разбираемое нами сочиненіе Толстого. Для чего пишутся подобныя сочиненія? Какая ихъ цѣль? Поколебать въ людяхъ вѣру въ богооткровенность христіанской религіи? Но благородна

¹⁾ «Мысли, вызванныя переписью». См. 12 томъ сочиненій Толстого.

ли такая цѣль? Къ чему отнимать у людей единственную для нихъ отраду—вѣру? Къ чему стараться обрекать ихъ на мученіе!... Неужели лица, подобныя Толстому, не понимаютъ, что съ лишеніемъ вѣры во Христа какъ въ Бога, человѣкъ теряетъ всякую опору въ жизни? Мы не могли бы ничего, конечно, сказать, если бы богооткровенность и истинность христіанской религіи была опровергнута. Тогда всѣхъ лицъ, ратующихъ противъ христіанской религіи, нельзя бы было назвать иначе, какъ благородными. Но кто доказалъ намъ, что воскресеніе Христа есть мнѣ? Кто убѣдилъ насъ, что вѣра въ загробную жизнь есть обманъ? Пусть попытаются разрушить сначала основу христіанской религіи и тогда уже подписываютъ изгнаніе послѣдней. Благородно ли называть обманомъ то, истинность чего никѣмъ не опровергнута? Благородно ли возбуждать людей противъ неопровергнутой истины, когда сознаешь, что эта истина доставляетъ имъ счастье? Мы не можемъ назвать подобныхъ возмутителей иначе, какъ людьми въ высшей степени безсердечными... Грустно становится на душѣ при мысли о ихъ дѣйствіяхъ... Но прискорбнѣе всего то, что этихъ людей слушаютъ и довѣряютъ имъ.

А. Рождественъ.

ЧѢМЪ РАЗЛИЧАЕТСЯ ВѢРА ОТЪ ЗНАНІЯ?

Необходимость разграниченія вѣры и знанія. Черты общія вѣрѣ и знанію. Разграниченіе вѣры и знанія, на основаніи разсмотрѣнія элементовъ знанія. Отличительный характеръ религиозныхъ идей сравнительно съ понятіями научными. Сравненіе вѣры и знанія относительно ихъ происхожденія. Практическій характеръ религиозной вѣры. Выводы изъ предъидущаго. Вѣра какъ принципъ единства знанія и дѣла, науки и жизни. Характеристическія черты религиозности на западѣ и у насъ.

Исторія вопроса о вѣрѣ и знаніи показываетъ, что различные опыты рѣшенія этого вопроса приводили постоянно къ большому и большому раздѣленію вѣры и знанія, но дѣйствительный смыслъ этого постепенно увеличивавшагося раздѣленія заключается на самомъ дѣлѣ въ потребности разграниченія вѣры и знанія, какъ двухъ различныхъ областей духовной жизни и дѣятельности, а потому и правильное отношеніе между вѣрою и знаніемъ можетъ установиться лишь чрезъ надлежащее ихъ разграниченіе.

Въ началѣ вѣра и знаніе разсматривались какъ различные виды, или степени проявленія одной и той же религиозной жизни, ибо вся жизнь была понимаема какъ отношеніе конечнаго существа къ безконечному, т. е. разсматривалась исключительно съ точки зрѣнія религиозной. Но въ сферѣ религиозной знаніе можетъ быть только просвѣщенной вѣрою, т. е. вѣрою, соединенною съ разумѣніемъ. А какъ разумѣніе вѣры невозможно безъ точнаго и полнаго усвоенія ея содержанія, то необходимо было съ этою цѣлью истины вѣры и все относящееся къ религиозной жизни привести въ строгій систематическій порядокъ; такъ постепенно сложился кругъ

богословскаго образованія, возникли богословскія науки. Конечно, въ самой обработкѣ богословскихъ наукъ мы видимъ дѣятельность разума, но здѣсь она является основанною на вѣрѣ: вѣра служитъ для нея и основаніемъ и цѣлью. Въ собственной области вѣры дѣятельность разума является сначала въ видѣ опытовъ обоснованія *раціональнымъ образомъ* важнѣйшихъ догматовъ вѣры и прежде всего истины бытія Бога. Это уже философія, а не богословіе, но философія съ характеромъ богословскимъ. Наконецъ, философія отмежевываетъ для себя свою собственную область въ ученіи о природѣ вещей и человѣка. Связь же съ областью вѣры и послѣ этого, уже отдѣлившись отъ богословія, и упрочивъ свою самостоятельность, философія еще удерживаетъ чрезъ *метафизику*. Въ настоящее время, чтобы порвать всякую связь между областью вѣры и областью знанія, отвергаютъ и самую метафизику. Съ устраненіемъ метафизики и философскія собственно ученія о человѣкѣ и внѣшней природѣ лишаются необходимой для себя основы, а потому спеціальныя науки признаются теперь исчерпывающими вполне всѣ интересы познанія. Философію же ограничиваютъ лишь теорією о познаніи, а потому значеніе ея полагаютъ въ томъ, что она должна служить введеніемъ въ науку. Какъ въ эпоху господства богословія философіи предназначалось быть лишь введеніемъ въ богословіе, приготовительною для него наукою, такъ теперь естествознаніе въ обширномъ смыслѣ ту же задачу предназначаетъ философіи въ отношеніи себя.

Итакъ, вопросъ о вѣрѣ и знаніи теперь должна взять на себя теорія познанія. Такъ какъ, однако, вполне установившейся и безспорной теоріи познанія не имѣется, то понятно, что не оказывается и такого рѣшенія означеннаго вопроса, которое бы всѣми учеными изслѣдователями его согласно было принято какъ безспорное. Такъ напр., иначе рѣшается названный вопросъ *Спенсеромъ* и совершенно иначе *Вундтомъ*, несмотря на то, что оба представителя одной и той же современной философской школы, стремящейся создать, такъ называемую, научную философію. Поэтому ничего не остается, какъ обратить вниманіе на безспорныя черты, характеризующія вся-

кое знаніе, дабы такимъ образомъ возможно было сдѣлать, такъ сказать, сравненіе между знаніемъ и вѣрою и разъяснить этимъ путемъ различіе ихъ между собою.

Съ перваго взгляда вѣра представляется противоположностью знанія. Но это еще не даетъ никакого понятія о вѣрѣ, какъ равно было бы недостаточно сказать о знаніи, что оно есть противоположность вѣры. Нужно знать, въ чемъ вѣра и знаніе противоположны? Вѣра и знаніе не во всемъ противоположны, но имѣютъ также и общія черты. Твердость, непоколебимость одинаково могутъ быть свойственны и вѣрѣ и знанію, равнымъ образомъ и вѣра, а не только знаніе, имѣетъ свой объектъ, при чемъ какъ вѣра, такъ и знаніе состоятъ въ опредѣленныхъ представленіяхъ, относящихся къ ихъ объектамъ. Правда, сомнѣніе, недовѣріе есть необходимый элементъ познавательной дѣятельности: познаніе постоянно является испытующимъ, состоитъ въ изслѣдованіи, истина есть искомое для познанія, и только уже испытанное, т. е. оправданное или доказанное, познаніе есть знаніе въ собственномъ смыслѣ. Но духъ сомнѣнія, питаемый въ наукѣ тѣмъ, что здѣсь всякое правильное рѣшеніе достигается послѣ многихъ ошибокъ, не можетъ не вторгаться и въ область вѣры. И въ этой области, какъ въ самой наукѣ, должно различать сомнѣніе частное отъ всеобщаго, простирающагося на всю область вѣры. Частное сомнѣніе относится къ частнымъ, хотя бы и важнымъ вопросамъ въ области вѣры, различныя рѣшенія которыхъ даютъ начало ересямъ, расколамъ, вообще вѣроисповѣднымъ разносямъ. Изслѣдованія, которыми занимаются богословскія науки, даютъ основанія и способы къ разрѣшенію и устраненію подобнаго рода сомнѣній. Религіозное просвѣщеніе—необходимое средство для охраненія первобытной чистоты вѣры. Но есть коренное сомнѣніе, уничтожающее, или по крайней мѣрѣ колеблющее вѣру въ самомъ ея основаніи. Таково сомнѣніе въ бытіи Бога. Ему соотвѣтствуетъ въ научной области абсолютный скептицизмъ, сомнѣніе въ истинности всякаго познанія, отрицаніе возможности достовернаго познанія. Абсолютный скептицизмъ, которымъ разрѣшилась древняя философія, могъ быть устраненъ совершенно

только религіозною вѣрою въ откровеніе. Но устранивъ скептицизмъ, вѣра должна была служить удовлетвореніемъ и для возродившейся потребности знанія. Вотъ почему долгое время не было иного знанія кромѣ религіознаго, т. е. основаннаго на вѣрѣ. Богословіе обнимало и заключало въ себѣ все просвѣщеніе, всѣ знанія. Съ теченіемъ времени науки получали самостоятельность, сдѣлались независимы отъ Богословія; но теперь, какъ сказано, наука уже не довольствуется самостоятельностью; въ ней очевидно стремленіе къ абсолютному господству. Подобно тому, какъ вѣра нѣкогда включила въ свою область интересъ знанія, такъ теперь, наоборотъ, знаніе стремится къ тому, чтобы самую вѣру заключить въ свою область, т. е. религіозную вѣру замѣнить научною вѣрою, именно, вѣрою во всемогущество науки, въ ея призваніе пересоздать міръ и доставить удовлетвореніе всѣмъ человѣческимъ потребностямъ. Между тѣмъ, историческій опытъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что какъ вѣра религіозная имѣетъ свое особое, ей присущее значеніе, заключающееся въ томъ, что она служитъ необходимымъ органомъ *вѣчнаго* спасенія, устанавливая отношеніе конечныхъ существъ къ Безконечному, такъ равнымъ образомъ наука имѣетъ свое особое назначеніе—способствовать удовлетворенію *временныхъ* потребностей жизни чрезъ установленіе правильныхъ отношеній человѣка ко всѣмъ видамъ бытія конечнаго. Поэтому знаніе и вѣра, наука и религія не только не исключаютъ и не могутъ замѣнить одна другую, напротивъ, *необходимы* одна для другой, ибо чрезъ религіозную вѣру возвышается достоинство науки,—потребность знанія обращается въ безкорыстную и возвышенную любовь къ истинѣ; съ другой стороны, съ помощью науки углубляется и очищается религіозная вѣра, такъ что полнота истинно человѣческаго бытія, сопрягающаго *временное съ вѣчнымъ, человѣческое съ божественнымъ*, возможна только при тѣсномъ союзѣ и взаимодействіи науки и религіи. Необходимымъ связующимъ элементомъ для интересовъ науки и религіи должна служить философія: авторитетъ науки теперь настолько прочно стоитъ, что абсолютный скептицизмъ опровергается самимъ существованіемъ наукъ, но фактиче-

ское опроверженіе не есть еще полное и достаточное; какъ фактическое, оно само требуетъ разъясненія и оправданія чрезъ соотвѣтствующую ему теорію, — въ настоящемъ случаѣ, — теорію познанія. Теорія эта прежде всего разъясняетъ внутреннее противорѣчіе, заключающееся въ абсолютномъ скептицизмѣ, и тѣмъ разоблачаетъ совершенную несостоятельность такого скептицизма. Какъ противъ абсолютнаго скептицизма свидѣтельствомъ служить существованіе наукъ, такъ равнымъ образомъ религіи самымъ своимъ существованіемъ изобличаютъ ложь абсолютнаго невѣрія. Съ другой стороны, какъ критическая теорія познанія указываетъ на внутреннее противорѣчіе абсолютнаго скептицизма, такъ равно теорія религіи подтверждаетъ и оправдываетъ извѣстное изреченіе библейское, что только безумецъ можетъ отрицать бытіе Бога; отрицать бытіе Бога возможно только для того, кто отрицаетъ разумъ, кто ни въ чемъ не усматриваетъ цѣлесообразности, которая есть необходимое проявленіе разума, а вмѣсто того провозглашаетъ господство слѣпотаго случая. А такъ какъ разумъ, сколько бы его ни отрицали, не можетъ не проявлять себя на дѣлѣ, то и отрицающій бытіе Бога, обладая идеею Бога, какъ существа высочайшаго, вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть совершенно свободнымъ отъ нѣкотораго признанія объекта этой идеи, выражая таковое признаніе въ томъ, что создаетъ для себя какой либо кумирь, которому и поклоняется вмѣсто истиннаго Бога. Опроверженіе абсолютнаго скептицизма и установленіе основной теоріи познанія не только не дѣлаетъ излишними отдѣльныя науки, напротивъ, обосновываетъ ихъ: подобнымъ же образомъ доказываніе или выводъ истинъ, лежащихъ въ основѣ религіозной вѣры, ни мало не устраняетъ и для человѣка просвѣщеннаго (вопреки мнѣнію деистовъ) необходимости положительной религіи, напротивъ, скорѣе утверждаетъ таковую необходимость. Вѣра человѣка просвѣщеннаго должна быть въ существѣ своемъ такова, какъ и вѣра людей простыхъ, отличаясь отъ послѣдней только болѣе глубокимъ разумѣніемъ и ея содержанія, и разнообразныхъ отношеній ея съ потребностями и интересами жизни. Заблужденіе, что раціональное обоснованіе

коренныхъ истинъ вѣры можетъ служить замѣною положительной религіи для людей просвѣщенныхъ, опиралось на томъ, что различныя религіи взаимно отрицають одна другую, ибо вслѣдствіе этого факта казалось, что стоить лишь выдѣлить изъ всѣхъ религій заключающіяся въ нихъ одинаковыя положенія, составляющія ихъ общую основу, и мы будемъ имѣть самое зерно истины, болѣе или менѣе искаженной и затемненной различными предразсудками и наростами въ каждой положительной религіи. Но взаимное отрицаніе религій свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что истинная религія должна быть универсальною, а такова именно христіанская религія. Между тѣмъ, и въ наукѣ существуетъ стремленіе къ созданію общаго и всеобъемлющаго міропознанія. Правда, стремленіе это ни мало не препятствуетъ самостоятельному значенію спеціальныхъ наукъ. Но вѣдь и универсальная по своему духу и предназначенію религія не исключаетъ спеціальныхъ формъ ея выраженія, создаваемыхъ народною историческою жизнью.

Но не оправдываютъ ли всѣ этѣ черты сходства между вѣрою и знаніемъ того взгляда на вѣру, что она есть выраженіе незнанія? Если вѣра можетъ имѣть и дѣйствительно является имѣющею нѣкоторыя черты, свойственныя знанію, то, повидимому, это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что вѣра, будучи въ существѣ своемъ не знаніемъ, стремится къ тому, чтобы сдѣлаться нѣкоторымъ подобіемъ знанія. Стремленіе къ знанію въ человѣкѣ такъ велико, что, при отсутствіи знанія, въ замѣнъ его, онъ создаетъ произвольно фантастическія представленія и ими довольствуется. Конечно, знаніе, по мѣрѣ своего расширенія, все болѣе и болѣе вытѣсняетъ фантастическія представленія. Но о томъ, что по существу своему непознаваемо, ничего иного и быть не можетъ кромѣ фантастическихъ представленій. Знаніе наше ограничено условнымъ и относительнымъ, будучи само условно и относительно. А потому безусловное и Абсолютное для насъ не познаваемо: о немъ могутъ быть только субъективныя, создаваемые самимъ человѣкомъ, но неимѣющія объективнаго значенія, представленія, и таковы именно представленія религіозныя. Какъ имѣющія сво-

имъ предметомъ непознаваемое и сами поэтому состоящія внѣ границъ знанія, религіозныя представленія очевидно выражаютъ лишь наше незнаніе и притомъ такое незнаніе, которое не можетъ когда либо разсѣяться при свѣтѣ знанія, но на всегда должно остаться таковымъ по причинѣ непознаваемости предмета, къ которому оно относится. Такой взглядъ на религіозныя представленія нельзя не признать нѣкоторымъ успѣхомъ въ дѣлѣ пониманія религіи въ сравненіи съ тѣмъ, какъ прежде разсуждали объ этомъ предметѣ, выходя изъ той же точки зрѣнія знанія, какъ важнѣйшей цѣли человѣческихъ стремленій. Смотра на религію, какъ на выраженіе и послѣдствіе незнанія, многіе прежде полагали, и теперь еще иные думаютъ, что просвѣщеніе должно нѣкогда религіозную вѣру сдѣлать излишнею. Не видя ничего въ религіи, кромѣ невѣжества и предразсудковъ, подобные мыслители не затрудняются предсказывать въ будущемъ торжество знанія и просвѣщенія надъ слѣпою вѣрою. Продолжая смотрѣть на религіозную вѣру, какъ на выраженіе незнанія, позитивисты новаго времени по крайней мѣрѣ въ томъ превосходятъ другихъ реалистовъ, что самый предметъ того незнанія, которое, по ихъ мнѣнію, составляетъ сущность религіозной вѣры, признаютъ непознаваемымъ, а потому и религія для нихъ есть явленіе непреходящее, и столь же необходима какъ необходимо то, что Абсолютное непознаваемо. Но сдѣлавъ такой шагъ къ болѣе здравому взгляду на религію, слѣдуетъ ли на этомъ останавливаться? Зачѣмъ нужно удерживать еще тотъ взглядъ на религію, что она есть выраженіе незнанія? Очевидно, этимъ имѣется въ виду разграничить область знанія. Границею, далѣе которой знаніе не можетъ простираться, служитъ не познаваемое, а таково Абсолютное; но Абсолютное есть предметъ вѣры; слѣдовательно, какъ со стороны объективной границею знанія служитъ непознаваемое, такъ въ отношеніи субъективномъ знаніе ограничивается вѣрою, которая такимъ образомъ лежитъ внѣ знанія и есть противоположность знанія. Но уже выше было замѣчено, что вѣра, какъ необходимый элементъ, входитъ и въ область знанія и что знаніе даже стремится поглотить въ себѣ вѣру. Сверхъ того знаніе не такъ просто,

чтобы возможно было съ такою легкостью рѣшить вопросъ о границѣ знанія. Напротивъ, знаніе, будучи сложнымъ, можетъ быть разсматриваемо съ разныхъ сторонъ, въ различныхъ отношеніяхъ, причеиъ различно также опредѣляется граница знанія. При такомъ разсмотрѣніи знанія, по различнымъ сторонамъ его и входящимъ въ него элементамъ, и самое отношеніе между знаніемъ и вѣрою также оказывается различнымъ.

Итакъ, обратимъ вниманіе на различныя отношенія, присущія знанію, въ видахъ дальнѣйшаго разъясненія сложнаго вопроса о знаніи и вѣрѣ.

По элементамъ, входящимъ въ составъ знанія, оно представляетъ то важнѣйшее различіе, что преимущественнымъ его содержаніемъ служитъ либо наблюдаемое, либо умопостигаемое; первый элементъ можно назвать чувственно созерцательнымъ, а послѣдній—умозрительнымъ. Наблюденію наиболѣе доступны лишь ближайшіе по пространству и времени предметы и явленія. Умозаключаемъ же мы о томъ, что непосредственному наблюденію недоступно, а таково все отдаленное, по пространству и времени, а также все переходящее извѣстную мѣру величины. О предметахъ и явленіяхъ, подлежащихъ наблюденію, мы легко можемъ составить ясныя и раздѣльныя представленія, но такія представленія, если не подвергаются дальнѣйшей умственной обработкѣ, остаются обыкновенно безсвязными и недостаточно осмысленными: болѣе важное и господствующее подпадаетъ наблюденію рядомъ и въ одинаковой степени съ малозначущимъ и второстепеннымъ; потому-то о настоящемъ, т. е. о явленіяхъ, по времени ближайшихъ къ намъ, труднѣе судить, чѣмъ о прошедшемъ, которое, по мѣрѣ своего отдаленія отъ насъ, все болѣе выдвигаетъ на первый планъ только крупное и значительное; равнымъ образомъ, о пространственномъ распредѣленіи и группировкѣ значительнаго количества и объема предметовъ мы можемъ скорѣе и легче составить опредѣленное представленіе, когда эти предметы мы разсматриваемъ вдаль, а не вблизи. Наоборотъ, если взаимное отношеніе и порядокъ отдаленныхъ предметовъ и явленій представляется яснѣе, то, въ замѣнъ того, о таковыхъ предметахъ и явленіяхъ труднѣе со-

ставить раздѣльныя и ясныя представленія о каждомъ въ отдѣльности, чѣмъ о ближайшихъ. Отсюда видно, что наблюденіе и мышленіе взаимно восполняются одно другимъ: наблюденіе само по себѣ даетъ представленія ясныя и раздѣльныя, но безсвязныя; установить между ними связь, привести ихъ въ порядокъ—дѣло мышленія; объ умопостигаемомъ, напротивъ, мы не имѣемъ ясныхъ и раздѣльныхъ представленій, и это потому, что понятія умозрительныя образуютъ столь связную систему, что содержаніе ихъ не легко разграничить и раздѣльно представить. Потому-то мыслимое мы хотимъ преобразовать въ наглядныя представленія, и наоборотъ, что безъ труда и ясно представляется намъ порознь, мы хотимъ связать и сдѣлать понятнымъ чрезъ установленіе искомыхъ мыслию отношеній.

Религіозныя идеи имѣютъ очевидно умозрительный характеръ, но можно ли утверждать, что цѣль религіозныхъ идей такова же какъ и цѣль научныхъ понятій, а цѣль научныхъ понятій та, чтобы опредѣлить необходимыя отношенія, связь и порядокъ въ происхожденіи и образѣ существованія вещей, подлежащихъ наблюденію? Законы, частью предполагаемые, частью находимые наукою, не что иное, какъ общія правила, опредѣляющія порядокъ происхожденія и образъ существованія вещей. Таково ли значеніе идей религіозныхъ? Несомнѣнно, что и такое, т. е. гносеологическое значеніе имъ принадлежитъ. Существованіе міра и человѣка только при свѣтѣ религіозныхъ идей становится яснымъ и понятнымъ; поэтому, безъ ущерба для цѣлостности и единства осмысленнаго міросозерцанія, невозможно совершенно исключить таковыя идеи изъ круга научныхъ понятій, которыя ими только согрѣваются и освѣщаются. Но, какъ извѣстно, долговременный историческій опытъ показалъ, что употребленіе религіозныхъ идей, въ качествѣ *научныхъ понятій*, т. е. понятій, имѣющихъ цѣлью познаніе дѣйствительности, неминуемо ведетъ къ злоупотребленіямъ, препятствующимъ свободному и плодотворному развитію науки. Въ особенности это должно сказать объ идеѣ цѣлесообразности, которая, въ примѣненіи къ многоразличнымъ предметамъ и отношеніямъ видимой природы, всегда приводила

къ послѣднимъ, и какъ потомъ оказывалось, никакого научнаго значенія не имѣющимъ, совершенно произвольнымъ догадкамъ и выводамъ. Однако-жь нельзя съ другой стороны оставить безъ вниманія и то явленіе, что опытъ построенія чисто научныхъ теорій объ устройствѣ и взаимоотношеніи существъ природы, съ явнымъ даже намѣреніемъ обходиться безъ всякихъ предзанятыхъ идей (какова извѣстная, на примѣръ, теорія Дарвина о происхожденіи видовъ), при ближайшемъ разсмотрѣніи таковыхъ теорій, приводитъ къ необходимости признанія идеи цѣлесообразности. А это показываетъ, что религіозныя идеи составляютъ необходимое восполненіе и для понятій научныхъ, и въ этомъ смыслѣ связь ихъ съ послѣдними столь необходима, что всякія попытки къ совершенному разъединенію тѣхъ и другихъ не могутъ быть оправданы и съ научной точки зрѣнія. Конечно, такимъ раздѣленіемъ науки отъ религіозныхъ идей и стремленіе устранить всякое соприкосновеніе между ними имѣется въ виду обезпечить свободу и самостоятельность научныхъ изысканій, исключить вредную для нея тенденціозность. Но эта цѣль вовсе не достигается; напротивъ, усиленное стремленіе поставить науку внѣ всякаго воздѣйствія на нее со стороны религіозныхъ идей прямо ведетъ къ тому, чего хотятъ всячески избѣгнуть въ наукѣ, т. е. къ тенденціозности, только не религіозной, а противорелигіозной, атеистической. Наука, взятая въ полномъ ея составѣ, по своему духу, можетъ быть только или антирелигіозною, или религіозною. Только всецѣлая замкнутость науки въ кругу задачъ спеціальнаго характера и исключеніе изъ нея всякихъ общихъ задачъ и стремленій могло бы сдѣлать науку свободною отъ тенденціозности какъ въ направленіи религіозномъ, такъ и въ направленіи антирелигіозномъ. Но возможно ли ограниченіе науки одними лишь спеціальными задачами? Исключеніе философіи изъ круга науки именно и вытекаетъ изъ того взгляда на науку, что въ ея сферу должны входить только частныя знанія и задачи характера спеціальнаго. Съ этой точки зрѣнія научными можно признать только понятія, состоящія въ ближайшей и необходимой связи съ фактической стороною познанія, т. е. съ

несомнѣнными данными, посредствомъ опыта добытыми. Но таковы ли понятія религіозныя? Понятія эти, мало того, что принадлежать къ умозрительнымъ понятіямъ, отличаются притомъ еще *идеальнымъ* характеромъ. Нельзя отрицать необходимости въ наукѣ понятій умозрительныхъ, такъ какъ уже математическія понятія, безъ которыхъ не можетъ обходиться и познаніе опытное, несомнѣнно суть умозрительныя. Но для понятій идеальныхъ не мѣсто въ наукѣ, такъ какъ таковыя понятія выражаютъ не самую дѣйствительность, какъ предметъ познанія, а стремленія, свойственныя человѣческому духу, болѣе или менѣе восходящія надъ дѣйствительностью. Не наука, а искусство — родина таковыхъ понятій. Отличительный ихъ характеръ заключается въ томъ, что человѣкъ всегда ищетъ чувственныхъ формъ выраженія, посредствомъ которыхъ они могли бы сдѣлаться непосредственно дѣйствующими на чувство и фантазію или воображеніе, какъ способность созерцанія формъ. Въ сообщеніи идеямъ соотвѣтственныхъ формъ внѣшняго выраженія, доступнаго чувству и фантазіи, и состоитъ собственно творческій процессъ, въ которомъ заключается сущность искусства. Какъ понятія идеальныя, религіозныя представленія не должны ли быть причислены къ идеямъ эстетическимъ или художественнымъ? Вѣдь и религіозныя идеи не даютъ никакаго познанія дѣйствительности, и значеніе ихъ не состоитъ ли въ воспитательномъ воздѣйствіи на духъ человѣка, свойственномъ всѣмъ эстетическимъ идеямъ; не служатъ ли символы, обряды, религіозныя обычаи и памятники такимъ же воплощеніемъ для идей религіозныхъ, какъ живописныя, музыкальныя, архитектурныя произведенія для соотвѣтствующихъ имъ художественныхъ идей? ¹⁾

Но религіозныя идеи нельзя отождествлять съ эстетическими идеями уже потому, что прямая цѣль эстетическихъ идей заключается въ духовномъ наслажденіи, происходящемъ отъ возбужденнаго дѣйствія ихъ на чувство и фантазію, между тѣмъ

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ, т. е. съ точки зрѣнія эстетической, разсматривается религія въ извѣстномъ сочиненіи: *Исторія материализма*, Фр. Альб. Ланге. См. рус. перев., т. 2, стр. 69—71, 452, 488.

какъ то духовное освященіе и очищеніе, которое бываетъ плодомъ воздѣйствія на духъ человѣческой религіозныхъ идей и образовъ, тѣмъ различается отъ эстетическаго наслажденія, что послѣднее дается путемъ спокойнаго созерцанія и пассивнаго воспріятія, первое же требуетъ усилій борьбы, жертвы. Впрочемъ, нельзя также отрицать и того, что существуетъ связь между религіозными представленіями и идеями эстетическими или художественными, но это лишь свидѣтельствуешь о томъ, что религіозной жизни духа могутъ и должны быть одинаково близки какъ научныя понятія, такъ равно и тѣ идеальныя стремленія, въ которыхъ заключается источникъ и цѣль искусства. Поэтому, если хотятъ совершенно раздѣлить знаніе и отъ эстетическихъ, т. е. идеальнаго характера понятій и отъ идей религіозныхъ, тогда слѣдуетъ смотрѣть на знаніе только какъ на силу подчиненную и служебную, между тѣмъ какъ на дѣлѣ мы видимъ стремленіе къ тому, чтобы знаніе сдѣлать силою господствующею, правящею, при чемъ не обращается вниманія на то, что знаніе, лишенное всякихъ руководящихъ общихъ идей, можетъ проявить стремленіе къ господству не въ положительной, а только развѣ въ отрицательной формѣ, дѣйствуя не образовательно, а скорѣе разрушительно.

Все предъидущее приводитъ лишь къ тому заключенію, что должна быть связь между знаніемъ и идеями, составляющими область вѣры. Но этимъ нисколько не доказывается, что религіозныя идеи сами въ себѣ заключаютъ знаніе, или что онѣ должны входить въ науку въ качествѣ знанія. Напротивъ, не было бы нужды и разсуждать объ отношеніи между знаніемъ и вѣрою, если бы не было очевидно, что знаніе и вѣра различны, а если различны, то вѣра не можетъ быть знаніемъ, слѣдовательно, нѣтъ мѣста для вѣры въ самой наукѣ. Область вѣры лежитъ внѣ области знанія. А такъ какъ область знанія есть *теоретическая*, то вѣра очевидно составляетъ принадлежность *практической* дѣятельности. Убѣдиться въ этомъ не трудно. Выше разсмотрѣно знаніе со стороны элементовъ, входящихъ въ него, но такое разсмотрѣніе знанія окончательно не рѣшаетъ вопроса о томъ, что такое вѣ-

ра, а только лишь приводитъ къ заключенію о необходимой связи между знаніемъ и вѣрою. Между тѣмъ, какъ уже замѣчено выше, связь только тогда не сдѣлается смѣшеніемъ, если утверждается на точномъ разграниченіи связываемыхъ между собою предметовъ. Слѣдовательно, для полноты рѣшенія вопроса о знаніи и вѣрѣ столько же важно разъяснить различіе между ними и разграничить ихъ, какъ и показать необходимую ихъ связь между собою. Но въ разграниченію вѣры и знанія мы можемъ придти, если обратимъ вниманіе на происхожденіе знанія, сравнивъ въ этомъ отношеніи знаніе съ вѣрою. Знаніе добывается или собственнымъ нашимъ трудомъ или же сообщается намъ кѣмъ либо; слѣдовательно, получается при содѣйствіи и чрезъ посредство другихъ, или, наконецъ, имѣетъ смѣшанный характеръ, если по отдаленности отъ насъ лицъ, отъ которыхъ знаніе можетъ быть заимствовано, требуется значительный трудъ, дабы воспользоваться надлежащимъ образомъ свѣдѣніями, идущими отъ этихъ лицъ. Вообще знаніе получается или непосредственно, или при какомъ либо посредствѣ, но самое это посредство можетъ быть близкимъ или отдаленнымъ, менѣе или болѣе сложнымъ. Добываніе знанія собственною дѣятельностью есть важнѣйшій и фундаментальный способъ пріобрѣтенія его, ибо въ чемъ мы собственнымъ опытомъ удостоверяемся, то имѣетъ для насъ достовѣрность наибольшую. Потому что знаніе, которое пріобрѣтается при посредствѣ другихъ, тогда лишь представляется для насъ несомнѣннымъ, когда есть возможность провѣрить его собственнымъ опытомъ, и вообще если оно согласуется вполнѣ съ тѣми данными, какими мы сами располагаемъ въ предѣлахъ собственного нашего опыта. Таково происхожденіе знанія, разумѣется опытнаго знанія. такъ какъ опытъ служитъ началомъ всякаго познанія. Чѣмъ отличается въ этомъ отношеніи вѣра? Вѣра есть такое расположеніе духа, которое также можетъ быть достигнуто и достигается лишь путемъ опыта. И въ отношеніи къ вѣрѣ также должно различать опытъ двоякій: непосредственный, т. е. личный, и общественно-историческій. Опытъ непосредственный или личный можетъ быть источникомъ вѣры только для

людей избранныхъ. Религія есть союзъ человѣка съ Богомъ. Поэтому казалось бы, что первоначальный для каждаго и всѣмъ одинаково доступный источникъ вѣры есть прямое общеніе съ Богомъ. Дѣйствительно, были и есть въ христіанскомъ мірѣ секты, которыя признаютъ возможнымъ для каждаго вѣрующаго входить въ особенное, непосредственное отношеніе къ Богу и получать при этомъ исходящее прямо отъ Бога особенное возбужденіе духовныхъ своихъ силъ (мистицизмъ). Но не отрицая возможности непосредственнаго общенія человѣка съ Богомъ, напротивъ, признавъ необходимость такого общенія, ибо самое понятіе о религіозной вѣрѣ предполагаетъ его, не менѣе необходимо также признать и то, что общеніе съ Богомъ прежде всего и болѣе всего есть дѣло *воли Божіей*. А непосредственное откровеніе воли Божіей, какъ фактъ чрезвычайный, выходящій изъ предѣловъ обычнаго порядка вещей, очевидно можетъ происходить только при обстоятельствахъ необычайныхъ и сообщаться лицамъ только избраннымъ самимъ Богомъ. Поэтому обычно первоначальнымъ и основнымъ источникомъ религіознаго просвѣщенія можетъ быть только сообщеніе религіозныхъ истинъ чрезъ посредство другихъ лицъ и вообще опытъ религіозной жизни не личной, а общественно-исторической. Вотъ почему также въ области религіозной преданіе имѣетъ столь чрезвычайную важность, какой конечно не имѣетъ оно въ области знаній въ собственномъ смыслѣ, такъ что отношеніе между источниками знанія и источниками вѣры, по сравнительной ихъ важности, обратное: въ области знанія первостепенную важность имѣетъ для насъ собственный опытъ, въ жизни религіозной наоборотъ, — авторитетный голосъ Церкви, какъ Богоучрежденнаго религіознаго общества, составляетъ общую необходимую основу индивидуально-личныхъ обнаруженій такой жизни; личный религіозный опытъ можетъ служить лишь къ утвержденію вѣры, имѣющей независимый отъ него источникъ: ибо кто внимателенъ къ событіямъ и перемѣнамъ и своей жизни и жизни другихъ людей, тотъ всегда будетъ находить для себя въ нихъ уроки, полезные въ дѣлѣ вѣры. Всего лучше можно судить объ отношеніи между личнымъ и

историческимъ опытомъ въ области знанія и въ области вѣры по тому значенію, какое имѣетъ тамъ и здѣсь критика: въ наукѣ критическое изслѣдованіе, которое всегда есть дѣло личное, является творческою созидающею силою; ибо только испытующій духъ критики движетъ науку, между тѣмъ какъ школьныя традиціи являются нерѣдко препятствіемъ къ успѣхамъ научныхъ изысканій. Напротивъ, въ области вѣры критика можетъ и должна имѣть цѣлью только охраненіе, а также проведеніе въ жизнь уже данныхъ и утвержденныхъ началъ, а не созиданіе новыхъ.

Практическій характеръ положеній вѣры обнаруживается въ особенности въ ихъ *обязательности* для вѣрующаго: не только правила, опредѣляющія должное въ практической жизни, но и теоретическія положенія вѣры суть нормы, опредѣляющія должное для нашего ума въ отношеніи къ Существу высочайшему, именно догматы опредѣляютъ, — какъ мы *должны* мыслить о Богѣ и его отношеніи къ міру и человѣку. Поэтому нравственное состояніе человѣка имѣетъ тѣсную связь съ вѣрою: крѣпость нравственныхъ началъ и живая вѣра взаимно одна для другой служатъ необходимымъ условіемъ. такъ что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, все содержаніе вѣры составляетъ въ сущности нравственный идеалъ ¹⁾. Когда научное положеніе доказано и усвоено нами вмѣстѣ съ тѣми основаніями, на которыхъ утверждается его истинность, то уже не въ нашей власти принимать или не принимать такое положеніе; признаніе его является въ такомъ случаѣ необходимою для нашей мысли, необходимою логическою. Таково ли отношеніе нашего ума къ опредѣленіямъ вѣры? Опредѣленія эти, когда усвоятся нами надлежащимъ образомъ и обращаются въ убѣжденія, также становятся для насъ

¹⁾ Logik, von W. Wundt 1-я В. 372—377. Собственно принадлежащая вѣрѣ область, говоритъ Вундтъ, есть убѣжденіе о нравственномъ назначеніи человѣка, которое указываетъ на трансцендентную мировую цѣль, какъ дополненіе чувственнаго міра. Вѣра хотя и можетъ возвышаться до степени непоколебимаго убѣжденія, но эта непоколебимость не такова, какова твердость знанія, такъ какъ предметы вѣры не могутъ быть данными, а лишь предполагаются вѣрующимъ субъектомъ въ значеніи нравственныхъ постулатовъ?!

необходимыми, но эта необходимость моральная, а не логическая, необходимость заключающаяся не въ томъ, чтобы немислимо было ихъ отрицаніе, а въ томъ, что признаніе ихъ и увѣренность въ ихъ истинѣ сростается такъ сказать со всѣмъ нашимъ нравственнымъ существомъ, весь складъ нашего моральнаго бытія утверждается на нихъ. Вотъ почему требуется величайшая осторожность въ обращеніи съ религіозными вѣрованіями другихъ; измѣненіе ихъ не можетъ не сопровождаться переворотомъ всего нравственнаго склада жизни и, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ не есть дѣло легко осуществимое. Этимъ оправдывается вѣротерпимость, которая, впрочемъ, при ослабленіи религіозныхъ убѣжденій, выражается въ *индифферентизмъ*: уваженіе чужихъ вѣрваній когда регулируется приверженностію къ собственнымъ вѣрваніямъ. Съ другой стороны, слѣпая неосмысленная приверженность къ своимъ вѣрваніямъ рождаетъ *фанатизмъ*, который выражается неразборчивостію средствъ къ тому, чтобы достигнуть торжества своихъ вѣрваній надъ другими; фанатизмъ избираетъ средство противоположное цѣли, которое поэтому не приближаетъ, а скорѣе отдаляетъ отъ нея: насиліемъ и принужденіемъ, которое можетъ служить лишь къ предупрежденію и пресѣченію зла, но не къ созиданію блага, фанатизмъ стремится достигнуть того что можетъ быть только дѣломъ свободнаго принятія и убѣжденія.

Предъидущее приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Сравненіе вѣры и знанія въ отношеніи элементовъ, входящихъ въ составъ знанія, даетъ видѣть тѣсную и необходимую связь между знаніемъ и вѣрою. Лишь въ томъ оказываются знаніе и вѣра противоположными, что понятія, входящія въ составъ знанія, суть понятія реальныя, имѣющія своимъ предметомъ дѣйствительность, напротивъ, понятія, принадлежащія къ области вѣры, имѣютъ характеръ идеальный, далеко возвышаются надъ дѣйствительностію познаваемою нами, а потому оказываются болѣе близкими къ понятіямъ эстетическимъ, нежели къ понятіямъ собственно научнымъ. Однако жъ религіозныя идеи существенно различны отъ эстетическихъ, и основаніе этого различія заключается въ томъ, что идеи религіозныя

имѣютъ преимущественно практическое значеніе, такъ какъ прямая цѣль ихъ заключается въ управленіи жизнью человѣка—частною и общественною; религіозныя убѣжденія должны служить главною пружиною всѣхъ дѣйствій человѣка, прямая цѣль религіи — созиданіе царства Божія на землѣ и руководство къ вѣчному спасенію. Практическій характеръ религіозныхъ вѣрованій выясняется при сравненіи вѣры и знанія относительно ихъ происхожденія.

Состоя въ связи съ познаніемъ, а съ другой стороны имѣя практическій характеръ, вѣра есть такимъ образомъ принципъ *единства знанія и дѣла, науки и жизни*. Элементарная форма знанія есть *представленіе*. Элементарная форма дѣйствія есть *движеніе*. Поэтому единство знанія и дѣла, науки и жизни, въ простѣйшей своей формѣ, есть представленіе ставшее мотивомъ, т. е. движущею причиною дѣйствія. Если дѣйствіе не вынуждается слѣпою необходимостію, если оно свободно, а таковы всѣ дѣйствія нравственнаго характера, — то источникомъ его служатъ *убѣжденіе*, или иначе представленіе, сдѣлавшееся движущею силою души, руководящимъ правиломъ воли. Но только тѣ представленія, которыя или прямо относятся къ области вѣры и составляютъ содержаніе опредѣленной вѣры, или же состоятъ съ таковыми въ ближайшей связи, могутъ имѣть означенный характеръ. могутъ образовать убѣжденія, руководящія нашею дѣятельностію. Наука, въ общемъ своемъ составѣ, какъ особый видъ духовной дѣятельности человѣка, также не можетъ обходиться безъ подобныхъ представленій, и чрезъ нихъ-то собственно знаніе, наука входитъ въ систему нравственно-практической дѣятельности: въ какомъ направленіи развиваются научныя изслѣдованія, какимъ духомъ оживляются и управляются научныя стремленія, — это зависитъ отъ руководящихъ принциповъ научной дѣятельности, которые въ свою очередь состоятъ въ необходимой связи съ болѣе общими началами дѣятельности, составляющими область вѣры. Вотъ въ какомъ смыслѣ необходимо признать вѣру единствомъ знанія и дѣйствія, науки и жизни.

Изъ указаннаго сейчасъ общаго значенія вѣры изъясняются и къ нему могутъ быть сведены разные типы религіоз-

ной жизни въ разныя эпохи и у различныхъ народовъ христіанскаго міра. Такъ, господствующій характеръ религіозной жизни въ мірѣ протестантскомъ есть доктринерскій. Для протестанта религія прежде всего есть опредѣленная система ученія, извѣстная теорія. По ученію протестантскому спасеніе зависитъ не отъ дѣлъ, а отъ вѣры въ смыслѣ приверженности къ извѣстному ученію; для протестанта религіозная жизнь прежде всего есть сфера умственной дѣятельности; *источники* и *орудія* дѣйствія религіознаго просвѣщенія суть: Св. Писаніе, въ особенности Евангеліе, проповѣдь составляющая важнѣйшую часть протестантскаго богослуженія и школа. Отсюда блестящее развитіе богословской учености, а съ другой—господство индивидуализма, выразившееся въ распаденіи протестантизма на множество сектъ. Послѣдняя черта, т. е. индивидуализмъ, въ протестантизмѣ изъясняется тѣмъ, что въ отношеніи къ знанію начало личной дѣятельности есть главный источникъ, а въ протестантствѣ сама вѣра является въ формахъ знанія. Въ противоположность протестантству, въ католичествѣ религіозная жизнь отличается по преимуществу характеромъ практическимъ. Между тѣмъ какъ индивидуализмъ свойственъ протестантству, въ католичествѣ мы видимъ повсюду господство единой системы, строгое единство власти, которой всѣ одинаково служатъ: все подчинено здѣсь единой цѣли, всѣ средства, по обстоятельствамъ, считаются одинаково годными, лишь бы торжествовала система и повсюду распространялась власть главы католической церкви. Какъ въ протестантствѣ индивидуальная свобода поставлена выше всего, а потому между проявленіями ея мы видимъ отрицаніе самой вѣры, такъ въ католичествѣ авторитетъ власти доведенъ до такой крайности, что усвоется ей право вводить новыя догматы, чѣмъ конечно умалется и даже отрицается достоинство откровенія, органомъ котораго можетъ быть только Церковь вселенская, какъ тѣло Іисуса Христа, непрерывно въ ней дѣйствующаго, а не единоличная воля кого-либо изъ представителей власти церковной. Отсюда мы видимъ, что если одинъ необходимый даже элементъ въ организмѣ религіозной жизни получаетъ исключительное господство, въ

ущербъ другихъ, то послѣдствіемъ этого неминуемо является упадокъ и извращеніе самой жизни религіозной. Что можетъ имѣть лишь значеніе одного изъ средствъ для цѣлей вѣры, получаетъ значеніе цѣли, а самая вѣра или обращается въ средство, или вовсе пренебрегается и устраняется.

Не такъ легко указать характеристическія черты религіозной жизни въ нашемъ отечествѣ. Однако данныя доселѣ установленныя нами относительно вѣры религіозной даютъ возможность сдѣлать нѣкоторыя заключенія по этому вопросу, по крайней мѣрѣ приблизительно вѣрныя, если не вполнѣ выражающія истину. Христіанство было воспринято нашею народною жизнію въ полномъ его составѣ, совершенно опредѣленномъ и установленномъ, при чемъ не существовало такихъ особыхъ историческихъ условій, которыя направили бы религіозную жизнь исключительно въ одну какую либо сторону, и подчинили бы оную какому либо преобладающему интересу, какъ это мы видимъ на Западѣ. Вотъ почему различныя стороны религіозной жизни въ исторіи нашего отечества выступаютъ болѣе или менѣе равномерно: такъ ученіе книжное въ духѣ вѣры издавна было важнѣйшимъ изъ проявленій благочестія; но вмѣстѣ съ тѣмъ не меньшую привязанность мы видимъ къ порядку церковной жизни, къ обрядамъ, установленіямъ и обычаямъ церковнымъ. Книжное ученіе утоляло жажду умственной просвѣщенія, приверженность къ церковному порядку предохраняла отъ крайностей индивидуализма. Однакожъ изученіе содержанія вѣры у насъ не достигало до высоты научной обработки, а потому нашей школѣ пришлось довольствоваться заимствованіемъ у Запада научныхъ формъ изложенія предметовъ вѣры. Съ другой стороны, въ практическомъ отношеніи мы видимъ особенную приверженность къ обрядовой сторонѣ. Дальнѣйшему развитію религіозной жизни важнымъ препятствіемъ для высшихъ классовъ послужило усвоеніе европейскаго просвѣщенія со времени Петра. Много было заботъ о распространеніи образованія, но только не религіознаго, а свѣтскаго, цѣль котораго заключалась въ удовлетвореніи практическихъ нуждъ государственнаго быта. Образование собственно научное съ край-

нимъ трудомъ прививалось, и долгое время, можно сказать, оставалось для общества совершенно чуждымъ, но за то съ большимъ успѣхомъ развивалось и распространялось художественно-литературное просвѣщеніе. Эстетическое образованіе, которое съ такимъ успѣхомъ стало прививаться въ обществѣ, не могло не отразиться и на религіозной жизни. Литературному развитію свѣтскаго просвѣщенія соотвѣтствуетъ въ области просвѣщенія духовнаго столь же блестящее развитіе *искусства* проповѣдническаго. Мы говоримъ о проповѣдничествѣ новаго времени у насъ какъ искусствѣ именно потому, что само общество, въ духѣ своего эстетическаго образованія, въ проповѣдничествѣ видѣло лишь особый родъ краснорѣчія, и относилось къ проповѣдямъ лишь какъ литературнымъ произведеніямъ, искало въ нихъ эстетическаго наслажденія болѣе нежели духовнаго назиданія (подобно тому какъ еще въ недавнее время сильно увлекались образцами судебного краснорѣчія, а быть можетъ и доселѣ еще продолжается это увлеченіе). Эстетическій характеръ свѣтскаго просвѣщенія проявился въ отношенія религіозной жизни и въ томъ, что (особенно подъ вліяніемъ нѣмецкаго романтизма) въ самой религіи стали искать поэзіи: только мечтательная религіозность, преисполненная таинственности, казалась достойною возвышенныхъ душъ; поэтому и практическія формы выраженія вѣры въ жизни и самое ученіе вѣры представлялись болѣе или менѣе безразличными, несущественными; сущность религіи полагали въ чувствѣ, въ душевномъ настроеніи извѣстнаго характера, чѣмъ бы ни было оно навѣяно. Такимъ образомъ, свѣтское просвѣщеніе не только не способствовало уясненію для нашего образованнаго общества истинныхъ основъ религіозной жизни, дѣйствительнаго ея существа, напротивъ, производило въ немъ отчужденію отъ православія, религіозный индифферентизмъ. Вотъ почему славянофилы, взявъ во вниманіе общенародное и государственное значеніе православія, стали отрицать наше свѣтское просвѣщеніе какъ не сообразное съ духомъ народной жизни. Послѣ того какъ Россія была включена Петромъ Великимъ въ систему европейскихъ государствъ, и европейское образованіе

стало распространяться въ обществѣ, вошло въ обычай осуждать бывшую въ древней Руси замкнутость и національную исключительность, напротивъ, въ поспѣшномъ заимствованіи европейскихъ формъ образованности видѣли единственно возможный способъ сравниться съ другими просвѣщенными народами въ отношеніи образованія. Славянофилы, вопреки подобнымъ понятіямъ о значеніи для насъ европейскаго просвѣщенія, доказывали, что поспѣшное уклоненіе отъ предопредѣленнаго исторіею пути національнаго развитія въ сторону общечеловѣческихъ идеаловъ европеизма есть истинное бѣдствіе, такъ какъ послѣдствіемъ того было раздвоеніе между понятіями образованныхъ классовъ съ одной стороны и началами народной жизни—съ другой. Оторвавшись отъ почвы народной жизни, образованные классы общества впади въ рабство предъ чуждыми для насъ понятіями и формами быта европейскихъ народовъ. Поэтому европейское просвѣщеніе у насъ могло быть только поверхностнымъ, не имѣя для себя корней въ жизни народнои. Будучи подражательнымъ, а не выработаннымъ собственными силами, оно лишь обезличивало людей усвоившихъ его, и дѣлало ихъ чуждыми для народа, который, лишившись такимъ образомъ своихъ естественныхъ руководителей, по необходимости оставался въ состояніи неподвижности и отчужденія отъ высшихъ классовъ. Единство національной жизни было разрушено; между жизнью народа и жизнью образованныхъ классовъ ничего нѣтъ общаго. Такъ какъ основою народной жизни служитъ религія, то оторванность образованныхъ классовъ отъ жизни народной выразилась отчужденіемъ ихъ отъ народныхъ вѣрованій. Въ этомъ отношеніи наша образованность, не смотря на подражательность ея иноземнымъ образцамъ, далеко ниже своего первообраза, ибо и на Западѣ просвѣщеніе является тѣсно связаннымъ съ вѣроисловѣдными различіями: у народовъ романскихъ съ католичествомъ, а у германскихъ—съ протестантствомъ. Пессимистическій взглядъ славянофильства на увлеченіе нашего общества общечеловѣческими идеалами, выросшими на почвѣ европейскаго просвѣщенія, неоднократно оказывался и оказывается вѣрнымъ въ виду неудачныхъ опытовъ примѣненія

въ политикѣ таковыхъ идеаловъ. Теперь уже никто не сомнѣвается, что въ политикѣ долгъ повелѣваетъ руководиться исключительно національными интересами. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ народы болѣе или менѣе переживали увлеченіе общечеловѣческими идеалами, однако только тамъ, гдѣ это увлеченіе не выходило за предѣлы литературнаго развитія (какъ это было напр. въ Германіи), вліяніе его было благотворно, но оно оказывалось пагубнымъ въ дѣлахъ политическихъ.

Для того, чтобы общество въ полномъ своемъ составѣ могло единодушно и неуклонно дѣйствовать въ духѣ истинныхъ интересовъ своего отечества, для этого оно должно воспитать въ себѣ чувства и стремленія вполне согласныя съ народными идеалами. А условіемъ возможности такого воспитанія должно быть постоянное проведеніе въ общественное сознаніе понятій, которыя способствовали бы укорененію въ немъ таковыхъ чувствованій и стремленій. Идеалы общечеловѣческіе давно уже перешли изъ области литературныхъ мечтаній въ сферу науки и здѣсь, такъ сказать, консолидировались. Поэтому, чтобы научное образованіе не дѣйствовало подавляющимъ образомъ на національный складъ личности, чтобы подъ давленіемъ общечеловѣческихъ идеаловъ науки не стирались черты національнаго духа, для этого въ научной же области долженъ быть органъ національнаго духа или національныхъ идеаловъ, который уравнивалъ бы дѣйствіе общечеловѣческаго духа науки съ потребностями національнаго развитія. Такъ какъ основа національнаго развитія заключается въ религіи, то по сему и органомъ національнаго сознанія вполне равноправнымъ съ наукою можетъ быть только богословская наука въ обширномъ смыслѣ. Но для этого богословское образованіе должно стоять на подобающей ему высотѣ, оно должно сдѣлаться вліятельнымъ, для чего нужно ему выдти изъ состоянія неподвижности и безучастія къ интересамъ національнаго развитія. Славянофильство сдѣлало попытку построить систему православнаго богословскаго ученія такимъ образомъ, чтобы оно могло быть выраженіемъ и вмѣстѣ опорой національнаго самосознанія, но эта попытка не оказала никакого замѣтнаго дѣйствія, что и понятно: славянофильство, будучи направлено

противъ отрицательнаго характера нашего просвѣщенія, само отличается тѣмъ же духомъ. Существенное содержаніе славянофильства заключается также въ отрицаніи, т. е. въ томъ же, въ чемъ оно укоряетъ западничество. Западничество беретъ готовыя, уже выработанныя жизнью другихъ народовъ формы образованія и быта и признавая таковыя единственно возможными, предлагаетъ имъ слѣдовать. Славянофильство, отрицая все современное просвѣщеніе Запада, ничего однако не даетъ положительнаго, что могло бы имѣть значеніе въ настоящемъ, ограничиваясь либо ссылками на до-Петровскую Русь, которую конечно невозможно возобновить, либо неопредѣленными, смутными мечтаніями о будущемъ призваніи русскаго государства и народа. Вотъ почему хотя симпатіи истинно образованнаго общества безспорно на сторонѣ славянофильства, но въ практической жизни вліяніе западничества оказывается сильнѣе. Правильность этой оцѣнки славянофильства видна изъ того, что, когда изъ области мечтаній славянофильство переходитъ на почву дѣйствительности, съ тѣмъ чтобы оказать вліяніе на настоящее, то въ своихъ частныхъ мнѣніяхъ сближается съ либерализмомъ, который въ принципѣ имъ отрицается.

П. Липицкій.

О СУЩНОСТИ МІРА ФИЗИЧЕСКАГО.

Философско-критическій очеркъ.

Матерія, какъ субстанціальная основа физическаго міра; различныя понятія о матеріи. По общему представленію основою физическаго міра признается матерія. Этимъ именемъ вообще обозначается нѣчто такое, что служитъ носителемъ отличительныхъ свойствъ вещей и составляетъ субстратъ ихъ дѣйствій. Къ представленію матеріи, какъ основы физическаго бытія, умъ человѣческій пришелъ сейчасъ же, какъ только началъ искать объясненія сущности этого бытія, т. е. при первомъ же пробужденіи философствующей мысли. При этомъ, такъ какъ вещи, въ своей совокупности составляющія міръ, представляются занимающими пространство, то при созданіи представленія матеріи умъ человѣческій неизбѣжно долженъ былъ ставить его въ такое или иное отношеніе къ пространству. Отсюда объясняется происхожденіе и различныхъ понятій о матеріи. И именно, матерію въ отношеніи къ пространству можно представлять или сплошь протяженнымъ бытіемъ, непрерывно, безъ всякихъ промежутковъ наполняющимъ пространство (*continuum*); или бытіемъ прерывающимся пустыми промежутками, состоящимъ изъ множества отдѣльныхъ частицъ. Съ другой стороны, *непрерывная* въ пространствѣ матерія можетъ быть представляема или бытіемъ отличнымъ отъ пространства, или тождественнымъ съ самымъ протяженіемъ въ пространствѣ; равнымъ образомъ и *частичная* матерія мо-

жетъ быть представляема или состоящею изъ реальныхъ физическихъ недѣлимыхъ частицъ (атомовъ) или изъ простыхъ математическихъ точекъ. Такимъ образомъ получаются четыре различныхъ представленій о матеріи: 1) матерія есть сплошь протяженное наполненіе пространства, какъ реальное физическое бытіе; 2) матерія есть то же, что само пространство, т. е. сама по себѣ не имѣетъ никакой реальности; 3) матерія есть частичное бытіе, состоящее изъ реальныхъ—физическихъ недѣлимыхъ частицъ; 4) матерія есть частичное бытіе, состоящее изъ математическихъ элементовъ. Со всѣми этими различными взглядами на матерію мы и встрѣчаемся въ исторіи философскаго мышленія. Высказывались и другія возрѣнія на матерію, но они составляютъ только различныя варіаціи и комбинаціи приведенныхъ четырехъ взглядовъ на нее. Остановимся на разсмотрѣніи ихъ.

1. Самымъ первымъ взглядомъ на матерію, какой мы встрѣчаемъ въ древнѣйшей натурфилософіи грековъ, былъ тотъ, что она есть сплошь наполняющая пространство качественно опредѣленная субстанція, которая древними мыслителями представлялась или въ видѣ воды (какъ у Θαλεσα), или воздуха (какъ у Анаксимена), или огня (какъ у Гераклита); при такомъ представленіи матеріи происхожденіе изъ нея разнообразія вещей объяснялось, по большей части, предположеніемъ ея сжимаемости и расширяемости, ея сгущеніемъ и разрѣженіемъ. Взглядъ на матерію, какъ на сплошное наполненіе пространства, повторяется и въ новой философіи. Главнымъ выразителемъ этого взгляда въ новое время является Декартъ; онъ полагалъ, что основное свойство матеріи есть протяженность, что протяженіе есть основа физическаго бытія, такъ же, какъ мышленіе есть основаніе духовнаго бытія; вслѣдствіе того, что матерія есть протяженіе, она дѣлима, воспріимчива ко всякой формѣ и подвижна.

Хотя этотъ взглядъ на матерію, какъ на сплошное и непрерывное наполненіе пространства, находитъ себѣ многихъ защитниковъ и въ настоящее время и ближе, чѣмъ всѣ другіе взгляды, соотвѣтствуетъ непосредственному ощущенію, но нельзя признать, чтобы онъ былъ сколько-нибудь удовлетво-

рительнымъ объясненіемъ сущности физическаго бытія. Не говоримъ уже о недостаточности всѣхъ древнихъ представленій матеріи, какъ такой или иной качественно опредѣленной массѣ, наполняющей пространство,—всѣ они совсѣмъ произвольны и не идутъ дальше того, что хотятъ объяснить: но и вообще всякое представленіе матеріи, какъ одинаго, равнаго, сплошнаго протяженія страдаетъ тѣмъ общимъ недостаткомъ, что при этомъ представленіи совсѣмъ нельзя объяснить наблюдаемая въ мірѣ движеніе и разнообразіе вещей. Въ самомъ дѣлѣ, если матерія есть сплошная и непрерывная субстанція, т. е. если она всюду совершенно одинаково наполняетъ пространство, то какъ возможно движеніе? и какъ отдѣльныя пространства могутъ различиться между собою тѣмъ, что въ нихъ содержится, когда общая природа матеріи вездѣ одна? Кромѣ того, матеріи принадлежитъ свойство дѣлимости, слѣдовательно, она сложна; но всякая сложность существуетъ только потому, что существуютъ элементы сложенія, которые и обуславливаютъ ея бытіе. Если же мы примѣнимъ это къ сплошь протяженной матеріи, то мы *не найдемъ ея послѣднихъ элементовъ*; потому что всякая часть протяженной матеріи должна представляться тоже протяженной, т. е. состоящей изъ частей, каждый элементъ долженъ представляться безъ конца распадающимся на новые элементы — до тѣхъ поръ, пока мы не дойдемъ до чистаго отрицанія протяженія, — до *ничто*, изъ котораго ничто протяженное путемъ сложенія не можетъ возникнуть. Такимъ образомъ, матерію нельзя представлять единой, равной, сплошной массой.

2. Другимъ представленіемъ матеріи, также встрѣчающимся еще у другихъ мыслителей, было то, что она не есть какая либо качественно опредѣленная субстанція, а есть бытіе неопредѣленное и неограниченное (*ἄπειρον* по Пифагору, *μη ὄν* — по Платону. простая возможность по Аристотелю). Эта идея матеріи, какъ неопредѣленнаго, *чистаго* бытія безъ всякихъ другихъ атрибутовъ, встрѣчается не въ однихъ только древнихъ умозрѣніяхъ, она повторяется и въ новой философіи: въ новой философіи распространеннымъ является вообще то представленіе, что всякому опредѣленному существованію предше-

ствуеть неопредѣленное, или чистое бытіе и что послѣднее служить основаніемъ для перваго (въ самое послѣднее время такое представленіе мы встрѣчаемъ, на примѣръ, въ естествен-но-научной философіи Спенсера).

Это представленіе матеріи, какъ неопредѣленнаго бытія, какъ чистой протяженности, нужно признать еще менѣе состоятельнымъ, чѣмъ первый приведенный взглядъ на нее. Нѣтъ никакого противорѣчія мыслить неопредѣленное или чистое, — бытіе вообще, но есть рѣшительное противорѣчіе въ предположеніи, что такое бытіе можетъ служить основою реальнаго міра. Міръ реальный есть міръ движеній и взаимодѣйствій, онъ представляетъ въ себѣ множественность, постоянное возникновеніе и уничтоженіе. Для этой опредѣленной видимости реальнаго міра матерія, представляемая какъ неопредѣленное или чистое бытіе, не содержитъ въ себѣ никакого основанія; — изъ неопредѣленнаго не можетъ произойти ничего опредѣленнаго, неопредѣленное ничего не можетъ производить, ни къ чему не можетъ вести, потому что само оно есть *ничто*, пустота. Поэтому философія, принимающая за основу реальнаго міра какое то чистое бытіе, чистую протяженность, не разъясняетъ наблюдаемыхъ нами явленій и свойствъ этого міра, а въ сущности ведетъ къ отрицанію ихъ, превращая весь міръ въ какое то пустое и безсодержательное ничтожество.

Динамизмъ. — Нѣкоторые мыслители, не допуская ни того, чтобы въ основѣ матеріальнаго міра лежала единая сплошная вещественная субстанція, ни того, что эту основу составляетъ чистая протяженность, представляли, что основой міра служатъ простыя *силы*. Эта теорія извѣстна подъ именемъ динамической (отъ *dύναμις* — сила). Первое развитіе этой теоріи принадлежитъ *Канту*. По воззрѣнію этого мыслителя, извѣстныя намъ свойства видимаго міра выражаютъ не подлинную дѣйствительность истинно сущаго, а одну только внѣшнюю являемость его, — подлинная дѣйствительность принадлежитъ скрытому отъ насъ внутреннему принципу, который по природѣ своей не имѣетъ ничего общаго съ наблюдаемыми свойствами матеріи — протяженности, формы и т. п. — Этотъ принципъ составляютъ постоянно проникающія такъ называемое

пространство силы, разнообразныя отношенія которыхъ и условливаютъ разнообразіе явленій міра. Но этотъ взглядъ на основу матеріальнаго міра нужно признать невѣрнымъ уже потому, что онъ отдѣляетъ и обособляетъ наблюдаемыя нами явленія отъ того, что въ нихъ является, — отъ силъ въ нихъ воплощающихся, — тогда какъ явленіе, по прямому смыслу этого понятія, никакъ не можетъ быть бытіемъ реально отдѣльнымъ отъ являемаго; оно необходимо должно выражать свойство того, что составляетъ его основу, слѣдовательно, для объясненія явленій природы необходимо требуются *субстанціальныя вещественныя носители* дѣйствующихъ въ нихъ силъ.

3. *Атомизмъ*. — Относительно матеріи, поскольку она извѣстна намъ изъ непосредственнаго опыта, вполне очевиднымъ и несомнѣннымъ всегда останется одно, — что она есть субстанція *сложная*, что необходимо слѣдуетъ изъ ея протяженности. Общеизвѣстные опыты, которые каждый можетъ ежедневно произвести, показываютъ, что всѣ матеріальныя вещи или сами собою разлагаются на множество отдѣльныхъ частей, или могутъ быть разложены посредствомъ маханическаго дѣйствія. Химія съ своей стороны показала, что осязаемыя матеріальныя вещи можно разлагать не только механически, т. е. на части въ сущности одинаковаго качества, но большею частію и химически, т. е. на части различнаго свойства. Но если вещи разлагаются на части, однѣ части дѣлятся на другія, то не должны ли существовать такія части, которыя должны быть самостоятельными цѣлыми, недѣлимыми — атомами? Иначе, если не предположить въ основаніи матеріи такихъ самостоятельныхъ частицъ, если допустить, что матерія дѣлима до безконечности, то она сводилась бы къ нулю, потому что всякая ограниченная величина, раздѣленная на безконечность, равняется нулю (математическая аксіома: $\frac{1}{\infty} = 0$). Итакъ, повидимому, представляется неизбѣжная необходимость признать, что сущность матеріи составляютъ первоначальныя недѣлимыя, абсолютно простыя частицы — *атомы*, которые и образуютъ элементы вещей. Таково, дѣйствительно, и есть утвержденіе такъ называемой атомистической философіи.

Начало этой философіи положено еще въ древности — Де-

мокритомъ (въ V в. до Р. Х.) и Эпикуромъ (род. ок. 340 г. до Р. Х.). Они учили, что весь міръ образовался чрезъ сложеніе безконечнаго множества недѣлимыхъ вещественныхъ частицъ, по существу своему тождественныхъ, но отличныхъ другъ отъ друга по величинѣ и формѣ, существовавшихъ первоначально въ хаотическомъ состояніи: при этомъ какъ необходимое условіе происхожденія міра изъ этихъ частицъ и самаго бытія ихъ они признавали существованіе раздѣляющаго ихъ пустаго пространства. Возобновителемъ теоріи атомизма въ новой философіи былъ Гассенди (XVII в.). Въ ближайшее къ намъ время эта теорія прежде всего утвердилась въ области естествознанія, какъ наиболѣе удобная для объясненія нѣкоторыхъ физическихъ и химическихъ явленій. Но затѣмъ къ атомизму примкнули мыслители материалистическаго направленія, которые стали дѣлать попытки возвести атомистическую теорію на степень метафизическаго ученія о сущности бытія; такъ въ новѣйшее время образовалось особое направленіе философіи, которое можетъ быть названо *метафизическимъ атомизмомъ*.

Все ученіе атомистической философіи или метафизическаго атомизма о матеріи можетъ быть сведено къ слѣдующимъ немногимъ и очень простымъ положеніямъ. Въ основѣ всего бытія лежитъ безконечное множество первоначальныхъ, однородныхъ, абсолютно недѣлимыхъ частичекъ—*атомовъ*; между атомами существуютъ пустые промежутки, какъ необходимое условіе ихъ раздѣльности.

Необходимость такого, а не иного представленія строенія матеріи современный атомизмъ защищаетъ двоякаго рода доказательствами: А) эмпирическими и Б) философскими. Приведемъ главнѣйшія изъ нихъ.

А) Эмпирическими доказательствами атомизма служатъ различныя данныя, заимствуемая изъ эмпирическихъ наукъ. Такъ,

а) *Физика*, какъ на всеобщее свойство матеріи, указываетъ на ея сжимаемость. Это свойство матеріи наиболѣе удобнымъ образомъ объясняется тѣмъ, что матерія состоитъ изъ мельчайшихъ частицъ—атомовъ, раздѣленныхъ пустыми промежутками, которые могутъ то увеличиваться, то уменьшаться, такъ

что сжимаемость вещества происходитъ отъ уменьшенія промежутковъ между атомами, тогда какъ, наоборотъ, расширение тѣлъ производится увеличеніемъ этихъ промежутковъ.

б) *Химія* признаетъ т. н. химическое сродство тѣлъ, по которому нѣкоторыя вещества съ различными свойствами могутъ соединяться между собою и въ своемъ соединеніи образовывать новыя тѣла, по свойствамъ своимъ непохожія на свойства веществъ, вступающихъ въ соединеніе, при чемъ это соединеніе веществъ происходитъ всегда въ опредѣленныхъ пропорціяхъ и отношеніяхъ (т. н. эквивалентахъ; напр., кислородъ соединяется съ другими веществами всегда не иначе, какъ въ 8 частяхъ вѣса). Если тѣла, образовавшіяся чрезъ химическое соединеніе, разложить, то разложенныя вещества будутъ обнаруживать тѣ же свойства, какими они обладали до своего соединенія.—Это наиболѣе удобнымъ образомъ объясняется тѣмъ, что тѣла состоятъ изъ атомовъ; когда одни вещества химически соединяются съ другими и своимъ соединеніемъ образуютъ новыя вещества, то это происходитъ отъ того, что извѣстное опредѣленное сочетаніе атомовъ, образующее каждое изъ соединяющихся веществъ, при соединеніи послѣднихъ нарушается, и атомы ихъ, не измѣняясь въ своемъ существѣ, вступаютъ въ новое сочетаніе, отчего и образуются новыя тѣла съ особенными новыми свойствами. Что соединеніе веществъ происходитъ въ опредѣленныхъ пропорціяхъ и отношеніяхъ, это объясняется тѣмъ, что вещества состоятъ изъ атомовъ *различнаго вѣса*.

в) Новое доказательство существованія атомовъ находятъ въ явленіяхъ кристаллизаціи. Наблюденія показываютъ, что одни изъ кристаллизующихся веществъ, соединяясь между собою, кристаллизуются каждое отдѣльно и особеннымъ образомъ, тогда какъ другія—кристаллизуются вмѣстѣ (напр., поваренная соль и сѣра кристаллизуются отдѣльно, а горькая соль и цинковый купоросъ—вмѣстѣ). Наиболѣе понятное объясненіе этого находятъ въ томъ, что вещества вообще состоятъ изъ атомовъ, и что послѣдніе имѣютъ различныя видъ и форму, такъ что если одни вещества при ихъ соединеніи кристаллизуются каждое отдѣльно, то это происходитъ отъ того, что они состоятъ изъ

атомовъ различной формы.—напротивъ, если другія вещества могутъ кристаллизоваться вмѣстѣ, то это значитъ, что они состоятъ изъ атомовъ одинаковой формы (поэтому они называются *изоморфными*).

г) Въ позднѣйшее время химія нашла, повидимому, самое вѣское доказательство для атомизма въ такъ называемыхъ *изомерныхъ* соединеніяхъ. Существуютъ тѣла, которыя при совершенно одинаковомъ составѣ своихъ частей—по качеству и пропорціи, обнаруживаютъ однако существенное различіе въ своихъ физическихъ и химическихъ свойствахъ; такія тѣла называются *изомерными*. Напр., крахмаль, сахаръ и древесина состоятъ изъ совершенно одинаковыхъ частей, между тѣмъ эти вещества по свойствамъ своимъ совсѣмъ различны. Это явленіе, говорятъ, указываетъ на то, что тѣла состоятъ изъ первоначальныхъ по качеству одинаковыхъ частицъ—атомовъ и что эти послѣдніе располагаются въ тѣлахъ различно въ отношеніи другъ къ другу, такъ что всѣ свойства тѣлъ зависятъ не только отъ составляющихъ ихъ первоначальныхъ элементовъ, но существеннымъ образомъ и отъ способа ихъ группировки.

Б) Главными философскими доказательствами атомизма служатъ слѣдующія теоретическія соображенія.

а) Всѣ видимые нами матеріальные предметы сложны, т. е. дѣлятся на части. Если предположить, что эти части, въ свою очередь, также дѣлятся на другія болѣе простыя части, то, мысленно продолжая дѣленіе все дальше и дальше, мы въ концѣ концовъ должны остановиться на какихъ нибудь самыхъ простѣйшихъ, послѣднихъ недѣлимыхъ частицахъ, т. е. атомахъ. Нельзя допустить, чтобы дѣлимость вещества продолжалась въ безконечность, потому что иначе — все превратилось бы въ ничто.

б) Существенною принадлежностію матеріи признается ея вѣсъ. Если признать безконечную дѣлимость матеріи, то нужно будетъ допустить, что матерія состоитъ изъ безконечно малыхъ частицъ. Но эти частицы, очевидно, не могутъ имѣть никакого вѣса и слѣд., изъ нихъ не могла бы составиться матерія, имѣющая вѣсъ. Итакъ, матерію нельзя считать безконечно дѣлимой, но въ основаніи ея нужно признать существованіе хотя и самомалѣйшихъ, но недѣлимыхъ частицъ—атомовъ.

Критика метафизическаго атомизма. Всматриваясь внимательно въ сущность приведенныхъ доказательствъ атомизма, нельзя не видѣть, что они не только въ отдѣльности, но и въ совокупности своей совсѣмъ не ведутъ къ тому, что хочетъ доказать метафизическій атомизмъ, — т. е., что сущность матеріи состоитъ изъ первоначальныхъ, абсолютно недѣлимыхъ частицъ — атомовъ, которые и составляютъ субстанціальную основу бытія. Что касается эмпирическихъ доказательствъ, которыми пользуется атомизмъ, то всѣ они приводятъ только къ тому предположенію, что матерія должна состоять изъ *какихъ-либо* болѣе простыхъ элементовъ, чѣмъ тѣ, которые доступны наблюденію; но *какъ* именно нужно представлять эти элементы, — суть ли они первоначальныя и абсолютно недѣлимыя сущности. на это данныя эмпирическихъ наукъ не даютъ опредѣленнаго указанія. Никто никогда въ дѣйствительности не наблюдалъ атомовъ и наблюдать не могъ, потому что наблюденію подлежатъ большія или меньшія *массы* вещества, но не простѣйшія его части; поэтому опытные науки никогда и не могутъ категорически сказать что-либо о первоначальномъ строеніи матеріи, онѣ могутъ дѣлать относительно этого только одни гадательныя предположенія. Но эти предположенія уже потому только, что они гадательны, очевидно, не могутъ служить сколько-нибудь твердой опорой для философской теоріи, которая хочетъ быть изъясненіемъ подлинной сущности реального міра. Если же теперь мы вникнемъ въ смыслъ всѣхъ тѣхъ предположеній о первоначальномъ строеніи матеріи, которыя мы встрѣчаемъ у различныхъ представителей опытной науки, то не можемъ не видѣть, что и дѣйствительно всѣ они ничего не говорятъ въ пользу философской теоріи атомизма, которая признаетъ атомы абсолютными сущностями и первоначалами бытія. Чтобы признать атомы абсолютными сущностями бытія, для этого нужно представлять, что имъ принадлежитъ свойство совершенной простоты: потому что если бы атомы не были совершенно простыми сущностями, то они не могли бы считаться и первоначалами, тогда они были бы не чѣмъ инымъ, какъ *различными веществами*, которыя сами предполагали бы для себя что-либо другое основное и первоначальное — абсолютно простое. Но

доказываютъ ли данныя опытныхъ наукъ, что предполагаемые въ основаніи матеріи атомы нужно считать абсолютно простыми сущностями? Не только нѣтъ, но совсѣмъ напротивъ; допуская существованіе атомовъ — въ видахъ наиболѣе удобнаго объясненія различныхъ физическихъ и химическихъ явленій, опыты науки вынуждаются при этомъ признать, что атомы не совершенно однородныя сущности, но обладаютъ различными свойствами; — какъ указываютъ явленія кристаллизаціи и изомерныя соединенія, атомы должны имѣть различныя вѣсы и величину, различную форму. Слѣдовательно, по указанію данныхъ естествознанія, атомы не абсолютно простыя сущности и, какъ таковыя, они не могутъ считаться первоначалами бытія. Итакъ, эмпирическія доказательства, которыми пользуется атомизмъ, совсѣмъ не убѣждаютъ въ томъ, въ чемъ хочетъ убѣдить эта теорія.

Не болѣе убѣдительно и философскія доизательства, которыя приводитъ въ свою пользу метафизическій атомизмъ. Первымъ философскимъ доказательствомъ атомизма, какъ мы видѣли, служитъ то соображеніе, что дѣлимость вещества нельзя представлять простирающеюся въ безконечность, потому что иначе въ результатѣ получается ничто; поэтому въ основаніи вещества нужно признать простѣйшія, недѣлимыя части — атомы. Относительно этого доказательства нужно замѣтить, что оно сейчасъ же теряетъ всю кажущуюся свою силу, если только мы спросимъ, можно ли допустить, чтобы какая-нибудь матеріальная величина, хотя бы и сомалѣйшая, сама по себѣ не допускала дальнѣйшаго дѣленія? Такъ какъ атомы, какъ матеріальныя частицы, *протяженны*, то они могутъ мыслиться не иначе, какъ дѣлимыми, — умъ человѣческій не можетъ мыслить какое-либо вещество недѣлимымъ. Если же допустить, что атомы недѣлимы, то нужно признать ихъ непротяженными, но тогда они не будутъ матеріальными атомами. — Второе философское доказательство атомизма, какъ сказано, составляетъ то соображеніе, что при предположеніи безконечной дѣлимости матеріи нельзя было бы объяснить одного изъ самыхъ коренныхъ свойствъ тѣлъ — ихъ вѣсомости. И это доказательство не можетъ быть признано сколько-нибудь сильнымъ.

Если, вопреки атомизму, предположить бесконечную дѣлимость матеріи, то бесконечно малыя частицы, которыя получались бы при такой дѣлимости ея, не могутъ быть представляемы совершенно не имѣющими никакого вѣса (безвѣсными): бесконечно малыя частицы, конечно, будутъ невѣсомыми, но онѣ не могутъ быть совсѣмъ безвѣсными. онѣ все-таки должны имѣть, хотя и бесконечно малый, но непремѣнно какой нибудь вѣсъ.

Такимъ образомъ, и въ данныхъ эмпирическихъ наукъ, и въ теоретическихъ соображеніяхъ атомизмъ, какъ философская теорія, не находитъ для себя никакой сколько-нибудь твердой опоры. Но тогда какъ въ пользу атомизма защитники этой теоріи могутъ привести только очень слабыя доказательства, въ тоже время *противъ* этой теоріи могутъ быть приведены очень вѣскія возраженія.

а) Атомизмъ прибѣгаетъ къ предположенію существованія атомовъ, какъ первоначальныхъ основъ и сущностей реального міра, для объясненія явленій этого міра. Но спрашивается, даетъ ли атомистическая теорія это требуемое объясненіе? Совсѣмъ нѣтъ, — она не объясняетъ, а въ сущности только *отрицаетъ* всѣ явленія наблюдаемыя нами въ мірѣ, потому что, признавая атомы сущностями вещества, приписываетъ имъ свойства, прямо противорѣчація наблюдаемымъ нами свойствамъ физическихъ тѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности мы наблюдаемъ, что тѣла *дѣлимы*, что они *соединяются* между собою, обладаютъ свойствами *сжимаемости* и *расширяемости*, *измѣняютъ* свою форму, могутъ соединяться между собою *химически*; но атомы, какъ сущности вещества, никакими подобными свойствами не обладаютъ, а напротивъ. они *недѣлимы*, *не сливаются* между собою, *несжимаемы* и *нерасширяемы*, имѣютъ *неизмѣнную форму* и *химически* не соединяются: такимъ образомъ, атомы суть такія сущности вещества, которыя не имѣютъ никакихъ свойствъ вещества. Но какъ же при такомъ представленіи сущности вещества можно объяснить наблюдаемыя нами свойства физическихъ тѣлъ? Очевидно, что безъ противорѣчія себѣ атомизмъ можетъ дать на это только тотъ отвѣтъ, что эти свойства

суть только кажущіяся, а не дѣйствительныя свойства: такимъ образомъ и выходитъ, что атомизмъ не объясняетъ намъ явленій реального міра, а лишь голословно отрицаетъ ихъ.

б) Атомизмъ, признавая атомы абсолютными сущностями и первоначалами бытія, такимъ образомъ принимаетъ за *абсолютное бытіе конечное*,—въ этомъ понятіи абсолютнаго нельзя не видѣть новое внутреннее противорѣчіе атомистической философіи. Абсолютное, по самому понятію своему, есть начало, которое не предполагаетъ ничего раньше себя, которое само себя опредѣляетъ къ бытію, отъ себя только зависитъ и служитъ основаніемъ всякаго бытія и всякой дѣйствительности. Изъ этого необходимо слѣдуетъ, что абсолютное начало есть бытіе безграничное и совершенно простое. Но противъ этой истины и погрѣшаетъ атомистическая философія, которая принимаетъ за абсолютное начало бытіе конечное и разнородное (т. е. атомы), и эта коренная погрѣшность атомизма создаетъ для него безвыходныя затрудненія. Признавая атомы единственною истинною дѣйствительностію, прежде которой ничего нѣтъ, и не было, атомизмъ совсѣмъ не въ состояніи объяснить, откуда взялись первоначальныя свойства атомовъ, отчего атомовъ существуетъ много, отчего при протяженности своей они недѣлимы и т. д.? Для всего этого у атомизма причинъ *нѣтъ вовсе*, потому что если только однимъ атомамъ съ данными ихъ свойствами присуща дѣйствительность, то ничему другому, ни *вне* атомовъ, ни *внутри* ихъ не можетъ принадлежать первенство бытія; слѣдовательно, всѣ свойства атомовъ совсѣмъ *безпричинны*,—они могутъ быть сведены только къ одному, ничего не выражающему и ничего не объясняющему понятію случая.

в) Признавая атомы первоначалами бытія, атомизмъ въ то же время представляетъ существованіе пустаго пространства, какъ необходимое условіе раздѣльности атомовъ. Въ этомъ представленіи нельзя не видѣть новыя внутреннія противорѣчія этой теоріи. 1. Пустотѣ приписывается раздѣляющая сила; но пустота въ сущности есть ничто, можетъ ли ничто быть раздѣляющею силою, препятствующею сліянію атомовъ въ одну непрерывную массу? 2. Атомы, по представленію ато-

мизма, суть первоначальныя безусловныя сущности бытія, однако эта теорія признаетъ существованіе пустаго пространства, какъ условіе раздѣльности атомовъ; такимъ образомъ, по теоріи атомизма, безусловное оказывается бытіемъ обусловленнымъ. 3. Нельзя представлять, что пустое пространство само обусловлено существованіемъ атомовъ, потому что такое представленіе ведетъ къ новому непримиримому противорѣчію; въ самомъ дѣлѣ, если атомы обусловливаютъ пустоту, то они существуютъ прежде пустоты, но, какъ атомы, т. е. какъ раздѣльныя сущности, они сами обусловлены пустотой, слѣдовательно, существуютъ позднѣе пустоты.

Указанныхъ противорѣчій, повидимому, избѣгаетъ такъ называемая корпускулярная теорія, которая признаетъ существованіе атомовъ безъ всякихъ промежуточныхъ разстояній между ними. Но эта теорія не можетъ быть принята потому, что ее нельзя согласить съ однимъ твердо установленнымъ въ химіи закономъ, по которому элементы вещества соединяются между собою только въ немногихъ простыхъ и неизмѣнныхъ вѣсовыхъ отношеніяхъ. Очевидно, законъ этотъ указываетъ на то, что въ каждомъ химическомъ соединеніи малѣйшія частички распределены правильными группами. Но такого распределенія мы не можемъ себѣ представить безъ промежуточныхъ пространствъ, раздѣляющихъ сгруппированныя частички элементовъ (Вундтъ). Да и, помимо этого, вообще нужно сказать, что мысль наша не можетъ соединить вмѣстѣ — представленіе *многихъ* частицъ (атомовъ) и въ то же время *нераздѣльныхъ*, или раздѣльныхъ и въ то же время не отдѣленныхъ промежутками.

Итакъ, философская теорія атомизма не только опирается на очень шаткія основанія, но и полна внутреннихъ противорѣчій, а потому и не можетъ считаться сколько нибудь достовѣрнымъ изъясненіемъ сущности матеріальнаго бытія.

Методическій атомизмъ.—Отъ философскаго или метафизическаго атомизма нужно отличать атомизмъ эмпирическій или *методическій*. Тогда какъ первый признаетъ атомы за самую *сущность* вещества и всѣ тѣла, существующія въ природѣ, считаетъ явленіями этой сущности, методическій атомизмъ при-
з-

наеть за атомами только лишь условное значеніе, принимая ихъ только какъ умопредставляемыя, но не какъ дѣйствительныя величины. Въ этомъ условномъ значеніи атомизмъ понимается и допускается всѣми естественными науками. Предполагая, что тѣла состоятъ изъ атомовъ, т. е. такихъ малѣйшихъ частицъ, которыя недоступны и никогда не могутъ быть доступны наблюденію, естествознаніе признаетъ эти частицы только какъ условныя умопредставляемыя единицы, чтобы при посредствѣ такихъ единицъ облегчить для себя вычисленіе различныхъ дѣйствій тѣлъ и происходящихъ изъ этихъ дѣйствій различныхъ свойствъ вещества: такимъ образомъ, предположеніе атомовъ для естествознанія служитъ нѣкоторымъ вспомогательнымъ настроеніемъ, *методомъ*, который оно находитъ удобнымъ при своихъ вычисленіяхъ. Само собою разумѣется, что противъ атомизма, понимаемаго въ этомъ смыслѣ и въ этомъ смыслѣ допускаемаго естествознаніемъ, ничего сказать нельзя.

4. *Математическій атомизмъ и динамизмъ.* — Явное противорѣчіе, въ которое впадаетъ метафизическій атомизмъ, представляя въ основѣ бытія атомы — какъ сущности недѣлимыя и въ то же время вещественныя и, слѣдовательно, протяженныя, побудило нѣкоторыхъ мыслителей отбросить въ представленіи атомовъ признакъ вещественности и признать ихъ невещественными *центрами ислаженія силъ*. Это воззрѣніе на атомы, представляющее собою соединеніе атомизма и динамизма, можетъ быть названо математическимъ атомизмомъ. Въ XVIII вѣкѣ такое воззрѣніе было развито ученымъ іезуитомъ Босовичемъ, который предполагалъ именно, что атомы не суть протяженныя сущности определенной формы, а суть простыя математическіе центры силъ, дѣйствующихъ на другіе атомы, которые также суть только математическіе центры силъ. При этомъ взглядѣ всѣ явленія и свойства тѣлъ, повидимому, могутъ быть объяснены легко, — на примѣръ, твердость камня будетъ ничѣмъ инымъ, какъ лишь отталкиваніемъ центровъ камня отъ центровъ силъ моей руки, и т. д. Этотъ взглядъ на атомы, какъ на математическіе центры силъ, до настоящаго времени раздѣляется многими. Близко сходною съ математи-

ческимъ атомизмомъ является теорія монадологическая, начало которой идетъ отъ Лейбница (1646—1716). Лейбницъ все существо какъ физическаго, такъ и духовнаго міра полагалъ въ понятіи *дѣятельной индивидуальной силы*; по его представленію, гдѣ есть какое либо дѣйствіе, тамъ необходимо есть и дѣйствующая сила; но дѣятельность присуща каждой въ отдѣльности вещи, каждая вещь составляетъ особый центръ дѣятельности, слѣдовательно, существуетъ столько же простыхъ, недѣлимыхъ силъ, сколько вещей. Эти дѣятельныя недѣлимыя силы Лейбницъ назвалъ *монадами* (отъ *μονάς*—единица); ихъ можно сравнить съ физическою точкою и математическою, но отъ первой онѣ отличаются тѣмъ, что непротяженны, а отъ второй тѣмъ, что имѣютъ объективную реальность.

Что касается математическаго атомизма, то нельзя не видѣть существеннаго недостатка этой теоріи въ томъ, что она, признавая реальность за однѣми математическими точками, этимъ самымъ въ самомъ основаніи отвергаетъ реальность матеріальнаго міра: всю вселенную она превращаетъ въ бесчисленное множество плавающихъ нулей и вселенная оказывается ничѣмъ не отличающеюся отъ пустаго пространства. Правда, математическія точки этой теоріи представляются центрами *силъ*; но что такое сила, не имѣющая для себя никакого реального субстрата? Она превращается въ простую умопредставляемую возможность дѣйствія на что нибудь другое, это другое есть также возможность дѣйствія; итакъ все обращается въ безконечный рядъ возможностей, которыя ничего не говорятъ нашей мысли о какой бы то ни было реальной дѣйствительности. Каждый атомъ, какъ математическая динамическая точка, собственной дѣйствительности не имѣетъ, онъ есть только возможность движенія другихъ атомовъ, которые также собственной дѣйствительности не имѣютъ; слѣд., тотъ міръ, который состоитъ изъ нихъ, есть пустой призракъ, потому что каждый въ отдѣльности атомъ есть не что иное, какъ призракъ. Но передъ нами стоитъ міръ, въ которомъ повсюду встрѣчаются дѣятельность, движеніе, жизнь; разсматриваемая теорія не удовлетворяетъ самаго перваго требованія философскаго уче-

нія—дать изъясненіе *этой действительности*, которой отвергнуть мы не можемъ.

Повидимому, болѣе понятнымъ изъясненіемъ сущности физическаго бытія является теорія монадологическая, которая въ основѣ бытія предполагаетъ монады, т. е. сущности недѣлимая, духовныя, *самодѣятельныя*. Въ представленіи такихъ сущностей, повидимому, вполне заключается внутренняя возможность міра. Но односторонность монадологической теоріи сейчасъ же обнаруживается передъ нами, какъ только мы остановимся своимъ вниманіемъ на самомъ существенномъ свойствѣ матеріальнаго бытія—*протяженіи*. Самодѣятельныя, духовныя монады еще могутъ объяснить явленія духовно-нравственнаго міра, но явленій матеріальнаго міра онѣ никакимъ образомъ объяснить не могутъ, потому что, какъ духовныя сущности, онѣ не заключаютъ въ себѣ никакой способности произвести какое либо тѣлесное движеніе,—что либо протяженное. А сказать, какъ сказалъ Лейбницъ, что тѣлесность, вещественность, протяженность суть только наши смутныя представленія, значитъ—просто отказаться отъ объясненія тѣхъ свойствъ матеріальнаго бытія, которыхъ отрицать мы не можемъ.

Выводъ изъ разсмотрѣнія различныхъ взглядовъ на матерію.—Разсмотрѣніе приведенныхъ различныхъ взглядовъ на матерію приводитъ насъ къ тому общему заключенію, что сущности вещества мы не знаемъ. Не смотря на всѣ великіе успѣхи въ области естествознанія, до настоящаго времени человѣку не удалось проникнуть во внутренній механизмъ природы настолько, чтобы для него открылись какія либо абсолютно первичныя основы ея. Да и въ будущемъ нельзя надѣяться, чтобы естествознаніе дало какое либо рѣшеніе вопроса объ этихъ основахъ, потому что это рѣшеніе лежитъ за предѣлами опыта. Что касается философіи, то относительно первоначальнаго строенія вещества въ ней мы встрѣчаемъ одни бездоказательныя и часто совсѣмъ произвольныя предположенія. Для философіи было бы, конечно, очень важно утвердить то положеніе, что матерія въ основѣ своей единична и что различныя тѣла, насъ окружающія, суть различныя проявленія этой единичной ма-

теріи; этотъ взглядъ наиболѣе соответствовалъ бы основному стремленію философскаго мышленія сводить все разнообразное къ единству высшаго начала. Но строгая наука до сихъ поръ знаетъ только о *различныхъ* такъ называемыхъ простыхъ тѣлахъ (которыя не удалось разложить на болѣе простыя) и о различныхъ ихъ соединеніяхъ, знаетъ, что эти соединенія лежатъ въ основѣ всѣхъ вещей въ природѣ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что эти простыя тѣла не могутъ считаться послѣдними элементами вещей, потому что они дѣлимы и разнообразны, слѣд., условны и такимъ образомъ предполагаютъ свое обуславливающее начало. Но еще болѣе несомнѣнно, что это высшее обуславливающее начало для всѣхъ явленій матеріальнаго міра нельзя предполагать въ какихъ либо элементахъ самого этого міра. Нельзя допустить, чтобы эти элементы, каковы бы они ни были, взаимно сами себя обуславливали и сами своимъ взаимодействіемъ сообщали сложному многому единство бытія и дѣйствія. Всякое сложное бытіе вообще не можетъ имѣть безусловной природы, потому что сложное не можетъ опредѣлять себя къ дѣйствию, какъ самобытное начало, такъ какъ его дѣятельность есть совокупность актовъ его элементовъ. Отсюда всякое взаимодействіе среди многаго необходимо предполагаетъ дѣйствіе *единого*. И такъ какъ это *единое* не можетъ заключаться въ самомъ взаимодействіи многаго, то оно можетъ быть мыслимо только какъ трансцендентное по отношенію къ нему начало, т. е. нужно представлять, что взаимодействующее множество находится въ зависимости отъ одного высшаго всеобъемлющаго существа, которое сообщаетъ единство этому многому, которое потому и должно быть мыслимо опредѣляющимъ его началомъ.

Матеріализмъ, какъ извѣстно, абсолютное начало физическаго бытія ищетъ въ самомъ этомъ бытіи — въ предполагаемыхъ въ его основѣ атомахъ. Признавая абсолютнымъ конечное бытіе, матеріализмъ вноситъ въ міръ абсолютный случай, какъ его послѣднее объясненіе. Въ самомъ дѣлѣ, признавая единственною истинною реальностію атомы, которыя, служа причиной всему, сами для себя никакой причины не имѣютъ,

матеріализмъ рѣшительно не въ состояніи какимъ-нибудь разумнымъ и понятнымъ образомъ объяснить, откуда сами атомы имѣютъ свои опредѣленія, отчего они ограничены? Совершенно немислимо, чтобы атомъ самъ по себѣ могъ быть причиной своихъ опредѣленій, — въ понятіи атома не только не заключается того, чтобы онъ самъ извнутри себя производилъ свои свойства, но напротивъ, онъ *предполагаетъ* ихъ, какъ необходимое условіе своего существованія. Итакъ, свойства атомовъ безпричинны, они представляютъ чистую случайность и такимъ образомъ и вселенная вся превращается въ безконечную бездну случайностей. А между тѣмъ матеріализмъ заявляетъ притязаніе на полное знаніе истинной природы вещей!

Все противорѣчіе, въ которое впадаетъ матеріализмъ, признавая безусловнымъ конечное, слишкомъ очевидно. Выходъ изъ этого противорѣчія можетъ быть только одинъ: нужно признать *условность* и слѣдовательно, *производность* всѣхъ предполагаемыхъ элементовъ реального бытія, будутъ ли то атомы, или какія-либо иныя сущности, — нужно признать для нихъ высшее единое безусловное начало. Лучшіе представители и философскаго и опытнаго знанія, дѣйствительно, и признавали это. Лейбницъ, полагая въ основѣ бытія бесчисленное множество субстанціальныхъ духовныхъ единицъ — монадъ, не признавалъ безусловности ихъ и объяснялъ стройность вселенной изъ предустановленной Богомъ гармоніи. Великій естествоиспытатель новаго времени — Ньютонъ, соглашаясь, что въ основѣ вещества могутъ существовать недѣлимые частицы — атомы, недѣлимость ихъ сводилъ къ творческому акту верховной воли: «Я считаю вѣроятнымъ, говоритъ онъ, что Богъ въ началѣ создалъ вещество въ видѣ плотныхъ, твердыхъ, непроницаемыхъ, подвижныхъ частицъ...; что эти первоначальныя частицы несравненно тверже всѣхъ пористыхъ тѣлъ, изъ нихъ состоящихъ, — даже такъ тверды, что никогда не могутъ быть раздѣлены на части, потому что никакая сила не можетъ раздѣлить то, что Богъ создалъ цѣльнымъ».

Итакъ, какъ бы мы ни представляли сущность физическаго міра, вполне несомнѣнно для насъ одно, что въ самомъ мірѣ мы не можемъ найти послѣдняго изъясненія для него, что

тотъ опредѣленный видъ бытія, который доступенъ нашему наблюденію, предполагаетъ свое высшее опредѣляющее начало, которое должно стоять выше всякихъ данныхъ границъ и опредѣленій. Слѣдовательно, этимъ началомъ можетъ быть только абсолютное и безконечное Существо.

Н. Страховъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31-го Мая № 10. 1889 года.

Содержаніе. Положеніе о стипендіи имени Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, при Сумскомъ духовномъ училищѣ.—Списокъ воспитанницъ приготовительнаго, 1-го, 2-го и 3-го классовъ Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1888/89 учебный годъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Некрологи.—Объявленія.

П О Л О Ж Е Н І Е

о стипендіи имени Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, при Сумскомъ духовномъ училищѣ, утвержденное опредѣленіемъ Св. Синода, отъ ¹⁷ ^{Апрѣля} / ⁵ ^{Маѣ} 1889 г. за № 94.

§ 1. Въ Сумскомъ духовномъ училищѣ съ 1 августа 1889 года, въ память построенія новаго зданія для сего училища, при особой попечительности о семъ Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, на % съ капитала, пожертвованнаго духовенствомъ Сумскаго училищнаго округа, въ количествѣ двухъ тысячъ пятисотъ руб., учреждается стипендія.

§ 2. Сей стипендіи усволяется наименованіе «стипендіи Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго».

§ 3. Правомъ на означенную стипендію пользуются отличнѣйшіе по успѣхамъ и поведенію воспитанники училища изъ дѣтей священно и церковно-служителей, состоящихъ на службѣ по епархіальному вѣдомству въ Сумскомъ училищномъ округѣ.

§ 4. Избраніе достойнѣйшаго стипендіата принадлежитъ правленію училища на общемъ основаніи.

§ 5. Избранный правленіемъ училища стипендіатъ состоитъ въ училищномъ общежитіи и правомъ на полученіе денегъ при помѣщеніи въ наемной квартирѣ не пользуется.

§ 6. Стипендіатъ имени Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія пользуется полнымъ содержаніемъ отъ училища наравнѣ съ новооптными воспитанниками заведенія.

§ 7. Ежегодный остатокъ отъ содержанія стипендіата, которое обходится въ настоящее время въ 100 рублей, не расходуется, а причисляется къ стипендіатскому капиталу, для увеличенія стипендіи по требованію обстоятельствъ.

С П И С О К Ъ

воспитанницъ приготовительнаго, 1, 2 и 3 классовъ Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1888—89 учебный годъ.

Приготовительнаго класса.

А) Удостоены перевода въ 1-й классъ.

1. Арефьева Марія, Ведринская Софья, Вербицкая Марія, Ветухова Анна, 5. Воскобойникова Клавдія, Гончаревская Александра, Жукова Ирина — награжд. похвальнымъ листомъ, Измайлова 1-я Екатерина, Ковалевская 1-я Александра, 10. Колесникова Марія, Копѣйчикова Анастасія — награжд. похвальнымъ листомъ, Крыжановская Анастасія, Любарская 1-я Анна, Любарская 2-я Марія, 15. Любарская 3-я Юлія — награжд. похвальнымъ листомъ, Мартиновичъ Вѣра, Маяцкая Матрона — награжд. похвальнымъ листомъ, Мухина Марія, Макаровская Марія, 20. Назаревская Вѣра, Николаевичъ Александра — награжд. похвальнымъ листомъ, Невдарова Анна, Петрова 1-я Зиновія, Петрова 2-я Вѣра, 25. Попова Антонина, Приходькова Анна, Рокитянская Евгенія, Ревская Анна — награжд. похвальнымъ листомъ, Реутская Марія, 30. Рубинская Анастасія, Руднева Евдокія, Стефановская Евдокія — награжд. похвальнымъ листомъ, Титова Ларисса — награжд. похвальнымъ листомъ, Толмачева Людмила, 35. Троянова Александра, Чудновская Нина — награжд. похвальнымъ листомъ, Юшкова 1-я Антонина, Юшкова 2-я Евгенія, Яновская Клавдія, 40. Ѳедорова 1-я Антонина. Ѳедорова 2-я Валентина.

б) Будутъ переведены въ 1-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

По ариѳметикѣ: Лобковская Софья, Малярова Іуліанія, Ѳедоровская Вѣра, 45. Иннобова Таисія, Ковалевская 2-я Антонина,

Любитцкая Дарія, Ѳомина Пелагія, Проскурникова Ольга—по русскому языку.

в) *Оставляется въ приготовительномъ классѣ на повторительный курсъ по малолетности и малоразвитости.*

50. Измайлова 2-я Надежда.

г) *Оставляется въ приготовительномъ классѣ на повторительный курсъ, какъ не явившаяся въ училище въ продолженіе цѣлаго года по болѣзни.*

Твердохлѣбова Александра.

д) *Увольняется изъ училища, какъ неспособная къ продолженію ученія.*

Рогальская Неонилѣ.

ПЕРВАГО КЛАССА.

А) Удостоены перевода во 2-й классъ.

1. Березовская Марія, Бугуцвая Анна, Бѣлоусова Калисфенія, Василевская Антонина, 5. Власова Клавдія, Гревезирская Марія, Григоренко Екатерина, Дейнеховская Марія, Дмитріева Дарія, 10. Добрецкая Анна, Доброницкая Агриппина, Жуевская Александра — награжд. похвальнымъ листомъ, Исиченкова Варвара, Ковалева Александра, 15. Крыжановская Елена, Мирводина Дарія—награжд. похвальнымъ листомъ, Навродская Елена, Назаревская Валентина, Одинцова Екатерина, 20. Петрова Любовь — награждена похвальнымъ листомъ, Полтавцева Клеопатра, Пошировская Валентина, Пономарева Евдокія, Подольская Дарія, 25. Приходькова Софья—награжд. похвальнымъ листомъ, Полницкая Елисавета, Пузовская Анастасія, Реутская Софья, Рубинская Анастасія, 30. Сокальская Вѣра, Сѣбирская Ларисса—награжд. похвальнымъ листомъ, Твердохлѣбова Александра, Торанская 1-я Марія, Торанская 2-я Екатерина—награжд. похвальнымъ листомъ, 35. Торанская 4-я Лидія, Труфанова Любовь, Шишлова Анна—награжд. похвальнымъ листомъ, Чернявская Валентина, Юшкова Антонина—награжд. похвальнымъ листомъ, 40. Яновская Евфросинія.

б) Будутъ переведены во 2-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

По русскому языку: Рудинская Наталія, Ѳедорова Марія; Найдовская Неонилѣ—по церковному пѣнію; по арифметикѣ: Титова

Евдокія, 45. Васильковская Надежда, Дахнѣвская Анна, Дюкова Елена, Измайлова Аполлинарія, Кутенова Анастасія, 50. Торанская 3-я Дарія.

в) Оставляется въ 1-мъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности и малоразвитости.

Линицкая Елисавета.

г) Увольняются изъ училища, а) какъ неспособная къ продолженію ученія:

Попова Іуліанія.

и б) По просьбѣ отца.

Грекова Іуліанія.

ВТОРАГО КЛАССА.

А) Удостоены перевода въ 3-й классъ:

1. Баженова Софья, Богославская Маріонилла, Быковцева Мелетина, Бѣликова Антонина, 5. Ведринская Марія, Вышемірская Анастасія, Григоревичъ Антонина, Дюкова Анна, Ерофалова Надежда, 10. Жукова Целагія, Заводовская Евдокія, Измайлова Марія — награждена похвальнымъ листомъ, Иннокова Елена, Капустянская 1-я Анна, 15. Капустянская 2-я Анастасія — награждена похвальнымъ листомъ, Климентова Марія, Краснокутская Антонина, Кузнецова Елена, Насѣдкина 1-я Надежда, 20. Насѣдкина 2-я Евгенія, Оглоблина Анна — награжд. похвальнымъ листомъ, Оптовцева Любовь, Павлова Марія, Пономарева 1-я Анна (Поликарп.), 25. Попова 1-я Евгенія, Попова 2-я Евдокія, Проскурникова Елисавета, Раковская Евгенія, Рокитянская Домника, 30. Салухина Александра, Северинова Софья — награждена похвальнымъ листомъ, Татарина Елена, Толмачева Наталія — награждена похвальнымъ листомъ, Торанская Варвара, 35. Ястремская Серафима, Ѳеденю Евфросинья — награжд. похвальнымъ листомъ, Ѳедорова 1-я Вѣра (Васильев.), Ѳедорова 2-я Вѣра (Георг.), Ѳедоровская 1-я Марія.

б) Будутъ переведены въ 3-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

По ариѳметикѣ: 40. Ермолаева Александра, Ѳедоровская 2-я Екатерина, Базилевичъ Антонина, Виноградская Мавра, Сергіевская Марія, 45. Владыкова Клавдія — по русскому языку.

в) *Пономаревой 2-й Аннѣ (Иван.), какъ не державшей экзамены по всѣмъ предметамъ по-болѣзни, предоставляется право держать таковой послѣ канікулъ.*

г) *Оставляется во 2-мъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности и малоразвитости.*

Любицкая Марія.

д) *Увольняется изъ училища, какъ неспособная къ продолженію ученія.*

Стефановская Варвара.

ТРЕТЬЯГО КЛАССА.

А) Удостоены перевода въ 4-й классъ:

1. Аристова Вѣра, Березовская Антонина, Василевская Екатерина, Воскобойникова Марія, 5. Дейнеховская 1-я Елисавета—награждена похвальнымъ листомъ, Жданова Варвара, Жукова Анна—награждена похвальнымъ листомъ, Котлярова Анна, Крутьева Екатерина, 10. Курасовская Анна—награждена похвальнымъ листомъ, Линицкая Софья, Литкевичъ Анна, Макухина Капитолина, Матвѣева Александра, 15. Носова 1-я Марія, Петрова Александра. Попова 3-я Евдокія—награждена похвальнымъ листомъ, Попова 4-я Лидія (Григор.), Рубинская Антонина, 20. Склярова Глафира, Твердохлѣбова Софья, Трегубова Марія, Троянова Екатерина, Чернявская Александра, 25. Чугаева Ольга, Шишлова 2-я Дарія—награждена похвальнымъ листомъ, Эвенхова Евдокія, Энеидова Александра—награждена похвальнымъ листомъ, Якубовичъ Анна.

б) *Будутъ переведены въ 4-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ канікулъ.*

По церковному пѣнію: 30. Шишлова 1-я Антонина, Садухия Софья, Попова 2-я Ольга, Красина Анна, Попова 1-я Лидія (Никол.). По сочиненію и церковному пѣнію: 35. Васютинна Дарія, Попова 5-я Евгения, Данталь Юлія—по русскому языку и церковному пѣнію. По ариѳметикѣ: Крыжановская Антонина, Носова 2-я Антонина.

в) *Оставляются въ 3-мъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности и малоразвитости.*

40. Уманцева Елена и Дейнеховская 2-я Антонина.

Епархіальныя извѣщенія.

Настоятель Старобѣльскаго Покровскаго собора, священникъ Іоаннъ *Касьяновъ* возведенъ въ санъ протоіерея.

— Псаломщикъ Архангело-Михайловской церкви с. Павловокъ Сумскаго уѣзда Николай *Мощенко* рукоположенъ во священника при Іоанно Богословской церкви с. Большой Чернетчины, Сумскаго уѣзда.

— Временно и. д. псаломщика Евменій *Прокофьевъ* утвержденъ штатнымъ псаломщикомъ при Архангело-Михайловской церкви с. Ольховаго-Рога, Изюмскаго уѣзда.

— Богодуховскаго уѣзда с. Козѣвки Покровской церкви псаломщикъ Михаилъ *Лебединскій* уволенъ, согласно прошенію, заштатъ, а на его мѣсто опредѣленъ сынъ священника Павелъ *Потановъ*.

— На праздное псаломщицкое мѣсто къ Константино-Еленовской церкви Харьковскаго Дѣтскаго приюта опредѣленъ окончившій курсъ въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ, псаломщицкій сынъ Арсеній *Доброникій*.

— Псаломщикъ Троицкой церкви с. Михайловки Валковскаго уѣзда Александръ *Свистановъ* опредѣленъ на причетническое мѣсто въ сл. Минковку.

— Діакопскій сынъ Филиппъ *Аксенковъ* опредѣленъ на псаломщицкую должность при церкви с. Михайловки Валковскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: Валковскаго уѣзда с. Михайловки Троицкой церкви крест. Евстафій Артемьевъ *Дорошъ*, на первое трехлѣтіе; города Валокъ, Благовѣщенской церкви, крест. Романъ Ивановъ *Гребенникъ*, на первое трехлѣтіе; Зміевскаго уѣзда с. Алексѣевки Троицкой церкви мѣщ. Александръ *Кожуховъ*, на первое трехлѣтіе; Изюмскаго уѣзда: Царнице-Александровской с. Богодарова землев. кап. Андрей Ивановъ *Плещеевъ* на 4-е трехлѣтіе; Успенской церкви сл. Барвенковой крест. Захарій *Ищенко* на первое трехлѣтіе; Іоанно-Предтечевской церкви сел. Ново-Павловки дѣйств. стат. сов. Симонъ Манунловъ *Арширопуло*; крест. Яковъ Никитицъ *Герашенко* къ Архангело-Михайловской церкви с. Журавнаго Ахтырскаго уѣзда; мѣщ. Петръ Ивановъ *Эфросъ* къ Троицкой церкви сл. Боромли Ахтырскаго уѣзда; къ церкви сл. Молодой Волчанскаго уѣзда крест. Василій *Сапаневъ*; къ церкв. сл. Малой Волчьей того же уѣзда унт.-оф. Димитрій *Товстолугъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Высочайшія назначенія.—Высочайшій рескриптъ председателю комитета министровъ.—Извѣстія изъ Сербіи.—Римско-католическая пропаганда въ Болгаріи.—Братство Пресвятыя Богородицы.—Вопросъ объ отпускѣ дѣла духовенству изъ казенныхъ дачъ.—Участіе земскихъ врачей въ школьномъ дѣлѣ.—Миссіонерскія школы въ епархіяхъ съ раскольниковымъ населеніемъ.—Православные монастыри въ Финляндіи.—Распространеніе христіанства среди сибирскихъ киргизовъ.—Миссіонерство въ донской епархіи.—О церковно-приходскихъ школахъ.—Расширеніе дѣятельности Палестинскаго общества.—Философскій журналъ.—Сборъ въ пользу слѣпыхъ.—Причина развитія безпоповщинской секты въ народѣ.—Правильная постановка проповѣди и виѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ приходяхъ, зараженныхъ расколомъ.—Причина развитія штундизма и безнравственности въ народѣ.—Сельско-хозяйственныя занятія въ училищахъ.—Ремесленныя заведенія для дѣтей духовенства.—Изобрѣтеніе крестьянина.—Признательность прихожанъ своему пастырю.—Новый министръ.—Условія для переселенія крестьянъ на свободныя земли Государева-Мургабскаго имѣнія въ средней Азіи.—Замѣчательный случай изъ раскола.—Сила молитвы и примѣръ благотворенія.—Дѣятельность археологической комиссіи.—Замѣчательный инокъ.—Что и какъ читаетъ народъ.

Именными Высочайшими указами 6 мая назначены: Наслѣдникъ Цесаревичъ—членомъ государственнаго совѣта и комитета министровъ; Великій Князь Константинъ Константиновичъ—президентомъ академіи наукъ.

Общегражданское совершеннолѣтіе Государя Наслѣдника Цесаревича и состоявшіеся Высочайшіе указы о назначеніи Его Императорскаго Высочества членомъ Государственнаго совѣта и комитета министровъ нашли откликъ въ печати. Оба эти событія—читаемъ въ одной газетной замѣткѣ—стоятъ въ очевидной связи между собою, но надобно замѣтить, что по нашимъ законамъ Наслѣдникъ престола не пользуется этими званіями по праву рожденія. Слѣдовательно, назначеніе Его Высочества членомъ Государственнаго совѣта и комитета министровъ есть не простая формальность. Это назначеніе получаетъ еще большую важность, если принять во вниманіе, что со времени учрежденія Государственнаго совѣта, какъ и комитета министровъ, въ числѣ членовъ этихъ высшихъ государственныхъ установленій нашихъ впервые появляется Наслѣдникъ Русскаго престола. Этимъ знаменательнымъ фактомъ связано чрезвычайно много. Достигнувъ общегражданскаго совершеннолѣтія, Наслѣдникъ Цесаревичъ призывается на высокую чреду государственнаго служенія Россіи въ такихъ званіяхъ, которыя ставятъ его, такъ сказать, въ центрѣ законодательной и административной дѣятельности правительства и тѣмъ самымъ даютъ ему не только

возможность, но и одинъ изъ надежнѣйшихъ способовъ познакомиться какъ съ механизмомъ государственнаго управленія, такъ и съ потребностями страны, съ положеніемъ различныхъ отраслей государственной дѣятельности, наконецъ, и съ людьми, въ живомъ соотношеніи которыхъ получаетъ свое реальное содержаніе правительственная дѣятельность. Нѣтъ надобности прибавлять, что это прекрасная практическая школа для подготовки Наслѣдника Престола нашей обширной имперіи къ ожидающимъ его впереди сложнымъ и труднымъ обязанностямъ.

Въ другой статьѣ по тому же поводу говорится: Въ настоящую важную минуту, при видѣ начинающаго свое государственное служеніе Наслѣдника Престола, всѣ помыслы невольно обращаются къ таинственной завѣсѣ, скрывающей отъ насъ отдаленныя судьбы отечества: вполне уместно, поэтому, оглянуться на прошлое, чтобы почерпнуть въ немъ опору для тѣхъ добрыхъ пожеланій, которыя вполне естественно скажутся теперь во всѣхъ сердцахъ.

Имена Владиміра Святого и Владиміра Мономаха—таковы два государственныхъ свѣточа древней Руси, которые первые потрудились въ великомъ дѣлѣ приобщенія русскаго народа къ всемирной, вселенской религіи, къ общечеловѣческой нравственности и къ общей образованности. Татарское иго, возложивъ на русскій народъ тяжкій крестъ борьбы съ азіатскимъ варварствомъ, надолго сдвинуло Россію съ этого пути, но создало тѣхъ «собрателей Руси», которые отстаивали нашу государственность. Съ Петра Великаго начинается та новая эра сближенія съ общечеловѣческой цивилизаціей, которая съ небольшими перерывами продолжается до нашихъ дней, выдвинула Россію на степень могущественнѣйшихъ государствъ Европы, поставила ее на первое мѣсто въ средѣ славянскихъ народовъ, открыла ей великую миссію просвѣщенія Азіи и дала столь быстрое и славное развитіе умственнымъ ея силамъ на поприщѣ науки, литературы и искусства и всѣхъ отраслей промышленнаго труда. Эта новая эра, имѣющая преемственную связь съ лучшими стремленіями и приобрѣтеніями древняго Кіева и Новгорода, внесла въ исторію и въ благодарную память народа, именно, тѣхъ государей, государственныхъ людей и общественныхъ дѣятелей, которые, оставшись вѣрными завѣтамъ Петра Великаго, слѣдовали по пути, указанному его геніемъ, оцѣненнымъ всѣмъ просвѣщеннымъ міромъ. Имена Екатерины II и Александра II, такъ плодотворно потрудившихся надъ бытовымъ, общественнымъ и государственнымъ обновленіемъ и ростомъ Россіи, всегда будутъ

читаться какъ продолжателей великихъ дѣяній родоначальника новой Россіи.

Старые, извѣданные, плодотворные пути, такимъ образомъ, передъ нашими глазами. Ближайшее ознакомленіе съ государственными дѣлами и съ разными сторонами современной жизни откроетъ дѣйствительную цѣнность нашихъ историческихъ путей пытливому уму начинающаго свое государственное поприще Наслѣдника Цесаревича.

— Отъ 13 мая с. г. послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ предсѣдателю комитета министровъ. Божественный Промыслъ чудесно спасъ Меня, Императрицу и дѣтей нашихъ отъ неотвратимой гибели въ день крушенія поѣзда 17 октября 1888 г. Къ единодушному и глубокému чувству благодарности, соединившему всѣхъ русскихъ людей въ благоговѣйную молитву къ Богу, присоединилось горячее желаніе знать причины несчастія, одна мысль о коемъ возбуждала всеобщій ужасъ. Нынѣ предварительнымъ объ этомъ событіи слѣдствіемъ обнаружено, что онѣ коренятся въ нерадѣніи и неосторожности должностныхъ лицъ не только частной, но и государственной службы, и въ ослабленіи у послѣднихъ сознанія своего служебнаго долга, обязывающаго ихъ къ неуклонной бдительности при употребленіи ввѣренной имъ власти.

Въ общемъ порядкѣ теченія дѣлъ слѣдственное производство надлежало бы обратить къ разсмотрѣнію уголовного суда для преслѣдованія лицъ, подлежащихъ обвиненію. Но совершившееся надъ Нами дивное явленіе милости Божіей, посреди всеобщей неосторожности и въ отсутствіи человѣческаго предвидѣнія,—побуждаетъ Меня въ настоящемъ случаѣ усматривать грозное внушеніе свыше каждому изъ поставленныхъ на дѣло начальствъ вѣрно соблюдать долгъ своего званія. Посему, признавъ возможнымъ обратъ Монаршее милосердіе на обвиняемыхъ по дѣлу о крушеніи, Я положилъ: 1) судебное производство по сему дѣлу прекратить; 2) министру путей сообщенія войти въ разсмотрѣніе обнаруженныхъ слѣдствіемъ неправильныхъ дѣйствій и упущеній по службѣ должностныхъ лицъ, обвиняемыхъ по сему слѣдствію, для наложенія дисциплинарнымъ порядкомъ слѣдующихъ на нихъ взысканій в дѣла устраниенія на будущее время безпорядковъ въ отправленіи службы, на нихъ возложенной.

Произведеннымъ по сему дѣлу изслѣдованіемъ собраны многочисленные данныя, свидѣтельствующія о неудовлетворительномъ состояніи курско-харьково-азовской желѣзной дороги. Всѣ эти свѣ-

дѣнія не могутъ и не должны остаться въ забвеніи: въ нихъ главное начальство, вѣдающее пути сообщенія, найдетъ важныя указанія для принятія соотвѣтственныхъ мѣръ къ устраненію не только на упомянутой, но и на другихъ желѣзно-дорожныхъ линіяхъ, беспорядковъ, неустройствъ и хозяйственныхъ упущеній, вредящихъ безопасности движенія и нарушающихъ правильнѣйшій ходъ желѣзнодорожной службы. Для сего всѣ содержащіяся въ слѣдственномъ производствѣ указанія и свѣдѣнія, относящіяся къ сему предмету, должны быть сообщены министромъ юстиціи министру путей сообщенія.

Поручаю вамъ вышеизложенное сообщить къ исполненію подлежащимъ министрамъ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

— Коммиссія, составленная по почину сербскаго правительства для выработки программы празднествъ по случаю 500-лѣтней годовщины Коссовской битвы, уже окончила свои занятія. 14 іюня по всей Сербіи будетъ отслужено всенощное бдѣніе. Король, регенты, министры и всѣ высшіе чины соберутся въ Крушевицѣ. 15 іюня повсемѣстно будетъ отслужена литургія и панихида по всѣмъ погибшимъ въ Коссовской битвѣ. Въ тотъ же день въ 5 часовъ пополудни произойдетъ торжественная закладка памятника. На другой день король выѣзжаетъ въ Жичу и по пути посѣтитъ Любостинью. 14 и 15 по всей Сербіи воспрещаются какія бы то ни было увеселенія. 19 будетъ отслужено всенощное бдѣніе въ Жичскомъ монастырѣ, а 20 іюня тамъ же муропомазаніе короля Александра I.

Крушевацъ—древняя столица царя Лазаря. Отсюда вышелъ онъ на Коссовскую битву. До сихъ поръ сохранились въ городѣ «кула Лазарева» (балія Лазаря) и церковь Лазаря, подвергшаяся многимъ перестройкамъ. Крушевацъ лежитъ въ разстояніи трехъ километровъ отъ Моравы въ чрезвычайно живописной мѣстности. Онъ славится своимъ табакомъ.

Жичскій монастырь лежитъ близъ города Кральева. Здѣсь долгое время жилъ Св. Савва и въ 1220 году короновалъ брата своего Стефана первымъ королемъ сербскимъ. Отсюда Стефанъ получалъ прозваніе первовѣнчаннаго. Въ Жичѣ короновались еще семь сербскихъ королей. Каждый изъ нихъ пристраивалъ новыя ворота, отчего Жичскій монастырь называется семивратнымъ. По преданіямъ это былъ красивѣйшій и богатѣйшій сербскій монастырь,

но турки разграбили и разрушили его. Только въ 1856 г. сербы его вновь обстроили.

Любостинья тоже древній монастырь. Здѣсь похоронена царица Милица, супруга царя Лазаря. Это одинъ изъ наилучше сохранившихся сербскихъ памятниковъ. До сихъ поръ можно видѣть гробницу царицы Милицы, а равно и древній портретъ ея. Строилъ монастырь извѣстный сербскій зодчій Рада Боровичъ, воспѣтый затѣмъ въ народныхъ пѣсняхъ. Въ настоящее время сербскія дамы заняты изготовленіемъ вѣна, который будетъ возложенъ на гробницу царицы Милицы.

Такъ какъ Жичскій монастырь не можетъ вмѣстить массу народа, которая соберется на празднества короля, всѣ приглашенные будутъ помѣщаться въ городѣ Кралевѣ. По дорогѣ изъ Крушевца въ Кралеву король Александръ заложитъ новый пороховой заводъ на рѣкѣ Расинѣ.

Вся Сербія съ восторгомъ привѣтствовала рѣшеніе правительства достойнымъ образомъ помянуть Коссовскую битву. Изъ Босніи и Герцеговины и изъ другихъ сербскихъ земель получаютъ извѣстія о прибытіи къ этому дню многихъ депутацій. Празднество усугубляется еще тѣмъ, что муропомазаніе совершитъ митрополитъ Михаилъ.

Вообще въ послѣднее время въ Сербіи замѣчается сильный подъемъ національнаго духа. Послѣ всѣхъ униженій, которыя претерпѣла страна за время правленія Милана, сербы ищутъ теперь утѣшенія въ славной своей исторіи. Каждый городецъ, каждое село наперерывъ стараются почтить память своихъ героев. Даются концерты и вечера, сборъ съ воиновъ предназначается на постановленіе памятниковъ или другія патріотическія цѣли.

20 іюня въ Жичскомъ монастырѣ должно произойти помазаніе короля Александра. По словамъ газеты «Одъевъ», король прибудетъ туда вмѣстѣ съ регентами, министрами, членами правительства, архіереями, предсѣдателемъ (или его товарищемъ) послѣдней великой народной скупщины, предсѣдателемъ кассационнаго суда, депутаціями изъ духовныхъ, гражданскихъ и волостныхъ чиновъ, представителями разныхъ учреждений и обществъ.

Наканунѣ помазанія король будетъ принимать въ утренней аудіенціи всѣ депутаціи; вечеромъ того же дня назначено въ Жичскомъ монастырѣ всенощное бдѣніе. Утромъ слѣдующаго дня, 20 іюня, въ монастырѣ отслужена будетъ архіерейскимъ служеніемъ литургія, во время которой и будетъ совершенъ обрядъ помазанія. Всѣ

присутствующія при помазаніи лица должны быть въ роскошныхъ праздничныхъ національныхъ костюмахъ; на площади предъ монастыремъ будутъ стоять войска. Въ моментъ самаго помазанія будутъ произведены 101 пушечный выстрѣлъ повсюду, гдѣ есть войска и орудія; кромѣ того, во всей странѣ будетъ раздаваться колокольный трезвонъ въ церквахъ и монастыряхъ. По окончаніи обряда муропомазанія, въ специально устроенномъ павильонѣ предъ Жичскимъ монастыремъ король будетъ принимать поздравленія, а потомъ всѣ войска находящіяся въ Жичи пройдутъ предъ королемъ церемоніальнымъ маршемъ. Послѣ полудня того же дня начнутся въ Кралевѣ, ближайшемъ къ монастырю городѣ, народныя празднества. Вечеромъ назначено факельное шествіе въ честь короля; всѣ пѣвческія общества, составивъ общій соединенный хоръ, будутъ распѣвать предъ помѣщеніемъ короля пѣсни патриотическаго содержания. Когда же окончательно стемнѣетъ, всѣ города сербскаго королевства, согласно выработанной программѣ торжествъ, будутъ роскошно иллюминированы.

На другой день, 21 іюня, король и всѣ сопровождающія его лица возвратятся въ Бѣлградъ, а затѣмъ вскорѣ, по словамъ газеты «Гласъ Народа», король предприметъ путешествіе по внутреннимъ мѣстностямъ страны, и потомъ отправится въ замокъ Иванги, въ Пресбургъ, для свиданія со своею матерью, королевою Наталіей. («М. В.»).

— Пользуясь жалкимъ положеніемъ Болгаріи, римско-католическая пропаганда дѣйствуетъ тамъ все усиленнѣе и смѣлѣе, тѣмъ болѣе, что находитъ вліятельнаго пособника себѣ въ самозванномъ князѣ. Особенно усиленную дѣятельность проявляетъ тамъ монашескій орденъ воскресенцевъ или такъ называемыхъ «змартвых-встанцевъ», т. е. какъ бы воскресшихъ іезуитовъ. Пропегандисты основываютъ школы и гимназіи и успѣшно закидываютъ сѣть для уловленія православныхъ душъ. Теперь они имѣютъ тамъ реальное училище, гимназію и духовную семинарію, и отсюда они направляютъ свои взоры на Македонію, которая, въ виду притѣсненія болгарскаго элемента греками, представляетъ для ихъ дѣятельности пока очень удобную почву. Какъ орудія патеровъ являются ихъ же воспитанники, кончившіе у нихъ гимназію или духовную семинарію. Въ этомъ году исполнилось 25 лѣтъ съ того времени (1863), какъ въ Болгаріи поселились эти патеры миссіонеры, и «болгарско-католическо-учебно заведеніе» составляетъ въ настоящее время обзорнѣе своей 25-лѣтней въ этой странѣ дѣятельно-

сти. «Учебное заведеніе» уже и отпраздновало этотъ юбилей одновременно съ годичнымъ актомъ въ змартвыхвстанской гимназіи, учительскій персоналъ которой состоитъ почти изъ однихъ поляковъ. Не лишне замѣтить, что миссіонеры постоянно употребляютъ болгарскій языкъ, служатъ литургію на одномъ только славянскомъ языкѣ, не брѣютъ бороды, употребляютъ славянскую печать «Общество Воскресенія Господа нашего Іисуса Христа», но все-таки подъ этою личиною вроеся католическій папскій духъ, и сами себя они считаютъ не болгарскими униатами, но католиками и свое заведеніе не униатскимъ, но прямо «болгаро-католическо-учебно заведеніе».

— 15 мая, какъ сообщаютъ петербургскія газеты, въ квартирѣ оберъ-прокурора Св. Синода, К. П. Побѣдоносцева, состоялось послѣднее предъ лѣтнимъ перерывомъ собраніе членовъ Братства Пресв. Богородицы. Большая бѣлая зала и смежныя съ нею комнаты были полны. Въ числѣ присутствовавшихъ были: козыня К. П. Побѣдоносцевъ, министръ народнаго просвѣщенія графъ И. Д. Деляновъ, управляющій канцеляріей Св. Синода В. К. Саблеръ, директоръ публичной библіотеки А. Θ. Бычковъ, много другихъ высокопоставленныхъ лицъ и представителей духовной іерархіи; изъ высшихъ духовныхъ лицъ присутствовали: архіепископы Алексій Литовскій и Нибаноръ Одесскій и епископы Владиміръ Нарвскій, Митрофанъ Ладожскій и Антоній ректоръ духовной академіи. Предъ началомъ засѣданія было отслужено торжественное молебствіе, совершенное соборнѣ преосвященнымъ Митрофаномъ въ сослуженіи съ двумя архимандритами Александро-Невской лавры и двумя протоіереями. Молебенъ начался пасхальнымъ пѣніемъ; духовенство было въ бѣлыхъ, праздничныхъ ризахъ. Пѣлъ братскій хоръ стариннымъ кievскимъ распѣвомъ. Засѣданіе было открыто рѣчью предсѣдателя, преосвященнаго Митрофана, сообщившаго собранію о расширяющейся дѣятельности Братства. Цѣль Братства — забота о церковно-приходскихъ школахъ. Существующія школы уже дали прекрасные результаты, грамотность развивается въ народѣ и народъ относится къ ней съ большимъ сочувствіемъ. Ревизіи школъ показали, что сѣрый людъ радъ тому, что его дѣти получаютъ религіозно-нравственное просвѣщеніе. Старикъ съ удовольствіемъ слушаетъ какъ ихъ дѣти читаютъ Священное Писаніе. Это даетъ возможность Братству разсчитывать и въ будущемъ на такіе же успѣхи. Правительственныя мѣропріятія усилили значеніе церковно-приходскихъ школъ, и народъ всею душой откликается на нихъ съ бла-

годарностью. Въ виду того, что экзамены въ школахъ совпадаютъ съ годичнымъ общимъ собраніемъ, совѣтомъ рѣшено на будущее время представлять годовой отчетъ въ первомъ засѣданіи учебного года, а не въ послѣднемъ, какъ велось до настоящаго времени.

— По словамъ «Сына Отечества» министерство государственныхъ имуществъ, въ видахъ содѣйствія улучшенію матеріальнаго положенія православнаго духовенства, признало нужнымъ выработать правила объ отпускѣ духовенству лѣса изъ казенныхъ дачъ. Предполагается предоставить духовенству право бесплатно пользоваться лѣсомъ во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, по хозяйственнымъ соображеніямъ управленія, это окажется возможнымъ безъ истощенія казенныхъ дачъ и безъ нарушенія лѣснаго устава.

— Въ «Русскихъ Вѣд.» сообщается слѣдующее, не лишнее интереса извѣстіе, касающееся начальныхъ школъ. Казанское губернское собраніе, въ послѣдней очередной сессіи, возбудило ходатайство предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о допущеніи земскихъ врачей къ участию въ засѣданіяхъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ при обсужденіи вопросовъ, касающихся санитарно-гигіеническаго состоянія народныхъ школъ. На ходатайство это послѣдовалъ отзывъ г. министра, что со стороны его не встрѣчается препятствій къ приведенію въ дѣйствіе означенной мѣры въ Казанской губерніи съ тѣмъ, чтобы приглашеніе врачей къ присутствованію въ училищныхъ совѣтахъ зависѣло отъ предсѣдателей совѣтовъ и чтобы, въ случаѣ невозможности для земскаго врача прибыть въ засѣданіе совѣта, обстоятельство это не служило препятствіемъ къ признанію засѣданія совѣта состоявшимся.

— Святѣйшимъ Синодомъ разрѣшено устраивать въ епархіяхъ съ раскольниковымъ населеніемъ миссіонерскія школы для крестьянскихъ мальчиковъ изъ приходовъ зараженныхъ расколомъ, для подготовленія ихъ къ миссіонерской дѣятельности, по образцу училища, устроеннаго въ городѣ Вяткѣ протоіереемъ о. С. Кашненскимъ.

— Извѣстно, что финляндскіе сепаратисты зашли въ своей дерзости такъ далеко, что даже стали притѣснять православные монастыри, пользующіеся громадною извѣстностью и уваженіемъ со стороны всего русскаго народа. Преображенскій-Валаамскій и Рождественскій-Коневскій монастыри желали приобрести въ Выборгской губерніи небольшіе участки земли на берегу, чтобъ имѣть возможность вести здѣсь кое-какое хозяйство. Однако, финляндская администрація рѣшительно воспротивилась этому, и ни одно

присутственное мѣсто, ни одинъ мѣстный нотаріусъ не соглашались утвердить купчую крѣпость. Монастыри принесли жалобу на притѣсненія финляндцевъ и, какъ мы слышали, справедливое ходатайство Валаама и Коневца удовлетворено; всѣ необходимые акты по пріобрѣтенію монастырями земли будутъ утверждены помимо желаній разныхъ свеномановъ. Нельзя не порадоваться такому обороту дѣла, грустно бы было, если бы дѣла православныхъ святынь стали зависѣть отъ зазнавшихся враговъ русской государственной идеи.

— Въ «Московскихъ Церковн. Вѣдом.» постоянно печатаются отчеты нашихъ миссіонеровъ, иногда интересные и поучительные.

Такъ, въ послѣднемъ номерѣ «Вѣдомостей» сообщенъ отчетъ за минувшій годъ о миссіонерской дѣятельности среди сибирскихъ киргизовъ о. Синьковскаго.

Почтенный миссіонеръ, сѣтуя о слабомъ распространеніи истиннъ христіанскаго ученія среди крещенныхъ киргизовъ, указываетъ на то, что хотя въ настоящее время въ средѣ киргизской миссіи и въ русскихъ поселкахъ начинается пробужденіе сознанія, по крайней мѣрѣ, въ не излишествѣ помогать дѣлу распространенія христіанства среди киргизовъ, живущихъ у русскихъ, простымъ предложеніемъ имъ принять вѣру Христову, но, къ сожалѣнію, дѣло это обыкновенно начинается съ конца: киргизу предлагаютъ прямо креститься, не сказавши ему предварительно ни слова о Христѣ и вѣрѣ въ Него, тогда какъ вѣроученіе должно предшествовать предложенію креститься, хотя бы это ученіе выражалось и въ немногихъ словахъ. Оттого-то русскіе, на предложеніе свое киргизамъ креститься, получаютъ отъ послѣднихъ нерѣдко отвѣтъ: «развѣ не все равно, что быть крещенымъ, что не крещенымъ», — отвѣтъ, свидѣтельствующій о полномъ невѣдѣніи Христовой вѣры.

— Миссіонерство въ Россіи не особенно успѣваетъ пока частію по незначительности числа людей, отдающихся этому дѣлу ради идеи, частію по малой обезличенности миссіонеровъ. Въ послѣднемъ отношеніи важный шагъ сдѣланъ въ донской епархіи. Здѣсь объявлено слѣдующее постановленіе мѣстной консисторіи о правахъ и преимуществахъ лицъ, желающихъ посвятить себя на служеніе миссіонерскому дѣлу среди донскихъ калмыковъ, выработанное ею по сношенію съ совѣтомъ православнаго миссіонерскаго общества и утвержденное выкопреосвященнымъ Макаріемъ, архіепископомъ донскимъ.

Воспитанникамъ донской духовной семинаріи, изучившимъ калмыцкій языкъ, желающимъ посвятить себя на миссіонерское служеніе въ санѣ священника среди донскихъ калмыковъ въ продолженіе 20 лѣтъ, назначается въ первомъ пятилѣтіи изъ средствъ миссіонерскаго комитета ежегодное жалованье по 800 р.; на второе пятилѣтіе съ надбавкою по 10% ежегодно; на третье пятилѣтіе съ надбавкою по 20% ежегодно; на четвертое пятилѣтіе по 30% (надбавка процентовъ во всѣхъ четырехъ пятилѣтіяхъ производится только на 800 р.). По прошествіи 20-лѣтняго срока миссіонерскаго служенія, оставившимъ службу назначается пенсія по 300 р. въ годъ. Кроме сего священникамъ-миссіонерамъ, 20 лѣтъ прослужившимъ съ пользою для дѣла распространенія православія между донскими калмыками, епархіальнымъ начальствомъ предоставляются болѣе обезпеченныя въ матеріальномъ отношеніи священническія мѣста въ епархіи, буде они пожелаютъ продолжать священническую службу въ приходахъ, безъ права на пенсію за сію послѣднюю службу. Если же миссіонеръ вынужденъ будетъ оставить свое служеніе до 20-лѣтняго срока, за слабостію здоровья, или престарѣlostію, то таковымъ, а равно и семействамъ умершихъ миссіонеровъ, назначаются или пенсіи, или единовременныя пособія, по усмотрѣнію епархіальнаго начальства, соотвѣтственно количеству времени служенія въ семь званіи, степени ихъ заслугъ и пр.

— Епархіальная дѣятельность на пользу церковно-приходскихъ школъ бываетъ иногда по мѣстамъ особенно возбуждена. Это можно сказать, напримѣръ, о ставропольской епархіи, на основаніи вышедшаго отчета о церк. школахъ епархіи за 1887—1888 учебн. годъ. Этотъ отчетъ съ похвалою отзывается и о приходскихъ обществахъ и о приходскомъ духовенствѣ. Иной отчасти отзывъ находимъ въ послѣднихъ журналахъ орловскаго епарх. учил. совѣта. Здѣсь упоминается, между прочимъ, объ ослабленіи усердія къ одной приходской школѣ со стороны мѣстнаго священника, основаннаго ее, что должно вызвать охлажденіе къ школѣ со стороны прихожанъ, и затѣмъ говорится: такое прискорбное обстоятельство, къ сожалѣнію, неоднократно встрѣчающееся въ дѣлахъ совѣта, побуждаетъ совѣтъ пригласить священниковъ, открывающихъ школы, поступать съ особенною обдуманностію при открытіи школы, въ томъ соображеніи, что лучше не начинать дѣла, чѣмъ начавши бросать его.

— По всеподданнѣйшему докладу Августѣйшаго Предсѣдателя

Православнаго палестинскаго общества Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича, Государь Императоръ 24-го марта с. г. Высочайше повелѣть соизволялъ: передать всѣ дѣла, обязанности и капиталы состоявшей при азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ палестинской комиссіи православному палестинскому обществу, которому присвоить наименованіе Императорскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть: назначеніе вице-предсѣдателя Императорскаго православнаго палестинскаго общества и членовъ совѣта онаго отъ духовнаго вѣдомства и министерства иностранныхъ дѣлъ, а равно ежегодные смѣту и отчетъ общества представлять, чрезъ Предсѣдателя общества, на благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Величества.

— Дозволено изданіе журнала «Вопросы философіи и психологіи», подъ редакторствомъ московскаго проф. Н. Грота, при издателѣ А. Абрикосовѣ. Журналъ будетъ выходить безъ предварительной цензуры. Одно изъ ближайшихъ собраній московскаго психологическаго общества будетъ спеціально посвящено избранію членовъ комитета для общаго завѣдыванія изданіемъ этого органа психологическаго общества. Нельзя не желать успѣха новому журналу, а равно и самому этому обществу, еще молодому и едва ли имѣющему много членовъ съ широкимъ философскимъ образованіемъ. Впрочемъ, предсѣдатель общества, г. Гротъ, въ своемъ недавнемъ отвѣтѣ на приглашеніе международнаго комитета въ Римѣ принять участіе въ празднествѣ при открытіи 9 іюня памятника Джіордано Бруно, извѣстному борцу за свободу мысли и совѣсти, почему-то счелъ возможнымъ выразиться, что это молодое общество насчитываетъ между своими членами «всѣхъ русскихъ философовъ». («Церк. Вѣстн.»).

— Въ недѣлю о слѣпомъ отъ 14-го по 21-е мая во всѣхъ церквахъ Россіи, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, производился кружечный сборъ въ пользу слѣпыхъ. Попечительство Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ расширяетъ съ каждымъ годомъ свою дѣятельность и расходуетъ ежегодно до 100 тыс. рублей. Лепта, попадающая въ кружку въ недѣлю о слѣпомъ, служитъ большимъ подспорьемъ для Попечительства, безкорыстно служащаго человеколюбивой цѣли—воспитанію слѣпыхъ и попеченію о нихъ.

Однимъ изъ главныхъ условій для успѣшнаго достиженія преслѣдуемыхъ Попечительствомъ о слѣпыхъ цѣлей признается учрежденіе мѣстныхъ органовъ въ губерніяхъ, для чего и открыты отдѣленія Попечительства въ Кіевѣ, Харьковѣ, Уфѣ, Костромѣ, Воро-

нежѣ и Одессѣ, и комитеты Попечительства въ Каменецъ-Подольскѣ, Ревелѣ и Казани. Во всѣхъ губерніяхъ Попечительство имѣетъ своихъ уполномоченныхъ.

Въ настоящее время открыты стараніями Попечительства слѣдующія заведенія для слѣпыхъ: училища для слѣпыхъ дѣтей—въ Петербургѣ, Кіевѣ, Ревелѣ, Казани, Костромѣ, Харьковѣ, Воронежѣ и Одессѣ; убѣжища для взрослыхъ—въ Каменецъ-Подольскѣ и Уфѣ и пріютъ для престарѣлыхъ слѣпцовъ—въ Воронежѣ. Кромѣ того, въ ближайшемъ будущемъ открываются училище въ Москвѣ.

Желающіе поступить въ число членовъ Попечительства вносятъ по 10 р. ежегодно или 150 р. единовременно.

Учебное дѣло въ церковно-приходскихъ школахъ встрѣчаетъ очень серьезную поддержку со стороны братствъ. Такъ, новгородское епарх. братство въ окончившемся третьемъ году своего существованія употребило на нужды школъ 7,200 р. Эта не незначительная цифра, вѣроятно, увеличилась бы, если бы братство встрѣчало большее сочувствіе себѣ. Относительно этого предмета въ братскомъ отчетѣ сказано:

Совѣтъ братства не можетъ не замѣтить, какъ замѣчено было имъ и въ прошлогоднемъ отчетѣ, что частное сопоставленіе между собою суммъ кружечнаго сбора, представленныхъ церквами и дѣлами благочиніями, находящимися повидимому въ одинаковыхъ и даже лучшихъ условіяхъ, приводитъ къ заключенію, что результаты могли бы быть еще благопріятнѣе, если бы всѣ пастыри и старосты церквей отнеслись съ одинаковымъ должнымъ вниманіемъ къ этому важному дѣлу, а оо. благочинные воспользовались бы въ надлежащей мѣрѣ своимъ вліяніемъ для воздѣйствія на лицъ равнодушныхъ и болѣе или менѣе безлечныхъ. Тогда бы не встрѣтилось, по всей вѣроятности, такой аномаліи, что благочиніе, состоящее изъ большаго числа—чуть не вдвое—церквей, съ населеніемъ многочисленнымъ и находящимся вообще въ благопріятныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, доставляетъ кружечнаго сбора не болѣе, а менѣе другого благочинія—съ меньшимъ числомъ церквей, съ малочисленнымъ сравнительно и бѣднымъ населеніемъ.

— Въ «Рук. для сельск. паст.» помѣщена весьма интересная статья о причинахъ развитія безпоповщинской секты въ нашемъ простомъ народѣ. По мнѣнію автора статьи, главнымъ условіемъ распространенія безпоповщины служитъ крайнее невѣжество и грубость нравовъ нашего народа вообще и въ частности его религіозно-нравственная распущенность. Вотъ какъ онъ описываетъ умствен-

ное и нравственное состояніе простаго народа въ вес—комъ уѣздѣ, т—ской губерніи: Они не знаютъ, что такое Богъ и церковь; не умѣютъ сложить настоящимъ образомъ крестнаго знаменія; не знаютъ ни молитвъ, ни символа вѣры; въ церковь почти не ходятъ; по десяти лѣтъ не бывають на исповѣди и вообще къ храму Божьему относятся индифферентно. Отношеніе ихъ и къ православному духовенству самое неприглядное. Духовенство здѣсь въ глазахъ крестьянина стоитъ не выше самаго крестьянина. Послѣдній не считаетъ грѣхомъ ругаться даже скверными словами со священникомъ; а не подойти къ нему подъ благословеніе, не поклониться ему, заиграть на гармоникѣ въ то время, когда священникъ идетъ съ иконами и крестомъ, выгнать его изъ дома, запереться отъ него, чтобы не платить за молебень,—все это явленія обыденныя. Духовенство привыкло къ нимъ и не считаетъ ихъ чѣмъ-нибудь особеннымъ, исключительнымъ. Духовенство привыкло и не къ такимъ продѣлкамъ со стороны простаго народа. Такъ, когда крестьянину нужно заплатить за требы духовенству, онъ всегда почти отговаривается неимѣніемъ денегъ, а самъ тотчасъ послѣ совершенія требы покупаетъ полведра водки. Или дѣлаетъ такъ: выискиваетъ самыя старинныя деньги и старается такъ положить ихъ въ тарелку, чтобы духовенство не замѣтило. Бываетъ, что такая продѣлка проходитъ не замѣченною, но бываетъ, что духовенство уличаетъ въ ней крестьянина. Тогда отъ уличеннаго въ обманѣ крестьянина обыкновенно бываетъ слѣдующее объясненіе: «ахъ, развѣ эту денюгу не берутъ? А я и не зналъ! Ну положите ее въ церковь, а вамъ и послѣ заплачу». А «послѣ получить» и не думай. При напоминаніи объ уплатѣ долга, онъ говоритъ, что «денегъ нѣтъ», а то прямо съ наглостію отвѣчаетъ, что деньги онъ уплатилъ. Не менѣе возмутительныя вещи продѣлываются крестьяниномъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится вознаграждать трудъ духовенства какими-либо жизненными припасами. Тамъ запекають въ хлѣбъ капусту или мякину, чтобы хлѣбъ былъ больше, и отдають этотъ хлѣбъ духовенству за требы. Въ праздникъ Рожд. Хр. «за славленье» платять духовенству овсомъ. При этомъ рѣшето съ овсомъ всегда берутъ, держа ладонь такъ, чтобы дно рѣшета выпирало вверхъ. Не опытный подумаетъ, что ему дають цѣлое рѣшето, а на самомъ дѣлѣ оказывается, что овса-то всего двѣ-три горсточки. Наконецъ, въ широко разбросанныхъ приходяхъ завозять священника верстъ за двадцать отъ его мѣста жительства для совершенія какой-либо требы. По совершеніи ея священникъ спраши-

ваетъ: «ну, что же, мнѣ пора и домой ѣхать, давай лошадь». «Лошадь-то, батюшко, мнѣ нужна самому, отвѣчаетъ крестьянинъ, а ты дойдешь и пѣшкомъ». Бьется, бьется священникъ съ крестьяниномъ, ничего не можетъ сдѣлать и отправляется пѣшкомъ. А крестьянинъ ему вслѣдъ кричитъ: «далъ бы 5 руб.,—живо бы представилъ!» Взаимныя отношенія крестьянъ вес—каго уѣзда еще хуже, чѣмъ отношенія его къ духовенству. Каждый старается обмануть другого и если кого постигло несчастіе, тотъ не жди себѣ помощи отъ сосѣда. Если случится, напр., гдѣ пожаръ, то прибѣжавшіе не только не станутъ помогать, но случается, что зажигаютъ и сами, желая кому-нибудь отомстить или что-нибудь украсть. Послѣднее не считается вообще за грѣхъ. Постоянныя порубки лѣса, воровство сѣна, соломы и пр.—самыя обычныя явленія, на которыя, кромѣ пострадавшихъ лицъ, никто не обращаетъ и вниманія. Даже и такія преступленія, какъ поддѣлка квитанцій, растрата казенныхъ денегъ и т. п., случаются очень нерѣдко. Развратъ и незаконное сожителство молодежи дошли до того, что оправдываются даже самими родителями молодежи. «Чтожъ, говорятъ они, дѣти уже не маленькія; пора, время пришло». Вслѣдствіе этого вся молодежь развращена до крайности.

Въ заключеніе авторъ указываетъ на обычное праздничное времяпрепровожденіе жителей вес—каго уѣзда. По его словамъ крестьяне варятъ на праздникахъ десятки, а иногда и сотни ведеръ пива и пьянствуютъ всѣ поголовно—и большіе и малые до тѣхъ поръ, пока нечего станетъ пить.

Такое печальное религіозно-нравственное состояніе сѣраго люда въ вес—комъ уѣздѣ и неуваженіе къ духовенству авторъ приписываетъ непосредственному вліянію раскола, опутавшаго своими сѣтями весь уѣздъ. Вмѣстѣ съ этимъ, все описанное представляетъ, по его мнѣнію, самую удобную почву для дальнѣйшаго развитія всякихъ вредныхъ сѣмянъ, всякаго раскола и всякой секты.

Очевидно, авторъ замѣчаетъ по этому поводу «Церк. Вѣстн.», имѣетъ склонность къ обобщенію нѣкоторыхъ единичныхъ случаевъ и притомъ въ сильной степени рисуетъ такую мрачную картину, изъ-за которой онъ и самъ не можетъ замѣтить въ жизни простого народа ни одного отраднаго, свѣтлаго луча. Ужели въ самомъ дѣлѣ эта жизнь во всемъ и во всѣхъ такъ мрачна, безотрадна? Не проглядѣлъ ли авторъ какой-нибудь свѣтлой стороны, отрадной точки. Что умственное и религіозно-нравственное состояніе простого народа не въ одномъ вес—комъ, но почти вездѣ, слишкомъ

низко, объ этомъ, конечно, никто не будетъ спорить. Но въ нашемъ русскомъ православномъ народѣ есть неоспоримо и хорошія стороны, которыми опытный и энергичный пастырѣ одинаково успѣшно можетъ пользоваться для религіозно-нравственнаго просвѣщенія и развитія своей паствы, какъ пользуются ихъ слабыми сторонами разные расколоучители и сектанты.

— За послѣднее время во многихъ епархіальныхъ органахъ не мало говорится какъ объ организаціи особыхъ школъ въ мѣстностяхъ зараженныхъ расколомъ, съ цѣлю подготовленія такихъ народныхъ миссіонеровъ, которые сами могли бы противоудѣйствовать впоследствии расколу, такъ и о правильной постановкѣ проповѣди и внѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ. «Нашъ православный мірянинъ, говорится по этому поводу въ «Тамб. Еп. Вѣд.», живущій среди раскольниковъ, любитъ слушать въ церкви все серьезное. Въ раскольническихъ приходахъ очень интересуются проповѣдями, если онѣ подражательны какому-нибудь св. отцу, напр., Іоанну Златоусту и подобнымъ... и способны ихъ оцѣнить по достоинству». Для внѣбогослужебныхъ бесѣдъ авторъ совѣтуетъ набирать по преимуществу разности, существующія между православными и раскольниками. напр., о перстосложеніи при крестномъ знаменіи, о крестѣ четвероконечномъ и осмиконечномъ, о церкви, о числѣ просфоръ при литургіи, о таинствахъ покаянія, причащенія, объ имени Іисусъ. объ исправленіи книгъ и т. п. При этомъ болѣе всего нужно избѣгать тона рѣзкаго, вульгарнаго, грубаго, который всегда вызываетъ у слушателей отталкивающее впечатлѣніе и личность проповѣдника дѣлаетъ крайне несимпатичною. Напротивъ какъ тонъ, такъ даже отдѣльныя фразы и слова должны быть благоговѣйны, священны, елейны.

— Не безынтересно сужденіе священника, помѣщенное на страницахъ одного епархіальнаго органа, по вопросу: отчего штунда и безнравственность въ народѣ. Вотъ его отвѣтъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ сего года, въ одной епархіи, для отчета затребованы отъ каждаго священника свѣдѣнія: о времени появленія въ приходѣ штунды, о томъ, что служило поводомъ ея возростанія или ослабленія, о нравственности и религіозности прихожанъ каждаго прихода порознь, о порокахъ, выдающихся въ каждомъ приходѣ, о мѣрахъ, предпринимаемыхъ священниками къ ослабленію и пресѣченію пороковъ и т. п. По поводу сего каждый священникъ задаетъ себѣ вопросъ: какъ отвѣчать на поставлен-

ные вопросы? Отвѣчать ли такъ, какъ есть на самомъ дѣлѣ? Но тогда будешь отвѣчать предъ начальствомъ и за недѣятельность, ибо говорятъ и пишутъ, что «за пьянство, воровство и всѣ пороки народа священникъ виноватъ». Выгоднѣе поэтому отвѣтить: все обстоитъ благополучно. Какой результатъ отъ представляющейся теперь выгоды окажется въ будущемъ,—это не наше дѣло, долгъ самосохраненія подсказываетъ защищать себя. Отвѣтъ: все обстоитъ благополучно, нравственность народа растетъ не по годамъ, а по часамъ—есть поголовный отвѣтъ. Причиной такого отвѣта—робость духовенства. Обвинять невиннаго, лишь бы выставить свое я, считаютъ пустякомъ, между тѣмъ, какъ этимъ возбуждаютъ боязнь, убиваютъ энергію, порождаютъ скрытность, чрезъ скрытность же вводятъ въ заблужденіе начальство. Въ приходѣ моемъ штунды нѣтъ, и разсуждать до тонкости о появленіи ея не могу. Но кажется, что поводъ ея сколько противурелигіозный, столько же и противуправительственный... Заслуживаетъ вниманія вопросъ: «почему не увлекаются въ штунду католики, между которыми также большинство бѣдняковъ, обремененныхъ несравненно большими вымогательствами отъ своихъ ксендзовъ, а только одни православные крестьяне?» Что же касается нравственности крестьянъ, то какъ ни поднимаютъ ее на бумагѣ, а справедливость требуетъ сознаться, что она не возвышается, а умалется, и причиной сего не бездѣятельность священниковъ, которые работаютъ, какъ волю на нивѣ, а нѣчто другое, противъ чего они не въ состояніи выступить страха ради по фальшивому чувству самосохраненія и по отсутствію единоклѣвности, въ чемъ именно и заключается вся вина духовенства. Причиной же умаленія нравственности народа чиновничество, составляющее сельскую администрацію, служащее самымъ гнуснымъ примѣромъ для подчиненныхъ. Что подѣлаетъ въ приходѣ священникъ противъ преступленія 7-й заповѣди, если чиновничество въ уѣздахъ живетъ гражданскимъ бракомъ? Что подѣлаетъ противъ преступленія 8-й заповѣди, если такое даетъ наживу кое-кому? Какъ заставить ходить въ церковь крестьянъ, если въ наступившій воскресный и праздничный день одинъ гонитъ на сходъ, другой для снятія показаній, а третій на расчетъ за производство работъ? Что подѣлаетъ внушенію къ говѣнью, когда крестьяне видятъ, что ихъ начальство не только не приобщается св. таинъ, но и за стыдъ считаетъ перекреститься?

— Нѣкоторые руководители народныхъ школъ стали обращать

значительное вниманіе на сельско-хозяйственныя занятія въ училищахъ. По извѣстіямъ изъ Елисаветполя, не такъ давно во всѣхъ 30 двухклассныхъ и одноклассныхъ училищахъ Елисаветпольской губерніи введены или вводятся преподаваніе разныхъ отраслей сельскаго хозяйства, какъ-то: шелководства, садоводства и огородничества, а также ремесла, необходимыя въ сельскомъ быту. Потребныя для этого расходы производятся изъ остаточныхъ суммъ училищъ. Въ настоящее время выписано четырнадцать микроскоповъ и другіе предметы для сельско-хозяйственныхъ занятій въ училищахъ. Кромѣ того, во всѣ народныя училища губерніи выписаны: «Ремесленная Газета» и журналъ «Сельскій Хозяинъ».

— Въ «Моск. Церк. Вѣд.» (№ 13) помѣщена слѣдующая интересная замѣтка о необходимости реальныхъ заведеній для духовенства. Логика событій, говоритъ авторъ, ведетъ къ тому неизбежному результату, что въ будущемъ мы не можемъ нисколько рассчитывать на какое-нибудь сокращеніе числа малоуспѣшныхъ въ нашихъ духовныхъ заведеніяхъ; напротивъ, все съ неумолимою послѣдовательностію ведетъ къ тому, что это число постепенно все будетъ увеличиваться. *Ars longa, vita brevis*; наука все будетъ расширяться, требованія отъ учащихся все будутъ увеличиваться, но природа человѣческая въ своихъ индивидуумахъ, мало мажски обиженныхъ духовными дарами, естественно все будетъ отставать отъ этихъ требованій, потому что не въ силахъ будетъ поспѣвать за быстрымъ движеніемъ впередъ науки. И съ другой стороны, постоянное увеличеніе числа желающихъ вкусить плодовъ древа познанія, вслѣдствіе естественнаго, постепеннаго размноженія вообще человѣчества, производитъ то, что участниками пользованія этими плодами по необходимости будутъ только тѣ, кто наиболѣе этого достоинъ. Этотъ неумолимый законъ, долженъ, разумѣется, простираться и на сословіе духовенства и въ настоящее время начинаетъ на немъ сказываться очень чувствительно. Является значительный процентъ малоуспѣшныхъ учениковъ и среди этого сословія, и нужно ожидать, что этотъ процентъ впослѣдствіи будетъ все болѣе и болѣе наростать. Явится необходимо значительное количество людей ненужныхъ, къ наукѣ оказавшихся неспособными, но и къ другому занятію не привывшихъ, которые будутъ составлять тяжелое бремя для духовенства. Что дѣлать съ ними? Куда дѣвать ихъ? Единственнымъ исходомъ въ этой неотложной нуждѣ духовенства должно считать устроеніе ремесленныхъ заведеній.

Не думаемъ мы, чтобы наше духовенство не сознавало въ настоящее время нужды въ подобнаго рода заведеніяхъ и не отнеслось къ устроению ихъ съ полнымъ сочувствіемъ. Правда, можетъ быть, и нынѣ найдется среди него не малое число лицъ, которыя на эти заведенія смотрятъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Люди, привыкшіе думать только о семинаріяхъ, гимназіяхъ, академіяхъ и университетахъ, не сразу могутъ свыкнуться съ мыслию, что ихъ дѣтямъ суждено быть какими-нибудь портными, сапожниками, столярами, рѣзчиками, золотарями и т. под. Такія занятія могутъ представиться имъ нашему званію неприличными. Но такія думы можемъ назвать только продуктомъ ограниченности понятій, узкости міросозерцанія. Прежде всего такого сорта господамъ мы скажемъ словами русской пословицы, что «нужда плачетъ, нужда свачетъ, нужда и пѣсенки поетъ». Въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей нужно прежде всего заботиться о томъ, чтобы они впоследствии не оказались бесполезными членами своего отечества, паразитами собственнаго своего сословія, досаждающими ему и напрасно высасывающими изъ него жизненные соки. Поэтому главнымъ образомъ нужно стараться приучить дѣтей къ какому-нибудь труду, чтобы потомъ они могли добывать себѣ хлѣбъ насущный честнымъ путемъ, а не путемъ ничтонедѣланія и эксплуатаціи своихъ ближнихъ. И поэтому, если умственный трудъ будетъ имъ не по силамъ, то слѣдуетъ искать другого рода труда, который бы соотвѣтствовалъ ихъ душевнымъ наклонностямъ и способностямъ, подмѣчать которыя каждый родитель долженъ считать своимъ первымъ долгомъ. Но какъ скоро замѣчено будетъ, что ребенокъ неспособенъ къ умственному труду, то со стороны родителей было бы даже преступно насильно неволить его заниматься имъ: въ большинствѣ случаевъ это ведетъ только къ многимъ напраснымъ усиліямъ, постояннымъ разочарованіямъ и слезамъ и къ искалѣченію вообще всей нравственной личности мальчика, который, при постоянныхъ неудачахъ въ своихъ занятіяхъ, не видитъ въ нихъ для себя ничего отраднаго и пріятнаго, такъ что въ концѣ концовъ вся его учеба будетъ для него не наукой, а только мукой, выражаясь языкомъ нашего баснописца. Энергія сохраняется и укрѣпляется успѣхомъ, а гдѣ нѣтъ послѣдняго, тамъ не легко ее поддерживать и во взросломъ человѣкѣ, а тѣмъ болѣе въ ребенкѣ. Все это, конечно, давно извѣстно, но все это въ то-же время постоянно забывается и потому требуетъ постоянно напоминать о себѣ. Виновны такіе родители не только предъ своими дѣтьми,

но и предъ своимъ отечествомъ, которое нуждается въ дѣйстви-тельно способныхъ, энергичныхъ и преданныхъ своему дѣлу лю-дяхъ; но можно ли ожидать энергіи, преданности и усердія отъ тѣхъ, кто съ малыхъ лѣтъ апатично и даже иногда съ полнымъ отвращеніемъ относится къ своему труду? Такіе люди могутъ испол-нять свое дѣло только формальнымъ, рутиннымъ образомъ, но не способны бываютъ вложить въ него свою душу живу. Итакъ, чтобы сдѣлать своихъ дѣтей честными гражданами, съ успѣхомъ, энер-гіею и живымъ участіемъ относящимися къ своему дѣлу, а не паразитами, или людьми, умственно и нравственно искалѣченными, родители не только должны пріучить своихъ дѣтей къ труду во-обще, но и избрать имъ родъ занятій, который былъ бы имъ по сердцу и соотвѣтствовалъ бы направленію ихъ умственныхъ спо-собностей. Если теоретическія науки оказываются для мальчика не по силамъ, не согласны съ его внутреннимъ расположеніемъ, то родителямъ не слѣдуетъ и неволить его продолжать заниматься ими; но не слѣдуетъ и приходить въ уныніе, думая, что ихъ сынъ такъ и останется пропащимъ человѣкомъ, если онъ не одолѣетъ школьной премудрости: есть цѣлый классъ практическихъ занятій, и изъ нихъ онъ можетъ избрать то, къ какому онъ чувствуетъ себя наиболѣе способнымъ и обучившись которому онъ можетъ обезпечить себѣ путь добывать себѣ хлѣбъ честнымъ образомъ. Изъ этого само собою становится яснымъ, насколько необходимы заведенія, обучающія дѣтей какимъ-либо практическимъ заняті-ямъ. Иконопись, рѣзба, столярное, токарное, сапожное, портняж-ное и т. под. ремесла—вотъ роды занятій, къ которымъ могутъ приложить свои руки дѣти духовенства, оказавшіяся неуспѣвшими въ теоретическихъ наукахъ и потому уволенные изъ нашихъ выс-шихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изрѣдка появляются извѣстія о дѣлаемыхъ крестьянами по-лезныхъ изобрѣтеніяхъ. Одно изъ такихъ сообщеній, сдѣланныхъ на дняхъ, касается изобрѣтенной однимъ крестьяниномъ автома-тической молотилки для небольшихъ хозяйствъ. Говорятъ, что изо-брѣтатель намѣренъ просить вольное экономическое общество о ея публичномъ испытаніи. Молотилка эта отличается будто бы быстротою работы и простотою своей конструкціи, до того не слож-ной, что она можетъ быть изготовлена и простымъ плотникомъ.

— Изъ Солигал. уѣзда сообщается о необычномъ выраженіи признательности прихожанъ къ своему пастырю. Священникъ этого села о. В. Я. заболѣлъ. И вотъ прихожане его, дорожа его здо-

ровѣмъ, въ виду его полезной и плодотворной дѣятельности, пожелали помолиться о немъ Богу. Съ этою цѣлію, безъ вѣдома своего духовнаго отца, они пригласили на 5 марта двухъ сосѣднихъ священниковъ въ свою церковь отслужить о здравіи его молебенъ; 5 марта, послѣ соборнѣ отслуженной литургіи, въ присутствіи самого о. В., который еще могъ выходить, но по причинѣ сильныхъ головныхъ болей выходилъ не иначе какъ тщательно укутанный, отслуженъ былъ, при большемъ стеченіи народа, молебенъ о здравіи болящаго и съ колѣнопреклоненіемъ прочитана была молитва Великомучен. Пантелеимону. При этомъ крестьяниномъ П. К. Симоновымъ, о которомъ о. В. говорилъ, какъ о главномъ помощникѣ своемъ по устройству прихода и храма, поднесена была больному икона соименнаго ему святого, съ выраженіемъ пожеланія, чтобы Господь укрѣпилъ его силы и далъ полное исцѣленіе ему, впавшему въ недугъ. Такая признательность выражена о. В. его прихожанами за то, что онъ, по словамъ прихожанъ, съ первыхъ дней своего поступленія на приходъ въ продолженіе своего пятнадцати-лѣтняго пастырскаго служенія постоянно отличался простотою и кротостію, а главное за то, что въ приходѣ основалъ школу, расширилъ и обновилъ храмъ приходскій, своими стараніями приобрѣлъ новый колоколь и устроилъ приходское кладбище. Со слезами о. В. благодарилъ своихъ прихожанъ за это выраженіе ихъ любви и признательности къ нему.

— Статсъ-секретарь, управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, тайный совѣтникъ Дурново Всемиловѣйше назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ увольненіемъ отъ должности главноуправляющаго Собственною Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи и съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта, сенаторомъ, почетнымъ опекуномъ и въ званіи статсъ-секретаря.

— Управляющій образованнаго недавно въ средней Азіи Государева-Мургабслага имѣнія увѣдомилъ нѣкоторыя крестьянскія общества о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ принимаются переселенцы на свободныя земли имѣнія. Условія эти слѣдующія: 4 десят. будутъ даны въ потомственное владѣніе, за которыя платятъ ежегодно обороть съ хлопка съ $\frac{1}{2}$ десятины, избавляясь отъ государственныхъ податей, кромѣ общественныхъ. Сѣмена на посѣвъ хлопка получаютъ даромъ изъ имѣнія, а за очистку хлопка на казенныхъ машинахъ оставляютъ въ пользу имѣнія сѣмена со всего собраннаго и представленнаго для очистки хлопка. Кромѣ 4 десят., поступающихъ въ надѣлъ, могутъ арендовать какое угодно количество зем-

ли. Такъ какъ поливъ полей здѣсь дѣлается искусственно—дождей нѣтъ, то условія пользованія водой такія: особенныя плотины и главныя идушія отъ нихъ каналы съ водой дѣлаются на счетъ имѣнія, поливную же сѣть канавъ, по указаніямъ инженеровъ, дѣлаютъ жители и арендаторы на свой счетъ. Лѣсовъ здѣсь не имѣется, всѣ постройки дѣлаются изъ кирпича и глины.

При этомъ управленіе доводитъ до свѣдѣнія, что хотя хлѣба могутъ сѣяться всякіе и даютъ отличные урожаи при тщательной работѣ и правильной поливкѣ водой, но главный источникъ доходовъ отъ земли есть хлопокъ—растеніе, изъ чего дѣлается бумажная пряжа.

До первыхъ сборовъ хлопка жители будутъ обезпечены, но только въ заемъ, хлѣбомъ, кормомъ для скота и нужнымъ количествомъ лѣса для пристройки, даже деньгами, но только въ размѣрахъ дѣйствительной нужды по переселенію. По закаспійской ж. д. переселенцы какъ за себя, такъ и за провозъ своихъ грузовъ, платятъ половинную плату. Бѣльшихъ льготъ по переселенію имѣніе не предоставляетъ.

Въ заключеніе управленіе предупреждаетъ, что въ виду совершенно особливыхъ отъ Россіи условій жизни въ Закаспійскомъ краѣ, совершенно иныхъ способовъ хозяйства, желательно бы было, чтобы общество выслало предварительно одного или двухъ лицъ для осмотра мѣстности и ознакомленія съ разными условіями жизни и съ системою работъ и хозяйства.

— Общественныя запашки, довольно распространенныя въ настоящее время въ Симбирской губерніи, какъ самое надежное средство къ пополненію крестьянскихъ продовольственныхъ долговъ, уже нѣсколько лѣтъ введены почти во всѣхъ уѣздахъ Симбирской губерніи, хотя и не въ одинаковой степени. Такъ, изъ таблицы долговъ за 1886, 1887 и 1888 годы видно, что состоящіе за крестьянами Симбирской губерніи продовольственные долги, благодаря общественнымъ запашкамъ, постепенно уменьшаются. Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ идутъ хорошо общественныя запашки, и погашеніе долговъ идетъ успѣшно, и наоборотъ. Сами крестьяне къ общественнымъ запашкамъ относятся не вездѣ одинаково. Наибольшее сочувствіе къ нимъ проявляется, по сообщенію «Казанскаго Листка», въ уѣздахъ: Сенгилеевскомъ, Сызранскомъ, Корсунскомъ и особенно въ Буинскомъ. Со стороны же крестьянъ Алатырскаго, Ардаговскаго и Курмышскаго уѣздовъ такого сочувствія не замѣчается.

— Слѣдующій случай имѣлъ мѣсто въ деревнѣ Злобинской Сардыкского прихода и рассказанъ въ началѣ минувшаго великаго по-

ста, старцемъ крестьяниномъ А. С. З. священнику, когда послѣдній, по обычаю Св. Прав. Церкви, навѣщалъ приходъ свой для прочтенія «молитвъ въ началѣ поста Св. Четырехдесятницы».

«Насъ было два брата: я и старшій Александръ,—такъ началъ рассказъ свой А., и жили мы при отцѣ вмѣстѣ. Родители наши были люди набожные, часто ходили въ церковь, и Господь видимо благословлялъ насъ всякимъ достаткомъ. По смерти отца старшій братъ мой Александръ не захотѣлъ жить со мною, и, получивъ изъ родительскаго имѣнія слѣдующую ему часть, ушелъ отъ меня въ раздѣлъ. И мать, наша родительница, пожелала жить съ нимъ, потому что у брата были малыя дѣти, а у меня тогда былъ уже сынъ женатый. Послѣ раздѣла и братъ мой также скоро зажилъ хорошо, не лѣностно посѣщалъ храмъ Божій, и жилъ со мною въ ладу и всякомъ согласіи. Но врагъ — злодѣй попуталъ его. Однажды когда-то послѣ зимняго праздника побывали у брата гости-раскольники поморскаго толка, и почитали ему «для души спасенья» какую-то книгу, привезенную ими будто бы изъ Казани. Съ этого времени братъ мой совсѣмъ измѣнился, сталъ чуждаться и меня, называя меня мірскимъ человѣкомъ, и не сталъ со мною ни пить, ни ѣсть вмѣстѣ, да и родительницу нашу началъ уговаривать, чтобы она бросила православную вѣру и перешла въ старовѣрство. Но родительница ни за что не соглашалась мѣнять вѣру. Не смотря на это, лукавый все-таки довершилъ свое дѣло. Услыхалъ я однажды, что старушка-мать наша сильно захворала. И прихожу я къ брату, и спрашиваю, кому изъ насъ ѣхать за священникомъ, чтобы исповѣдать и приобщить больную?» — «А на что попа?» — отвѣчалъ мнѣ братъ. «Вѣдь мы живемъ теперь по старой вѣрѣ: нѣтъ, не надо попа, не за чѣмъ ему». — Горько мнѣ стало, продолжалъ А., отъ такихъ словъ брата родного, и я, заложивъ своихъ лошадей, совсѣмъ собрался было ѣхать въ село за батюшкою, но братъ рѣшительно сказалъ мнѣ, что онъ ни за что не пуститъ попа въ свой домъ. Это же самое онъ говорилъ и на просьбы матери, и всячески отклонялъ ее отъ послѣдняго предсмертнаго напутствія чрезъ священника. Часъ смерти родимой между тѣмъ приближался, и стали мы съ братомъ просить у нея благословенія. Благословивъ меня, она сказала брату моему: вотъ я умираю не исповѣдавшись и не причастившись, по твоей, сынъ мой Александръ, вѣности. Не дасть же тебѣ Господь счастья за это. Я умираю изъ-за тебя безъ покаянія: помни же, что и ты за мной скоро посидишь также безъ

покаянія. И что же? заключилъ А. свой разсказъ; не прошло и двухъ недѣль послѣ смерти матери, какъ брата Александра задавило на смерть бревномъ во время пилки лѣса, и притомъ такъ, что остался невредимъ его товарищъ, который былъ внизу подъ бревнами, а между тѣмъ братъ мой съ пилою находился вверху на бревнахъ, которые съ подставками упали на землю, и онъ угадалъ какъ разъ подъ нихъ, не успѣвъ промолвить и послѣдняго слова».

Прибавлять къ сему разсказу нечего. Въ немъ ясны сами собою и дѣйственность благословенія родительскаго, и очевидная гибель раскола, и наказаніе Божіе за отдѣленіе отъ Святой Православной Церкви.

(«Вятск. Еп. Вѣд.» № 8).

— Въ Гатчинѣ умирала дочь состоятельныхъ родителей, получившая воспаленіе легкихъ послѣ сильной простуды; доктора рѣшительно объявили, что никакого спасенія нѣтъ, и предложили родителямъ давать только какую-то микстуру для облегченія страданій; больная была все время въ полномъ сознаніи и настоятельно просила пригласить для молитвы о. Іоанна Сергіева; на третій день праздника 27 декабря кронштадтскій пастырь пріѣхалъ въ больную, помолился у ея постели, связалъ ей напутствіе и пожелалъ скораго выздоровленія; на другой-же день она почувствовала облегченіе, а въ новыѣ годъ встала съ постели и въ Крещеніе поѣхала уже въ Кронштадтъ благодарить своего исцѣлителя. Зная благотворительныя стремленія о. Іоанна, родители спасенной положили въ конвертъ облигацію въ 1000 рублей и вручили ему въ церкви свою «лепту». Въ это время у о. Іоанна стояла какая-то худощавая бѣдно одѣтая женщина; получивъ конвертъ, пастырь передалъ ей его и сказалъ: «иди съ Богомъ». «Что вы дѣлаете, вырвалось у отца выздоровѣвшей, тамъ тысяча рублей». «Чтожь, развѣ вамъ жаль, спокойно отвѣтилъ пастырь, что Богъ ей посылаетъ, вѣдь вы по доброй волѣ приносили даръ: не все-ли равно, куда я его дѣну». Оказалось, что бѣдная женщина буквально умирала съ голоду съ своими четырьмя малолѣтними дѣтьми; на лѣченіе и похороны мужа она истратила рѣшительно все, оставшись на улицѣ. Получивъ щедрое пособіе, несчастная вдова можетъ завести въ Кронштадтѣ небольшую торговлю и имѣть на всю жизнь обезпеченіе.

— На основаніи Высочайшаго повелѣнія, Императорскою археологическою комиссіей въ апрѣлѣ былъ созданъ въ С.-Петербургѣ съѣздъ представителей ученыхъ обществъ, съ цѣлью установленія соглашеній по вопросамъ объ открытіи и сохраненіи па-

мятниковъ древности. Съѣздъ этотъ имѣлъ три засѣданія, происходившія въ предсѣдательствѣ графа А. А. Бобринскаго, предсѣдателя Императорской археологической комиссіи.

По открытіи засѣданій изъ прочтеннаго текста Высочайшаго повелѣнія выяснилось, что исключительное право производства и разрѣшенія раскопокъ на земляхъ казенныхъ, общественныхъ и принадлежащихъ разнымъ установленіямъ предоставляется Императорской археологической комиссіи, которой въ то же время, совмѣстно съ Императорскою академіею художествъ, поручается также разсмотрѣніе и разрѣшеніе вопросовъ о реставраціи древнихъ памятниковъ въ Россіи.

По обсужденіи въ засѣданіяхъ съѣзда главныхъ вопросовъ формулированныхъ для его рѣшенія Императорскою археологическою комиссіею, съѣздъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Форма соглашенія общества съ комиссіею относительно раскопокъ единогласно установлена въ такомъ видѣ, что общества по мѣрѣ надобности обращаются въ комиссію за потребнымъ для каждаго изъ нихъ числомъ открытыхъ листовъ, съ указаніемъ гдѣ предполагаются и кому поручаются раскопки.

По вопросу о томъ, не слѣдуетъ ли опредѣлить районы для дѣятельности отдѣльныхъ обществъ, представителями отъ обществъ было указано на практическую трудность опредѣленія таковыхъ въ настоящее время, а также на отсутствіе необходимости ихъ установленія, въ виду того, что сама комиссія не предполагаетъ отказывать въ выдачѣ открытыхъ листовъ на производство раскопокъ и въ отдаленнѣйшихъ отъ мѣстопребыванія обществъ мѣстностяхъ. Такимъ образомъ, собраніе единогласно пришло къ убѣжденію въ отсутствіи необходимости устанавливать районы для производства обществами археологическихъ розысканій, сохранявъ вмѣстѣ съ тѣмъ подраздѣленіе дѣятельности обществъ по районамъ по вопросу объ охранѣ мѣстныхъ памятниковъ древности какъ монументальныхъ—отъ разрушенія и искаженія неумѣлыми реставраціями, такъ по мѣрѣ возможности и кургановъ—отъ разграбленія кладовскателями, въ предѣлахъ мѣръ удобныхъ для общества.

При обсужденіи вопроса о томъ не слѣдуетъ ли установить предѣльнаго срока, до котораго общества пользуются исключительными правами научной собственности относительно доставленныхъ въ комиссію предметовъ и свѣдѣній, по истеченіи коего послѣднія становятся въ интересахъ науки общимъ достояніемъ, члены съѣзда

единогласно предположили установить на этотъ предметъ пятилѣтній срокъ.

По вопросу объ уничтоженіи и реставраціи монументальныхъ памятниковъ древности, собраніе постановило: впредь до соглашенія между археологическою комиссіей и академіей художествъ, капитальныя реставраціи передавать на разсмотрѣніе этихъ двухъ учрежденій; въ случаѣ же если бы какое-либо общество взялось установить районъ для наблюденія за памятниками древности, комиссія предоставляетъ ему вѣдать частныя реставраціи на основаніи существующихъ законоположеній. Затѣмъ, въ виду того, что передѣлки и реставраціи касаются не только стѣнъ, но постигаютъ и утварь, иконостасы, иконы и другіе древніе предметы, съѣздъ постановилъ: предложить обществамъ возобновить ходатайство предъ правительствомъ о передачѣ предметовъ могущихъ подвергнуться уничтоженію въ правительственные музеи. вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено также предложить обществамъ ходатайствовать предъ правительствомъ объ ограниченіи права вывоза за границу отечественныхъ древностей.

По предложенію представителя Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи Н. Л. Гондатти, съѣздъ единогласно постановилъ: признать желательнымъ, въ видахъ сосредоточенія въ одномъ мѣстѣ однороднаго научнаго матеріала, чтобы черепа и кости, находимые при раскопкахъ, по мѣрѣ возможности поступали въ антропологическій музей общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи.

Относительно архива комиссіи и по вопросу о томъ—какъ организовать право пользованія имъ, собраніе единогласно постановило: предоставить неограниченное право пользованія архивомъ всѣмъ ученымъ обществамъ и учрежденіямъ, при чемъ комиссія беретса давать всякія краткія справки и не требующія сложной работы свѣдѣнія безвозмездно, а при болѣе сложныхъ розысканіяхъ въ архивѣ комиссіи предоставляется обществамъ поручать эту работу лицу по своему выбору и на свои средства. («М. В.»).

— Въ окрестностяхъ Кіева, очень недалеко отъ Выдубецкаго монастыря, лѣтъ за 20, одинъ богатый купецъ, частью на собственные средства, частью съ помощью общественныхъ пожертвованій, основалъ Свято-Троицкую обитель, въ которой и по настоящее время состоитъ настоятелемъ подъ иноческимъ именемъ Іоны. Объ этомъ то иноцѣ Іонѣ распространено въ народѣ много рассказовъ и всего болѣе о его способности предсказывать буду-

щее. Жизнь о. Іона ведетъ, дѣйствительно, самую строгую, и до такой степени сильна вѣра въ его предсказанія, что со всѣхъ сторонъ къ нему стекается масса народа. О. Іона принимаетъ посѣтителей благосклонно, но за свои предсказанія не беретъ ничего, чѣмъ болѣе возбуждаетъ энтузіазмъ своихъ почитателей. Одинъ изъ посѣтившихъ отца Іону, человекъ вполне просвѣщенный и сперва относившійся критически ко всякимъ вообще предсказаніямъ, вышелъ отъ о. Іоны, если не вполне увѣровавшимъ, то до крайности изумленнымъ, потому что этотъ послѣдній сообщилъ ему одинъ эпизодъ, о которомъ, кромѣ посѣтителя, никто не зналъ. («Р. Пал.»).

— Что и какъ читаетъ народъ?—Подъ этимъ заглавіемъ одинъ школьный учитель помѣстилъ на страницахъ «Сборн. Перм. Земства» свои наблюденія, вынесенныя изъ 12-лѣтней практики. Оказывается, что особенно пріятное впечатлѣніе на народъ производятъ книги изъ жизни крестьянскихъ дѣтей, съ нравственными выводами (напримѣръ: «Крестьянскія дѣти» Потѣхина; «Золотая рыбка», сказочная быль въ стихахъ; «Дѣтскій мірокъ» и проч.). Что же касается такихъ книгъ, какъ напримѣръ, «Чѣмъ люди живы» Льва Н. Толстого, то ученикамъ и крестьянамъ они не удобопонятны: крестьяне понимаютъ все прочитанное буквально и выносятъ ложные взгляды. Дѣтямъ особенно нравятся русскія былины изъ древне-русскаго эпоса: о кіевскихъ богатыряхъ, Ильѣ Муромцѣ и проч., а также описаніе жизни другихъ странъ и народовъ. Очень нравятся дѣтямъ и сказки, особенно А. С. Пушкина. Охотно берутъ книги и духовнаго содержанія, написанныя доступнымъ для дѣтей языкомъ, причемъ замѣтно, что книги духовнаго содержанія и книги изъ русской исторіи болѣе нравятся взрослымъ и пожилымъ; наравнѣ со сказками идутъ повѣсти и рассказы; но меньше всего читаются книги научнаго содержанія, да ихъ-то, по несчастію, въ школахъ очень мало, а если и есть кое-какія, то для читателей-крестьянъ они не понятны, такъ какъ написаны въ большинствѣ случаевъ техническимъ, а не народнымъ языкомъ. Какъ дѣти, такъ и взрослые охотно рекомендуютъ книги одинъ другому и мѣняются ими между собою.

Вообще говоря, чтеніе книгъ производитъ благотворное дѣйствіе на читающихъ, хотя далеко не одинаковое; впечатлѣніе зависитъ помимо содержанія книги отъ возраста, степени развитія, темперамента, вообще личнаго характера каждаго читателя. Дѣти съ рѣзвымъ, живымъ и впечатлительнымъ характеромъ любятъ читать

фантастическія сказки, юмористическія рассказы и повѣсти изъ военной жизни, русской исторіи и былины древне-русскаго эпоса, гдѣ описывается народная сила, удаля и неустрашимость, причемъ замѣчено, что статьи изъ военной жизни развиваютъ въ дѣтяхъ патриотическое чувство. Дѣти болѣе скромныя, степенныя и тихія предпочитаютъ книги прозаическаго содержанія и книги духовныя; они не такъ охотно читаютъ путешествія, гдѣ описываются разныя болѣе или менѣе фантастическія приключенія. Вообще, что сангвиникъ прочтетъ съ большимъ увлеченіемъ, флегматикъ читаетъ съ свойственнымъ ему спокойствіемъ и равнодушіемъ. Книги духовно-нравственнаго содержанія, производятъ замѣтно, плодотворное вліяніе на нравы и характеры дѣтей и взрослыхъ. Примѣромъ послѣднихъ можетъ служить книга «Дѣтскій мірокъ». Въ этой книгѣ есть статья «Чудной дѣдушка», по прочтеніи которой дѣти убѣждались, что грѣшно, стыдно и жалко бить полезныхъ животныхъ, а равно и птицъ. Дѣдушка (герой рассказа) нравится имъ за его ласковое и доброе обращеніе съ животными, за его уходъ и любовь къ нимъ. Всѣ эти книги имѣются въ школьныхъ библіотекахъ и оттуда берутся крестьянами.

Что касается книгъ, попадающихъ въ народъ помимо школы, то главнымъ поставщикомъ ихъ является «Никольскій рынокъ». Книги т. наз. лубочной литературы или изданія Никольскаго рынка крестьяне покупаютъ на ярмаркахъ, базарахъ и у коробейниковъ; продажей книгъ занимаются въ большинствѣ случаевъ отставные солдаты; послѣдніе разносятъ ихъ по деревнямъ и продаютъ по удивительно дешевой цѣнѣ. Всѣ эти книги дѣлятся на однорядныя, двухрядныя и т. д. Однорядными называются книжки въ одинъ печатный листъ и стоятъ пять коп. (дороже не бываютъ), а съ уступкой можно такую книгу купить и за 3 коп.; двухрядными—въ 2 печатныхъ листа, цѣной отъ 7 до 10 к.; трехрядными—въ 3 печатныхъ листа (отъ 12 до 15 коп.) и т. д. Странно, что всѣ книги изъ указанныхъ отдѣловъ (однорядныя, двухрядныя и т. д.), безъ различія ихъ содержанія, продаются по одной цѣнѣ. Видимо, что въ лубочной литературѣ на матеріалъ не обращается ни малѣйшаго вниманія, лишь бы книжка была; поэтому они и набиваются всякимъ сбродомъ. Излюбленной темой такихъ книгъ служатъ описанія базарной и ярмарочной жизни и описаніе безнравственныхъ картинъ жизни отребій общества (воровъ, разбойниковъ и т. п.). Въ числѣ этихъ книгъ не рѣдко встрѣчаются книги съ самымъ грязнымъ и отвратительнымъ содержаніемъ, въ ро-

дѣ, наприм., «Веселенькихъ разказцовъ» или «Похожденія ярославскаго горюна пройдохи». По большей же части они наполнены романсами, пѣснями, а также и безсодержательными сказками въ стихахъ и прозѣ, въ родѣ: «Счастье и несчастье на однихъ саняхъ ѣздить» (изд. 2-е Манухиной); встрѣчаются также гадатели и сонники.

Никольскимъ рынкомъ издаются и идутъ въ народъ и книги духовнаго содержанія, какъ, напр.; «Жизнь Божіей Матери», «Жизнь Николая Чудотворца» и нѣкоторыя другія. Цѣна всѣмъ этимъ книжкамъ, какъ и предъидущимъ, безъ различія ихъ содержанія одна и таже и самая ничтожная. Наружно книжки издаются очень скверно и неряшливо. При такихъ достоинствахъ лубочныхъ изданій, не мудрено, что и крестьяне къ нимъ начинаютъ относиться съ недоувѣріемъ и даже съ пренебреженіемъ. Не смотря однакожь на то, что крестьяне въ послѣднее время начинаютъ относиться къ лубочной литературѣ недоувѣрчиво, у каждаго грамотнаго крестьянина можно встрѣтить отъ 5 до 15 этого рода книгъ. Ежегодно одинъ грамотный крестьянинъ расходуетъ на покупку книгъ отъ 5 до 30 коп., рѣдко больше. («Церк. Вѣстн.»).

Н Е К Р О Л О Г И .

1889 г. апрѣля 17 дня умеръ отъ продолжительной и тяжкой болѣзни, на 73 году отъ рожденія, послѣ напутствованія таинствами Святого Причащенія и Влеосвященія, протоіерей Николаевской церкви, слободы Тарасовки, Купянскаго уѣзда, Александръ Николаевичъ Басанскій, потрудившійся на нивѣ Христовой 52 года. Покойный о. Александръ сынъ священника, родился въ слободѣ Мѣловаткѣ, Купянскаго уѣзда. По окончаніи курса наукъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ 1837 года іюля 15, рукоположенъ того же года ноября 20 во священника къ Николаевской церкви слоб. Тарасовки, при которой и умеръ. 1851 года марта 3 опредѣленъ депутатомъ въ 1 округѣ бывшаго военнаго поселенія, каковую должность проходилъ 13 лѣтъ и 3 мѣсяца. Съ 31 мая 1864 г. по 18 сентября 1876 г. проходилъ должность благочиннаго въ томъ же округѣ. Въ теченіе 21 года проходилъ должность законоучителя при Тарасовскомъ сельскомъ училищѣ, которое первоначально имъ же было и открыто и помѣщалось въ его же домѣ.

Въ теченіе пятидесяти-двухлѣтней службы своей онъ удостоился слѣдующихъ наградъ: въ 1847 году 3 марта получилъ благодарность отъ епархіальнаго начальства за особенные труды въ сочиненіи и произношеніи катихизическихъ поученій въ своей приходской церкви; 1848 года ноября

21 дня награжденъ набедренникомъ; 1853 года ноября 21 дня преподано ему благословеніе Св. Синода; 1855 года 16 апрѣля Всемилоствѣйше награжденъ бархатною фіолетовою скуфією; 1859 года 23 апрѣля преподано благословеніе Св. Синода; 1861 года апрѣля 22 дня Всемилоствѣйше награжденъ камплавкою; 1866 года марта 26 въ третій разъ преподано ему благословеніе Св. Синода; 1867 года мая 14 награжденъ золотымъ наперстнымъ крестомъ; 1873 г. апрѣля 13 возведенъ въ санъ протоіеря; 1874 г. февраля 3 награжденъ орденомъ св. Анны 3 степени; 1884 г. апрѣля 7—орденомъ св. Анны 2 степени; 1887 г. октября 24 ко дню юбилея пятидесяти-лѣтней службы, который праздновался того же года 23 ноября, награжденъ орденомъ Владиміра 4-й степени; кромѣ того крѣзь въ память отечественной 1853—56 годовъ войны бронзовый наперстный крестъ и медаль, и установленный 13 марта 1879 г. знакъ Краснаго Креста.

Покойный о. протоіерей Александръ Николаевичъ никогда не отличался крѣпостію своего здоровья, напротивъ, онъ всю жизнь свою былъ повидимому на столько хилъ здоровѣмъ, что близкіе его никогда не расчитывали на такую долговременную жизнь его. На вопросы же окружающаго: не устаетъ ли онъ при исполненіи своихъ многотрудныхъ пастырскихъ обязанностей, покойный о. протоіерей любилъ отвѣчать: Господь—крѣпость моя, Онъ, давшій мнѣ жизнь и благодать священства укрѣпить и силы мои исполнить возложенное Имъ на меня Святое дѣло пастырскаго служенія. И дѣйствительно, о. протоіерей съ честію и славою въ теченіи 52 слѣшкомъ лѣтъ подвизался на нивѣ Христовой. Онъ не по имени только былъ пастыремъ. Въ продолженіе всей своей жизни онъ отличался трезвостію и примѣрнымъ поведеніемъ. Не смотря на свои преклонныя лѣта и на большую численность прихода, опущеній въ приходѣ никакихъ не было, и ни погода, ни усталость никогда не служили препятствіемъ удовлетворенію религіозныхъ нуждъ прихожанъ. Усердно занимался проповѣдываніемъ Слова Божія, такъ что ни одно богослуженіе не приходило безъ того, чтобы онъ не сказалъ поученія прихожанамъ, а въ иные праздники и воскресные дни говорилъ ихъ и по два, послѣ утрени и на литургіи; поученія его всегда отличались простотою и ясностію изложенія примѣнительно къ пониманію простого народа, инныя были и обличительнаго свойства, преимущественно противъ пьянства, врагомъ котораго онъ былъ всю жизнь. Кромѣ пастырскаго своего служенія о. протоіерей заботился и объ образованіи прихожанъ своихъ. Въ 1882 г. онъ устроилъ на свой счетъ въ своемъ приходѣ прекрасный домъ для училища, подъ желѣзной крышей, на который употребилъ 2400 руб. сер. и насадилъ при немъ садъ около десятины. Прихожане всегда относились къ нему съ сыновнею любовію, чтли и уважали его. Въ 1882 году прихожане въ знакъ своей

любви и благодарности поднесли своему любимому пастырю, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, икону св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго; а въ 1887 г. въ день его юбилея—золотой наперстный крестъ. Для памяти и въ назиданіе потомству о своемъ пастырѣ, они пожелали имѣть въ училищѣ портретъ его, который, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія и поставленъ былъ въ 1888 г. въ училищѣ. Кромѣ заботы о прихожанахъ своихъ о. протоіерей не упускалъ изъ виду и другихъ нуждъ, такъ: во время расширенія своей приходской церкви онъ пожертвовалъ 1000 руб. въ пользу церкви; въ 1882 г. послѣ смерти жены своей, онъ пожертвовалъ 3000 р. сер. на нужды Харьковской Семинаріи, епархіальнаго женскаго и Купянскаго духовныхъ училищъ. Духовенство 2-го благочинническаго округа, Купянскаго уѣзда, всегда относилось къ нему съ большимъ уваженіемъ, видя въ немъ примѣры въ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей, что и выразило поднесеніемъ ему иконы святого благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго въ 1887 году ноября 23, въ день юбилея достопочтеннѣйшаго о. протоіерей.

Покойный о. протоіерей не имѣлъ дѣтей. Въ семействѣ его кромѣ жены, умершей въ 1882 г., жила его родная сестра дѣвица Татьяна Николаевна, которая, какъ онъ самъ выразился въ духовномъ завѣщаніи, болѣе 45 лѣтъ съ особеннымъ усердіемъ потрудила для него и жены его, и которой въ настоящее время 70 лѣтъ. Послѣ себя онъ оставилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ имуществомъ своимъ распорядился до мельчайшихъ подробностей; ни одна вещь не осталась безъ назначенія, и ни одинъ родственникъ не былъ забытъ. Въ пользу приходской церкви онъ отказалъ 2000 руб. сер., въ пользу причта на вѣчное поминованіе 1000 руб. сер. и на ремонтъ устроенной имъ школы и поддержаніе при немъ сада 1300 р. с. Домъ съ надворными постройками онъ отказалъ тоже въ пользу церкви, для квартиры священника, но съ оговоркою, что постройки должны поступить въ вѣдѣніе церкви послѣ смерти сестры его Татьяны Николаевны.

Погребеніе было совершено послѣ Божественной литургіи мѣстнымъ благочиннымъ въ сослуженіи 6 священниковъ и діакона, при громадномъ стеченіи прихожанъ. Священникомъ о. Стефанномъ Любицкимъ сказано было прочувствованное слово. Миръ праху твоему, достойный слугитель Престола Божія, да упокоитъ Господь Богъ душу его въ селеніяхъ своихъ!

Я. Д. БУХАНЦЕВЪ.

Въ ночь подъ 18-е февраля сего года скончался отъ ангины и разрыва аорты секретарь Херсонской духовной Консисторіи, магистръ богословія, коллежскій совѣтникъ Яковъ Діонисьевичъ Буханцевъ, на 60-мъ году жизни своей. Почившій былъ сынъ священника Харьковской губерніи. По окончаніи образованія въ Харьковской семинаріи, онъ поступилъ въ Кіевскую духовную академію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1853 году съ причисленіемъ къ первому разряду воспитанниковъ оной. Въ началѣ 1854 года онъ опредѣленъ въ Воронежскую духовную семинарію наставникомъ по предмету Церковно-Библейской Исторіи и соединенныхъ съ нею предметовъ; здѣсь же онъ исправлялъ нѣкоторое время должность помощника инспектора, а потомъ опредѣленъ на ту же должность для чтенія ученическихъ сочиненій; съ 1860 г. опредѣленъ секретаремъ Правленія той же семинаріи безмездно исполняя обязанности наставника въ 1861 году; въ 1862 году; опредѣленъ секретаремъ Харьковской духовной Консисторіи съ увольненіемъ отъ занимаемыхъ при семинаріи должностей и изъ духовнаго званія; въ 1879 году переведенъ на должность секретаря Херсонской духовной Консисторіи (въ г. Одессу). За службу при семинаріи и отличное усердіе къ дѣлу и трудолюбіе по должности секретаря Консисторій, покойный неоднократно удостоиваемъ былъ благодарности начальства и денежныхъ наградъ, получилъ чины до коллежскаго совѣтника включительно и удостоенъ орденовъ св. Анны 3-й и 2-й степени, Станислава 2-й степени и св. Владимира 4-й степени.

Покойный былъ прекрасный семьянинъ. Къ крайнему сожалѣнію онъ оставилъ достойнѣйшую супругу съ девятью дѣтьми молодого, даже малолѣтняго возраста. Только старшая дочь недавно окончила курсъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ; прочія дѣти или учатся, или совсѣмъ малолѣтнія. Почившій глубоко вѣрилъ въ Промыслъ Божій, пекущійся о сиротахъ, и самъ признавалъ дѣйствіе Промысла въ сиротствѣ своей супруги и сестеръ ея; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заботился и о возможно-лучшемъ и прочномъ образованіи своихъ дѣтей. Вѣруемъ, что по вѣрѣ его милосердый Господь устроитъ и его семью, и вѣрный рабъ Божій увидитъ въ радость Господа своего.

Отпѣваніе почившаго совершено въ крестовой церкви Архіерейскаго дома каедральнымъ протоіереемъ А. Лебединцевымъ, при участіи ректора семинаріи, членовъ Консисторіи, благочиннаго градскихъ церквей, товарищей покойнаго по академіи, іеромонаховъ крестовой церкви и другихъ священнослужителей.

(Извлеч. изъ «Херсон. Епар. Вѣдомостей».)

ГОДЪ О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ВЪ 1889 ГОДУ XXVI.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

Журналъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ. Рекомендованъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія — для гимназій, уѣздныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ. Состоящимъ при IV отд. Собств. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА канцелярїи учебнымъ комитетомъ — для чтенія воспитанницамъ женск. учебн. заведеній ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ. Духовно-учебнымъ управленіемъ рекомендованъ начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ и главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендованъ для библиотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Годовое изданіе «Семейныхъ Вечеровъ» состоитъ изъ 24-хъ книгъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ: 1) стихотворенія, повѣсти и рассказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей, 2) біографіи замѣчательныхъ людей, 3) очерки народныхъ обычаевъ, преданія разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разные эпохи, 4) путешествія, 5) статьи по части исторіи, отечественной и всеобщей, 6) статьи по естественнымъ наукамъ, 7) разборы замѣчательныхъ сочиненій, 8) извѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтобы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинами, распался на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила бы вполне пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми до 14 лѣтъ, а вторая — для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ. Другой же отдѣлъ заключалъ бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленныя для семейнаго чтенія, такъ чтобы всѣ члены семьи наши въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочли бы съ одинаковымъ интересомъ и пользою.

Къ отдѣлу для «Семейнаго чтенія» будутъ разсылаются приложенія рисунковъ новѣйшихъ руководій, а къ отдѣлу для дѣтей — рисунки техническихъ искусствъ и различныя игры и занятія, а также награды подписчикамъ, приславшимъ опредѣленное редакціей количество задачъ и рѣшеній. Кроме того, всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла «Семейныхъ Вечеровъ» будетъ разслана премія.

Подписная цѣна: Полный журналъ (24 книжки) безъ доставки 10 р. съ доставкой 11 р., Отдѣлъ для дѣтей (12 книжекъ) безъ дост. 5 р. съ достав. 5 р. 50 к., Отдѣлъ для семейнаго чтенія и юношества (12 кн.) безъ дост. 5 р. съ дост. 5 р. 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію уступается 1 руб. Для земскихъ школъ, подписавшихся не менѣе какъ на 25 полныхъ экземпляровъ, уступается 2 руб.

Разсрочка допускается: для лицъ, служащихъ въ казен. учрежденіяхъ — за ручательствомъ гг. казначеевъ; для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній — за ручательствомъ ихъ начальствъ. А для прочихъ подписчиковъ — по соглашенію съ редакціей. Разсрочка допускается по третямъ не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается: въ редакціи журнала «Семейные Вечера» — С.-Петербургъ, Невскій пр., домъ № 75—2, кв. № 25, и въ конторѣ редакціи: типо-литографія Э. Е. Арнгольда, Литейная, 59.

Редакторъ-Издательница С. С. Каширева.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.